СЕМЬЯ и ШКОЛА.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ю. Л. СИМАШКО.

КНИГА I.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 8. ОКТЯБРЬ 1871 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, домъ № 15.
1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Ноября 1871 года.

О ЯЗЫЧЕСКОЙ ВѢРѢ НАШИХЪ ПРЕДКОВЪ

И О КРЕЩЕНІИ ИХЪ.

I.

Мы уже видѣли, какъ народъ, будучи еще въ кочевомъ быту, сталъ искать себѣ божествъ; мы знаемъ, что тѣ силы, которыя ему приносили пользу, онъ считалъ добрыми богами, силы-же, почему либо враждебныя, считались дѣйствіемъ злаго бога. Такъ Арійцы стали обоготворять свѣтъ и мракъ, первый въ хорошемъ смыслѣ, второй не въ хорошемъ; такъ они стали съ величайшимъ почтеніемъ относиться къ огню, распространителю свѣта и тепла, которому поручали и своихъ мертвыхъ доводить до вѣчнаго блаженства. Обычай сожигать трупы сохранялся и у нашихъ предковъ Славянъ до тѣхъ поръ, пока они не просвѣтились святою христовою вѣрою.

Добрые боги языческихъ Славянъ главнымъ образомъ представляли собою тѣ силы природы, которыя полезны для человѣка. Солнце, ниспосылающее на землю тепло и свѣтъ, считалось божествомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Хорса или Дажьбога. Дажьбогъ ежедневно совершалъ путешествія по небосклону и съ его высоты осматривалъ землю, прогонялъ своимъ восходомъ холодную мрачную ночь, заставлялъ дикаго звѣря прятаться въ чащу лѣса, а вора—отложить на послѣ свое преступное намѣреніе—воспользоваться имуществомъ честнаго сосѣда. Распространяя теплоту, солнце какъ будто пробуждаетъ къ дѣятельности мать сыру землю, кормилицу и людей, и животныхъ. Но недостаточно одного тепла, чтобы заставить землю давать ра-

стенія: нуженъ еще и живительный дождь, который, по повѣріямъ Славянъ, нагонялся добрымъ богомъ Стрибогомъ, т. е. вѣтромъ, другомъ солнца и благодѣтелемъ людей. Когда Стрибогъ оживилъ ниву необходимымъ количествомъ влаги, когда солнце согрѣло ее своими лучами, то начиналась дѣятельность третьяго божества, Волоса или Велеса, обязанность котораго состояла въ сохраненіи растительности для потребностей скота и человѣка.

Эти божества заботятся о людяхъ, доставляютъ имъ все необходимое; но если люди злыми поступками или недостаткомъ благодарности разгнѣваютъ своихъ боговъ, то наказаніе не замедлитъ явиться: жаркіе лучи солнца высосутъ всю влагу изъ земли и изсушатъ всю траву на лугу и хлѣбъ на полѣ; Стрибогъ не пошлетъ дождика и этимъ поддержитъ гнѣвъ своего брата Дажьбога, а Велесъ не убережетъ стада отъ болѣзней, отъ нападенія лѣсныхъ звѣрей, отъ укушенія ядовитаго паука или змѣи; Велесъ заставитъ мать сыру землю выпустить изъ нѣдръ своихъ несчетное количество разныхъ червей и насѣкомыхъ, которые могутъ до тла раззорить прогнѣвившаго боговъ земледѣльца, живущаго плодами своего поля. Но ни одинъ богъ не дѣйствуетъ такъ страшно, какъ Перунъ, богъ грома и молніи. Онъ не ждетъ, чтобы отмстить человѣку тогда, когда хлѣбъ на полѣ станетъ созрѣвать, а скотъ подрастать на зеленомъ лугу: Перунъ сейчасъ-же поразитъ его своею громовой стрѣлой, зажжетъ ея ударомъ хижину и все уничтожитъ до тла при помощи небеснаго огня. Мщеніе Перуна очень страшно: оно сопровождается ослѣпительнымъ блескомъ молніи, оглушительнымъ раскатомъ грома. Перунъ не стѣсняется временемъ; онъ можетъ появиться даже и ночью, когда солнце укладывается поспать; онъ своей огненной стрѣлой прорываетъ самыя густыя тучи. Но не только зло и разрушеніе приноситъ Перунъ: гроза, которая можетъ жестоко сказнить человѣка, иногда, наоборотъ, принесетъ ему пользу, ниспославъ послѣ засухи обильный дождь, который возвратитъ жизнь природѣ. Перунъ, мечущій кругомъ страшныя стрѣлы и съ грохотомъ разъѣзжающій по небу, должно быть храбрый воинъ, а потому онъ считается покровителемъ всѣхъ тѣхъ, которые мужественно сражаются съ непріятелемъ. Вотъ почему Перунъ получилъ почти у всѣхъ славянъ преимущественное

значеніе предъ прочими богами, вотъ почему онъ явился главнымъ богомъ. Поэтому Славяне, изображавшіе иногда боговъ своихъ въ видѣ людей, не щадили расходовъ, чтобы статую Перуна сдѣлать получше и украсить ее по драгоцѣннѣе. Почти во всѣхъ значительнѣйшихъ городахъ славянскихъ были изображенія этого страшнаго и верховнаго бога. Въ Кіевѣ, напримѣръ, на высокомъ холмѣ близъ княжескаго дворца стоялъ Перунъ, сдѣланный изъ дерева, съ серебряною головою и золотыми усами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предъ статуей его ставили жертвенники, на которыхъ горѣлъ постоянно огонь. Особый классъ людей, жрецовъ, долженъ былъ служить Перуну, и жрецы поочередно дежурили у статуи безпрестанно подкладывая на жертвенникъ дубовыя полѣна, чтобы не дать угаснуть священному огню. Горе тому жрецу, который будетъ такъ невнимателенъ къ служенію верховному богу, что дастъ потухнуть огню на жертвенникѣ: лютая смертная казнь ожидала тогда виновнаго, оскорбившаго Перуна, а въ его лицѣ и всѣхъ другихъ боговъ. У Славянъ была вѣра, что за преступленіе одного человѣка боги казнятъ иногда цѣлый родъ, цѣлый городъ, цѣлый край, а потому всякій оскорбитель боговъ считался человѣкомъ, наводящимъ зло на всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Клятва, данная передъ лицомъ Перуна, считалась не нарушимою, предполагалось, что виновникъ въ клятвопреступничествѣ будетъ казненъ самимъ богомъ. Произнося клятву, Славяне складывали у ногъ идола свои копья, щиты, обнаженные мечи и произносили слѣдующія слова: «Пусть мы не будемъ имѣть помощи отъ Перуна, пусть не укроютъ насъ щиты наши, если задумаемъ нарушить наше обѣщаніе; пусть будемъ тогда изрублены собственными мечами, погибнемъ отъ собственныхъ стрѣлъ или отъ другаго оружія, да будемъ рабами въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ; да проклянутъ насъ въ такомъ случаѣ боги, въ которыхъ мы вѣруемъ, Перунъ и Велесъ, скотій богъ; пусть пожелтѣемъ какъ золото».

Кромѣ тѣхъ боговъ, которыхъ мы назвали, было у Славянъ множество другихъ. Таинственный шумъ лѣса наводилъ ихъ на мысль, что въ немъ живетъ богъ покровитель или лѣшій. Не будучи въ состояніи объяснить себѣ свойствъ и качествъ воды озеръ, рѣкъ и болотъ, Славянинъ полагалъ, что они находятся

тоже подъ управленіемъ какого нибудь второстепеннаго бога и называлъ этого сподручника высшихъ боговъ—водяникомъ. Добрыя божества не могли оставить и хижины славянина безъ особаго наблюденія; и туда они отряжали своего помощника, который носилъ названіе домоваго и въ большей части случаевъ былъ никто иной, какъ дѣдъ или прадѣдъ, давно умершій, но за добрыя дѣла получившій право охранять своихъ же собственныхъ потомковъ отъ всякаго несчастія. И до настоящаго времени необразованный нашъ народъ вѣритъ въ лѣшаго и домоваго съ тою только разницею, что, сдѣлавшись христіаниномъ. онъ не можетъ считать богами своихъ языческихъ представленій, а потому, наоборотъ, считаетъ ихъ силою нечистою, дьяволами.

Наши языческіе предки сильно боялись боговъ своихъ, потому что за ихъ оскорбленіемъ могло послѣдовать страшное наказаніе. Каждый неудачный сборъ хлѣба, каждый ударъ молніи, каждую болѣзнь Славянинъ считалъ не естественнымъ случаемъ, случившимся по той или другой причинѣ, дѣйствующей въ природѣ, а наказаніемъ ниспосланнымъ богами. Поэтому онъ долженъ былъ непремѣнно придумывать различныя средства, для того чтобы умиротворять боговъ своихъ. Средствомъ для этого были жертвы, т. е. подарки, приподносимые человѣкомъ богу. Славянинъ украшалъ статую Перуна разными драгоцѣнностями, думая этимъ заслужить расположеніе повелителя молній; онъ послѣ всякой неудачи горячо молился своему богу, прося его забыть грѣхи и не допускать впредь до несчастій; за каждымъ успѣхомъ слѣдовала благодарственная молитва, чтобы богъ, видя, что человѣкъ его не забываетъ и въ счастіи, продолжалъ дальше изливать всякія блага. Славянинъ выбиралъ изъ своего стада тучнаго вола, умерщвлялъ и сожигалъ на жертвенникѣ передъ статуей Перуна или прямо на близлежащемъ холмѣ. Предполагалось, что огонь, тоже сила божественная, доставитъ сожженное животное богу, который такимъ образомъ, удовлетворивъ свой голодъ кушаніемъ, пожертвованнымъ человѣкомъ, прійдетъ въ хорошее расположеніе духа и наградитъ жертвователя или по крайней мѣрѣ забудетъ его прежніе грѣшные поступки. Славянинъ-язычникъ представлялъ себѣ боговъ своихъ похожими на людей, пьющими и ѣдящими, а потому и думалъ, что то, что доставляетъ удовольствіе человѣку, пріятно и богу;

онъ зналъ, что человѣкъ голодный обыкновенно сердитѣе того, который вкусно пообѣдалъ, а потому предлагалъ и своему богу кушанье. Но притомъ онъ не забылъ принять во вниманіе, что человѣку гораздо пріятнѣе пообѣдать въ веселомъ обществѣ, чѣмъ отдѣльно, а потому богамъ не только сожигались жертвы, но и устраивались въ честь боговъ пиры и попойки. Люди весело ѣли творогъ и мясо, попивали пиво, медъ и греческое вино во славу боговъ своихъ, полагая, что и послѣдніе невидимымъ образомъ присутствуютъ въ ихъ обществѣ.

Чѣмъ важнѣе была просьба, съ которою обращались къ богамъ, чѣмъ значительнѣе наказаніе, ниспосланное на людей, чѣмъ блистательнѣе успѣхъ, одержанный при помощи Перуна и его товарищей, тѣмъ драгоцѣннѣе была жертва. Приносили богамъ въ даръ земные плоды, домашнихъ животныхъ, а иногда даже и людей. Человѣческія жертвы особенно любилъ Перунъ, богъ воинственный и страшный, а потому требующій жертвы и жестокой, и драгоцѣнной; но что-же можетъ быть драгоцѣннѣе, какъ жена для мужа, какъ ребенокъ для родителей, какъ другъ для друга? Но если потребовалось принести жертву идолу, то и мужъ, и родитель, и другъ, скрѣпя сердце, не прекословили и не осмѣливались противиться жестокому требованію... До настоящаго времени въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества крестьяне-земледѣльцы соблюдаютъ во время жатвы слѣдующій странный обычай: они оставляютъ на полѣ нѣсколько кучекъ несжатыхъ колосьевъ и говорятъ, что это дается «Волосу на бороду». Волосъ, какъ мы знаемъ, былъ богъ, покровительствовавшій земледѣлью, а потому требовавшій, чтобы ему отъ земледѣлія доставалась хоть какая нибудь польза. Теперь, конечно, христіанскій нашъ народъ соблюдаетъ этотъ обычай безсознательно, не придавая ему никакого значенія; но не трудно догадаться, что оставленіе хлѣбныхъ растеній «Волосу на бороду» во времена языческія имѣло значеніе благодарственной жертвы, слѣдовавшей послѣ удачнаго сбора хлѣба. Да вообще не одинъ этотъ языческій обычай уцѣлѣлъ до настоящаго времени въ нашемъ народѣ отъ тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ, когда кресты не украшали еще нашихъ городовъ и селъ. Чтобы злая сила не поселилась на лугахъ, гдѣ пасется скотъ, крестьяне нѣкоторыхъ мѣстъ Россіи выходятъ въ августѣ на зарѣ на лугъ

и, обратившись къ востоку, говорятъ: «Мать сыра земля! Уйми ты всякую гадину нечистую отъ приворота и другаго худа!» Затѣмъ они выливаютъ на землю нѣсколько капель конопляпаго масла, какъ бы желая этимъ даромъ задобрить земную силу, и, обратившись на западъ, снова приговариваютъ: «Мать сыра земля! поглоти ты нечистую силу въ бездны кипучія, въ смолу горючію». Къ южной сторонѣ они ведутъ слѣдующую рѣчь: «Мать сыра земля! Утоли ты вѣтры полуденные съ непастью, уйми пески сыпучіе со мятелью»; а къ сѣверу слѣдующую: «Мать сыра земля! уйми ты вѣтры полуночные со тучами, сдержи морозы со мятелями». Каждый разъ при этихъ словахъ повторяется возліяніе масла.

Иногда, предпринимая какое нибудь важное дѣло, Славянина брала охота узнать, какъ на его предпріятіе посмотрятъ боги. Такимъ образомъ произошли гаданія, въ возможность которыхъ вѣрятъ и до настоящаго времени нѣкоторые суевѣрные люди, забывая, что христіанское ученіе положительно ихъ запрещаетъ. Различныя славянскія племена гадали различнымъ образомъ. Нѣкоторые наблюдали, напримѣръ, въ какомъ направленіи идетъ дымъ отъ сожигаемой въ честь боговъ жертвы: если дымъ шелъ прямо вверхъ значитъ къ добру, а если разстилался по землѣ, то быть непремѣнно худу. Славянскія дѣвицы бросали на рѣку вѣнки, и чей вѣнокъ поплыветъ впередъ, та, значитъ, скорѣе другихъ выйдетъ замужъ. У нѣкоторыхъ Славянъ были кони, посвященные богамъ. Коней этихъ обыкновенно держали въ хорошихъ конюшняхъ, кормили отборнымъ зерномъ, иногда сѣдлали, богато-украшенными сѣдлами, но никто не смѣлъ садиться на нихъ, такъ какъ существовало повѣріе, будто сами боги иногда на нихъ ѣздятъ. Такъ какъ такимъ образомъ кони почитались священными, то посредствомъ нихъ Славяне пытались узнавать волю ихъ хозяевъ—боговъ. Обыкновенно клали на землю нѣсколько копій, оставляя между ними извѣстный промежутокъ, и проводили по этому мѣсту посвященнаго богамъ коня: если конь ногою задѣнетъ копье, то значитъ боги не сочувствуютъ задуманному предпріятію, если же нѣтъ — то начинай работу смѣло. Птицы, какъ созданія, летающія межъ небомъ и землею, принимались иногда за вѣстниковъ ниспосылаемыхъ богами на землю. Обычай спрашивать кукушку, услышавъ голосъ ея весною

въ первый разъ, о числѣ лѣтъ, назначенныхъ для жизни человѣка, ведетъ свое начало отъ языческихъ временъ. Св. Кириллъ, жившій столѣтій за семь до насъ и укорявшій нашихъ предковъ въ томъ, что они принявъ христіанство, не хотятъ бросить языческихъ суевѣрій и исполняютъ нѣкоторые богопротивные обряды, въ одной изъ своихъ проповѣдей говоритъ: «Вѣруемъ въ дятловъ, въ воронъ и въ синицъ. Когда идемъ куда, если услышимъ, что птица впереди заиграетъ, то мы останавливаемся и слушаемъ: справа или слѣва раздается ея голосъ, и разсуждаемъ по этому признаку объ успѣхѣ или неудачѣ нашего путешествія». Нѣтъ сомнѣнія, что сохранившееся донынѣ повѣріе, что коли заяцъ перебѣжитъ дорогу, то это плохой знакъ, происходитъ отъ временъ давноминувшей старины. Но какого же должно было быть удивленіе древняго Славянина, когда онъ замѣчалъ что нибудь необыкновенное на небѣ? Какъ-же ему было не признать предсказательной силы за солнцемъ, подвергающемся затмѣнію? Мы теперь знаемъ, что затмѣніе солнца не имѣетъ ничего общаго съ нашею будущею судьбою и происходитъ совершенно отъ другихъ причинъ, а не отъ того, что дѣлаютъ, или, что думаютъ дѣлать люди; но въ тѣ времена полагали, что солнце добрый богъ, а потому коли случится съ нимъ затмѣніе, то оно, значитъ, предвѣщаетъ большую бѣду. Иногда солнечное затмѣніе до того сильно дѣйствовало на народъ, что онъ отказывался напередъ отъ задуманнаго предпріятія, суля ему въ будущемъ полнѣйшую неудачу. Появленіе кометы, какъ вещи необыкновенной, производило тоже сильное впечатлѣніе на суевѣрный народъ, который и здѣсь видѣлъ предзнаменованіе къ худу. И до сихъ поръ появленіе кометы, движущихся сноповъ свѣта, сѣвернаго сіянія принимаются народомъ за предзнаменованіе народнаго бѣдствія-войны. Вотъ какія самыя разнообразныя явленія принималъ древній Славянинъ за несомнѣнныя предсказанія того, что должно случиться въ будущемъ. Понятно, поэтому, что предсказанія такого рода случались съ нимъ на каждомъ шагу: померкнетъ-ли солнце, пролетитъ-ли птица, пробѣжитъ-ли животное—и вотъ онъ уже думаетъ, что все это знаменія; но такъ какъ многаго самъ объяснить не можетъ, то обращается съ вопросами къ людямъ болѣе опытнымъ. И явился цѣлый классъ людей, главнымъ занятіемъ которыхъ было толко-

ваніе знаменій; люди эти носили названіе кудесниковъ, знахарей, волхвовъ, и большею частью являлись между жрецами, потому что послѣдніе постоянно служили богамъ и такимъ образомъ могли, по повѣрію народа, лучше знать, въ чемъ заключается ихъ воля. Вѣроятно нѣкоторые изъ волхвовъ были искренно убѣждены въ правдивости своихъ толкованій, сами вѣрили въ то, что говорили; но другіе не совѣстились надувать народъ изъ за своей пользы, такъ какъ тѣ, которые приходили за совѣтомъ, приносили обыкновенно имъ подарки.

Эти-то кудесники или знахари выдавали себя за людей, не только знающихъ будущее, но и за такихъ, которые знаютъ различныя средства для того, чтобы, то или другое сбылось непремѣнно. Во время болѣзни они давали различныя травы, которымъ приписывали чудесную силу; если травы не помогали, то прибѣгали къ разнымъ другимъ штукамъ, между прочимъ къ заговорамъ. Подъ именемъ заговора разумѣются разныя таинственныя слова, которыя, по повѣрью народа, имѣютъ силу предотвращать и наводить разныя бѣдствія. Вотъ, напр. заговоръ, который употреблялся, а можетъ быть и теперь употребляется для излѣченія зубной боли: «Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, серебряные рожки, златыя твои ножки. Сойди ты, мѣсяцъ, сними мою скорбь зубную, унеси болѣ подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча». А вотъ заговоръ для предотвращенія вреднаго вліянія мороза: «Эй морозъ! иди къ намъ кисель ѣсть; не тронь нашихъ жита-пшеница». «Мѣсяцъ ты красный, звѣзды вы ясныя, солнышко ты привольное! Сойдите—уймите человѣка отъ запоя». Очевидно, что послѣдній заговоръ имѣетъ въ виду излѣченіе отъ пьянства.

Были у древнихъ Славянъ знахари или кудесники, были и знахарки или вѣдьмы. Слово «вѣдьма» происходитъ отъ «вѣдати», т. е. «знать»; поэтому «вѣдьма» обозначала у нашихъ предковъ женщину, знающую такія вещи, которыя не доступны для обыкновенныхъ людей. Эти вѣдьмы жили обыкновенно уединенно въ лѣсахъ, отличались таинственностью. Про нихъ ходили въ народѣ слухи, да и теперь еще ходятъ, что онѣ летаютъ по воздуху на козлахъ и метлахъ, собираются на какую то Лысую гору, знаются со сверхъ-естественными силами, вѣдаютъ цѣлебныя свойства разныхъ травъ, творятъ сами чудеса, обладаютъ

такимъ цвѣткомъ, который имъ дастъ возможность знать все, что происходитъ на землѣ и т. д. Наши языческіе предки вѣрили всѣмъ этимъ сказкамъ, страшно боялись обидѣть такую женщину и приходили къ ней за совѣтами. Знахарки или вѣдьмы приготовляли разнаго рода напитки, посредствомъ которыхъ молодецъ могъ будто-бы каждую дѣвицу заставить полюбить его, а дѣвица каждаго молодца; между прочимъ вѣдьмы давали слѣдующій смѣшной совѣтъ: «Возьми летучую мышь, убей ее, зарой на кладбищѣ, и когда отъ нея останутся только кости, вынь ее. Въ числѣ ея костей найдешъ одну, похожую на крючекъ, а другую на метлу; если этимъ крючкомъ задѣнешь кого нибудь за платье, то задѣтый непремѣнно полюбитъ тебя; если дотронешься до кого нибудь другою косточкою, то даже роднаго брата сдѣлаешь себѣ врагомъ». Какъ знахари, такъ и знахарки, по повѣрію народа, могли наводить и зло. У нихъ были въ запасѣ заговоры, наводящіе голодъ на цѣлую страну, ядовитыя зелья, причиняющія болѣзнь. Существствовала, напр. вѣра, что взявъ песокъ или землю, на которой обозначался слѣдъ ноги человѣка, знахарка, посредствомъ заклинаній, произносимыхъ надъ этимъ пескомъ или землею, могла причинить смерть тому кто оставилъ свой слѣдъ.

Какимъ-же образомъ, спросите вы, люди могли вѣрить въ такіе пустяки и думать, что въ самомъ дѣлѣ птица можетъ предвѣщать счастье и несчастье, а живущая въ лѣсу грязная старуха управлять по своему произволу здоровьемъ и даже жизнью людей? Намъ это дѣйствительно кажется страннымъ, такъ какъ мы кое-чему научились, знаемъ, что болѣзнь происходитъ отъ простуды, отъ вредной пищи, а не отъ заговора; что заяцъ животное безъ разума, а птица не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что съ нами будетъ; но припомните, что и вамъ, вѣроятно, когда вы капризничали, няня говорила, что за дверью спальни сидитъ волкъ, а изъ печки выйдетъ медвѣдь, чтобъ съѣсть васъ, если не будете вести себя прилично; припомните и сознайтесь, что вы вѣрили этимъ небылицамъ, потому что ничего не понимали, не могли сообразить того, что въ печку не можетъ забраться медвѣдь, а въ залу волкъ. И грубый, невѣжественный народъ точно также ничему не учился, какъ маленькій ребенокъ, а потому и вѣритъ всякому вздору. Представьте себѣ, что че-

ловѣкъ, страдающій зубною болью, идетъ къ одному знахарю; послѣдній творитъ свои заклинанія, но не помагаетъ; больной идетъ ко второму—успѣхъ тотъ-же, и онъ отправляется къ третьему. Но зубы у него проходятъ сами собою, потому что никакая боль не вѣчна; и вотъ онъ начинаетъ восхвалять искуство третьяго знахаря, и цѣлая толпа больныхъ, приписывая излѣченіе перваго человѣка не случаю, а силѣ заговора, идетъ лѣчится къ чудесному доктору, слава котораго растетъ все болѣе и болѣе. Надъ извѣстною мѣстностью пронеслась комета, народъ ждетъ бѣды, но бѣды нѣтъ; и ожиданіе, и комета тогда забываются: но случись въ это время какое нибудь несчастіе и человѣкъ, упомнивъ его, упомнитъ и странную звѣзду, бывшую въ то время, и сочтетъ эту звѣзду предвѣстницею несчастія. Да притомъ человѣкъ рѣдко обвиняетъ самъ себя въ своихъ неудачахъ; ему гораздо пріятнѣе взваливать всю вину на кого нибудь другаго, тѣмъ болѣе, что его невѣжество вполнѣ помогаетъ такому желанію во чтобы-то ни стало оправдать себя. Язычникъ предокъ нашъ залѣнился и плохо воздѣлалъ свое поле, а потому не получилъ съ него хорошаго дохода — и вотъ онъ станетъ оправдывать свою лѣнь и скажетъ, что не она виновата въ неуспѣхѣ, а заяцъ, который перебѣжалъ дорогу, когда онъ шелъ пахать; онъ возьмется за какое нибудь дѣло и, по неумѣнію, испортитъ его; не бойтесь, онъ не сознается въ своемъ невѣжествѣ, а обвинитъ коня, который, во время гаданія, сдвинулъ копье съ мѣста; идя полупьянымъ изъ гостей домой черезъ лѣсъ и заблудившись на дорогѣ, проплуталъ по лѣсу всю ночь до свѣта, онъ не припишетъ бѣды вину, шумящему въ головѣ, а злому умыслу вѣдьмы, которая упросила лѣшаго попутать его. Такимъ-то образомъ слагаются суевѣрья, такъ-то они отъ одного переходятъ къ другому, отъ отца воспринимаются сыномъ. Только образованность да христіанская вѣра могутъ уничтожить ихъ въ народѣ.

II.

Разсказываютъ, что въ очень древнія времена страна наша была посѣщена св. апостоломъ Андреемъ. Этотъ распространитель вѣры Христовой пришелъ въ греческій городъ Корсунь, находившійся въ теперешнемъ Крыму, и узнавъ про обширныя

рѣдко населенныя мѣста, простирающіяся на сѣверъ, возымѣлъ желаніе познакомиться съ ними поближе. Путешествія, какъ мы уже говорили прежде, по причинѣ непроходимыхъ лѣсовъ, болотъ и степей, были тогда далеко не безопасны, потому св. апостолъ, какъ и другія лица, путешествовавшія въ тѣ времена по нашему обширному отечеству, пустился водянымъ путемъ, тѣмъ самымъ, который называется варяжскимъ и соединяетъ Балтійское море съ Чернымъ. Онъ пустился по Днѣпру вверхъ и, выйдя на берегъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ впослѣдствіи суждено было явиться славному городу Кіеву, водрузилъ на одномъ изъ холмовъ крестъ и сказалъ своимъ спутникамъ слѣдующія пророческія слова: «Видите-ли горы сіи? На нихъ возсіяетъ благодать божья, воздвигнется большой городъ со многими святыми храмами». Затѣмъ апостолъ Андрей отправился дальше на сѣверъ, Волховомъ доѣхалъ до того мѣста, гдѣ теперь Новгородъ, пробрался въ Балтійское море, побывалъ въ землѣ Варяжской и уже оттуда пошелъ въ Римъ.

Почти цѣлое тысячелѣтіе прошло со времени посѣщенія восточной Европы св. апостоломъ, много въ ней перебывало разныхъ народовъ, много выстроено значительныхъ городовъ, а все же мракъ язычества стоялъ ненарушимо, и только потомъ сталъ уже мало по малу разсѣиваться, отступая предъ христіанствомъ, какъ темная ночь уходитъ предъ восходящимъ солнцемъ. Солнце сначала еле-еле просвѣчивается сквозь густой мракъ ночи, но съ каждою минутою лучи его усиливаются и темнота рѣдѣетъ, наконецъ солнце выплыло на просторный небосклонъ, показалось во всемъ своемъ величіи, и ночь должна окончательно уступить мѣсто дню. Такъ точно было и съ вѣрой Христовой: сначала ее принимаетъ нѣсколько варяговъ, входящихъ въ составъ княжеской дружины, а прежде служившихъ въ войскѣ царей греческихъ въ славномъ Царьградѣ или Константинополѣ, городѣ, который одинъ изъ первыхъ украсился знаменіемъ креста. Отъ этихъ нѣсколькихъ дружинниковъ новая вѣра начинаетъ распространяться все болѣе и болѣе, и послѣдователями ея является нѣсколько десятковъ, нѣсколько сотъ, нѣсколько тысячъ человѣкъ; наконецъ и князь убѣждается въ превосходствѣ вѣры греческой надъ языческою, самъ принимаетъ крещеніе и крститъ весь народъ свой.

Говорятъ, что Аскольдъ и Диръ, измѣнически убитые Олегомъ, были уже христіане, этого однако за безусловно-вѣрное принимать нельзя. Но не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что во времена Игоря значительная часть дружины исповѣдовала христіанскую религію и имѣла въ Кіевѣ свой храмъ, построенный во имя св. Ильи. Такимъ образомъ мы видимъ, что христіанство начинаетъ распространяться преимущественно отъ дружинниковъ; оно иначе и быть не могло. Вѣдь тогда, когда сельскій житель сидѣлъ въ своей грязной избѣ и ничего никогда не видѣлъ кромѣ своей деревни, своего поля, своего лѣса и своей рѣки, дружинникъ бывалъ въ разныхъ странахъ, которыя гораздо образованнѣе его родины. Онъ ходилъ въ землю греческую, видѣлъ тамъ прекрасные храмы, видѣлъ священниковъ, ознакомлялся съ вѣрою, исповѣдуемою всѣмъ народомъ и, замѣтивъ ничтожество своихъ боговъ предъ тѣмъ Богомъ, которому поклонялись Греки, принималъ крещеніе. Греческую вѣру приняла подъ старость и княгиня Ольга, та самая, которая, пока поклонялась Перуну, мстила столь жестоко и кровожадно Древлянамъ, сожигая ихъ города и цѣлыми тысячами истребляя людей. Она убѣждала и своего сына Святослава послѣдовать ея примѣру, но Святославъ, съ ранняго дѣтства привыкнувшій къ войнѣ, никакъ не хотѣлъ исполнить желаніе матери. И въ самомъ дѣлѣ христіанская вѣра, вѣра мира и любви, не могла прійдтись по сердцу князю, который чувствовалъ себя вполнѣ хорошо только тогда, когда вокругъ летали стрѣлы, раздавались удары мечей, да стоны раненныхъ.

Сынъ этого Святослава, Владиміръ, съ ранняго дѣтства сталъ тоже обнаруживать воинскія наклонности, и потому особенное уваженіе чувствовалъ къ богу Перуну, изображенія котораго ставилъ и украшалъ въ разныхъ городахъ своего государства. Чтобы достигнуть единодержавной власти надъ всею русскою землею, раздѣленною между нимъ и братомъ, онъ измѣннические-скимъ образомъ умертвилъ послѣдняго и остался жить въ городѣ Кіевѣ, откуда предпринималъ походы на разные сосѣдніе народы. Между прочимъ онъ ходилъ на Ятвяговъ, народъ, жившій въ лѣсахъ на С. З. отъ Древлянской области. Ятвяги были храбры и сильны, а потому побѣда кіевскому князю досталась не дешево. Праздновалась она великолѣпными пиршествами при

кіевскомъ дворѣ и, наконецъ, рѣшено было возблагодарить Перуна за успѣхъ необыкновенною жертвою—закланіемъ младенца изъ собственнаго города. Рѣшено было кинуть жребій. Жребій палъ на одного младенца, сына дружинника Владиміра, Варяга, исповѣдовававшаго вмѣстѣ со своею семьею вѣру Христову. Посланные пришли и объявили несчастному отцу, что боги возлюбили его сына и желаютъ, чтобы онъ принесенъ былъ имъ въ жертву. Выпаденіе жребія считалось у Славянъ несомнѣннымъ проявленіемъ воли боговъ. Но старый Варягъ отвѣчалъ: «Ваши боги не боги, а дерево; сегодня они есть, завтра сгніютъ; они не ѣдятъ, не пьютъ, не говорятъ, они сдѣланы руками человѣческими. Есть только одинъ истинный Богъ, тотъ самый, которому служатъ и поклоняются Греки, который сотворилъ небо, землю, звѣзды, луну, солнце и человѣка, предназначивъ послѣдняго къ жизни на землѣ; а ваши боги что сдѣлали? они сами дѣланы. Не дамъ сына своего бѣсамъ». Посланные ужаснулись отъ дерзкой рѣчи Варяга, пошли и разсказали всему народу о случившемся. Кіевскій народъ никогда не преслѣдовалъ тѣхъ, которые придерживались другой вѣры; но теперь, когда христіанинъ публично оскорбилъ Перуна, Велеса, Стрибога и Дажьбога, когда онъ наругался надъ вѣрою, господствующею въ странѣ, народъ возопилъ отъ негодованія и цѣлою толпою хлынулъ къ дому Варяга. Послѣдній заперъ ворота и, держа въ одной рукѣ сына, а въ другой обнаженный мечь, стоялъ въ сѣняхъ, ожидая нападенія. Толпа между тѣмъ разрушила заборъ и ворвалась во дворъ, крича: «отдай своего сына богамъ». «Если они боги, отвѣтилъ неустрашимый христіанинъ, то пусть одного изъ нихъ пошлютъ за моимъ сыномъ; вы-же чего хлопочете?» Тутъ уже гнѣвъ народа вышелъ изъ всякихъ предѣловъ: всѣ единодушно бросились на дерзкаго и лишили его жизни вмѣстѣ съ его сыномъ.

Свирѣпые язычники убили въ минуту гнѣва христіанскаго храбреца; но гнѣвъ прошелъ, и на убійцъ могло найдти раздумье. «А въ самомъ дѣлѣ, могли подумать они, странно, что наши боги позволили такъ поносить себя, не показали ни одного чуда, подтверждающаго ихъ величіе и достоинство. Не правду-ли говорилъ Варягъ? Сталъ-ли бы онъ жертвовать собственною жизнью, если-бы не былъ убѣжденъ въ истинности

своихъ словъ? Притомъ онъ человѣкъ бывалый, видѣлъ больше насъ, знаетъ больше насъ». Такія и тому подобныя мысли могли мелькнуть въ головахъ тѣхъ людей, которые даже, въ порывѣ негодованія, вонзали острые мечи въ тѣло Варяга. Очевидно, что если такого рода мысли пробуждаются въ язычникѣ, то это не добрый признакъ для его боговъ. Вотъ какимъ образомъ кровь мучениковъ бываетъ сѣменемъ той вѣры, за которую она проливается.

Самъ князь Владиміръ сталъ тоже мраченъ и задумчивъ: онъ размышлялъ о вѣрѣ своей, сравнивалъ её съ вѣрами сосѣднихъ народовъ и конечно, приходилъ къ тому заключенію, что христіанскій Богъ выше, могущественнѣе Перуна, что народы, поклоняющіеся Спасителю, живутъ гораздо лучше русскихъ, богаче ихъ и образованнѣе. Между тѣмъ эти-же думы не давали покоя и многимъ дружинникамъ, и нѣкоторые изъ нихъ окончательно пристали къ христіанству, которое все болѣе и болѣе увеличивало число своихъ послѣдователей. Находившіеся при княжескомъ дворѣ христіане при всякомъ случаѣ старались намекнуть князю, что по ихъ мнѣнію, слѣдовало-бы принять крещеніе; но князь медлилъ и задумывался пуще прежняго. Онъ понималъ, что столь важный вопросъ, какъ вопросъ о вѣрѣ, нельзя рѣшать вдругъ, не обдумавъ обстоятельно, не испытавъ той вѣры, къ которой у него лежало сердце. Къ тому-же еще къ князю со всѣхъ сторонъ стали присылать посольства, цѣлью которыхъ было отвращеніе его отъ язычества. Каждый изъ сосѣднихъ народовъ желалъ заманить сильнаго князя въ свою вѣру, чтобы потомъ въ немъ, какъ въ единовѣрцѣ, имѣть полезнаго союзника.

Первымъ прибыло посольство отъ Болгаръ, жившихъ по рѣкѣ Камѣ. Камскіе Болгары были магометане, т. е. исповѣдовали вѣру, установленную Магометомъ, ту самую, которая теперь еще держится у Татаръ, Турокъ и Арабовъ. «Ты князь мудрый и смышленый, говорили Болгаре, а закона не вѣдаешь: увѣрь въ нашъ законъ и поклонись нашему пророку Магомету». «А какова ваша вѣра?» спросилъ Владиміръ. «Мы, отвѣчали послы, вѣримъ въ Бога, а Магометъ училъ насъ, что не годится ѣсть свинное мясо, пить вино. За это по смерти онъ обѣщаетъ жизнь въ прекрасномъ раю. Женъ тамъ будетъ у каждаго по семидесяти».

Владиміръ, выслушавъ пословъ, подумалъ и отвѣчалъ: «Руси есть веселье пити, не можетъ безъ того быть». Запрещеніе ѣсть свинину тоже ему очень не нравилось. Онъ не распрашивалъ о другихъ правилахъ вѣры, не интересовался ученіемъ о ближнихъ, о милостынѣ, о грѣхѣ; одного запрещенія вина и свинины было достаточно, чтобы отпустить болгарскихъ пословъ ни съ чѣмъ.

Прошло не много времени и предъ княземъ предстало посольство изъ нѣмецкой страны, которое передало Владиміру слѣдующую рѣчь своего главнаго священнослужителя, папы: «Папа велѣлъ тебѣ сказать слѣдующее: земля твоя такая-же, какъ и наша, но вѣра не такая. А наша вѣра есть свѣтъ, ибо мы кланяемся Богу, создателю неба и земли, звѣздъ, мѣсяца и всякаго живаго существа; ваши-же боги—дерево».

Какова-же заповѣдь ваша?» Спросилъ Владиміръ. «Пощеніе по силѣ; кто пьетъ или ѣстъ, то дѣлаетъ все это во славу Бога, какъ говоритъ нашъ учитель Павелъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Владиміръ, вѣроятно узналъ, что Римскій папа хочетъ управлять царями и королями, что онъ допускаетъ богослуженіе только на латинскомъ языкѣ, не понятномъ для народа. «Ступайте обратно, сказалъ Владиміръ посламъ, отцы наши не принимали вашей вѣры».

Между Хозарами, сосѣдями русскихъ Славянъ, было много Іудеевъ, т. е. Евреевъ. Они тоже рѣшились попытаться склонить Владиміра въ свою пользу и послали сказать ему: «мы слыхали, что къ тебѣ приходили Болгары и Христіане, соблазняя въ свою вѣру. Но вѣдь христіане вѣруютъ въ того бога, котораго мы распяли, а мы вѣруемъ въ единаго Бога Авраамова, Исаакова и Яковля».

— «Въ чемъ состоитъ законъ вашъ?» спросилъ князь.

— «Не ѣсть свинины, ни заячины, соблюдать день субботній».

— «А гдѣ земля ваша?» Опять спросилъ князь.

— «Въ Іерусалимѣ».

— «Тамъ вы живете?» снова спросилъ очевидно заинтересованный Владиміръ.

— «Богъ разгнѣвался на отцевъ нашихъ за грѣхи ихъ и предалъ нашу землю въ руки Христіанъ».

Князь, любившій свою родину, не могъ промѣнять своихъ идоловъ на вѣру тѣхъ людей, которыхъ самъ Богъ наказалъ лишеніемъ отечества, а потому сказалъ: «такъ какъ-же вы, сами разсѣянные и отверженные, учите другихъ? Если бы Богъ любилъ законъ вашъ, онъ бы не разсѣялъ васъ по лицу земли. Хотите-ли, чтобы и съ нами случилось тоже»? Такимъ образомъ и Іудеи не имѣли успѣха.

Но вотъ пріѣхалъ въ Кіевъ греческій философъ (философами Греки называли мудрыхъ людей). Онъ сталъ объяснять Владиміру всю ложность вѣры Магомета и разсказомъ про разные магометанскіе обряды до того подѣйствовалъ на Владиміра, что этотъ, плюнувъ произнесъ: «Нечистое у нихъ дѣло». Далѣе философъ сталъ говорить про вѣру папскую или католическую, и тоже еще болѣе убѣдилъ Владиміра въ ея несостоятельности. Когда Владиміръ сталъ говорить, что Іудеи хвалятся, будто распяли христіанскаго Бога, то философъ сказалъ: «это такъ, но мы вѣримъ въ Него, потому что пророки предсказали, что онъ родится, будетъ распятъ и погребенъ, но на третій день воскреснетъ и взойдетъ на небо. Іудеи избивали и изгоняли пророковъ, но когда пришло время, Богъ сошелъ на землю, принялъ распятіе, воскресъ и взошелъ на небо. Онъ ждалъ отъ Іудеевъ раскаянія впродолженіе сорока шести лѣтъ, но, не дождавшись, послалъ на нихъ Римлянъ, которые разрушили города ихъ, а самихъ расточили по лицу земли, предавъ въ рабство».

— «Чего же ради, спросилъ князь, Богъ нисходилъ на землю и мученія принималъ?»

— «Если хочешь—отвѣтилъ Грекъ, то съ самаго начала разскажу тебѣ, почему Богъ сошелъ».

— «Радъ слушать», сказалъ Владиміръ.

Тутъ христіанинъ-философъ повелъ разсказъ о сотвореніи міра и человѣка, о грѣхѣ Адама, а потомъ, изложилъ всю Ветхозавѣтную исторію, перешелъ къ Новозавѣтной, многое разсказалъ изъ нея, описалъ изумленному князю страшный судъ, и, наконецъ, въ подтвержденіе словъ своихъ, показалъ картину, изображающую второе пришествіе сына Божія. Владиміръ былъ въ восхищеніи отъ разсказа философа и отъ его картины, а потому воскликнулъ: «хорошо тѣмъ, что стоятъ одесную, горе

тѣмъ, которые ошую». «Если хочешь быть въ числѣ первыхъ, прервалъ философъ, то крестись».

Но, не смотря на плѣнительную рѣчь греческаго мудреца, Владиміръ не рѣшался еще разстаться съ идолами своихъ предковъ. «Подожду еще не много», сказалъ онъ и сталъ размышлять по прежнему, а наконецъ, созвавъ на совѣтъ дружину свою и городскихъ старѣйшинъ сказалъ слѣдующую рѣчь: «приходили ко мнѣ Болгаре и предлагали принять законъ ихъ; приходили потомъ Нѣмцы, и тоже хвалили свою вѣру; за ними приходили Іудеи. Но вотъ явились Греки, порицающіе всѣ чужіе законы, а восхваляющіе свой.

Они много сказали о началѣ міра и о бытьѣ его. Говорятъ они очень искустно, чудно ихъ слушать. Они разсказываютъ о существованіи другаго міра и увѣряютъ, что тотъ, кто приметъ ихъ вѣру, хоть и умретъ, но потомъ воскреснетъ на жизнь вѣчную; если-же кто другую вѣру возлюбитъ, то на томъ свѣтѣ въ огнѣ горѣть будетъ. Какъ вы думаете? Въ чью пользу рѣшаете?

Отвѣчали на это Владиміру: «извѣстно тебѣ, Князь, что своего хулить никто не станетъ, а будетъ непремѣнно хвалить. Если хочешь узнать пообстоятельнѣе — пошли мужей своихъ, чтобы они посмотрѣли божью службу у каждаго народа.

Рѣчь совѣтниковъ пришлась по сердцу Владиміру, и немедленно десять знатныхъ дружинниковъ князя отправились въ путь извѣдывать сосѣднія религіи.

Посланники сначала посѣтили Болгарію, присутствовали при магометанскомъ богослуженіи и, не довольные тѣмъ, что видѣли, отправились къ католикамъ. Тутъ тоже имъ не понравилось, и они продолжали путь въ Грецію. Узнавъ о ихъ прибытіи, греческій царь велѣлъ устроить самое торжественное богослуженіе. Онъ зналъ, что необразованныхъ Славянъ нужно поразить красотою и великолѣпіемъ обрядовъ, потому что истинный смыслъ христіанской вѣры едва ли могъ быть для нихъ вполнѣ понятенъ. Въ соборной церкви св. Софіи въ Константинополѣ, въ храмѣ, великолѣпнѣйшемъ изъ всѣхъ православныхъ храмовъ того времени, готовилась торжественная обѣдня.

Тысячи свѣчей ярко освѣщали внутренность храма, и огонь ихъ красиво игралъ на золотыхъ и серебряныхъ ризахъ иконъ. Великолѣпнѣйшія благовонія курились и наполняли воздухъ пріі-

ятнымъ ароматомъ. Украшенные алмазами и жемчужинами одежды священнослужителей дополняли эту картину великолѣпія, и стройное церковное пѣніе многочисленныхъ пѣвчихъ такъ и проникало въ душу. Русскихъ пословъ поставили на такомъ мѣстѣ, откуда можно было обозрѣть все великолѣпіе. Послѣ обѣдни греческій императоръ призвалъ ихъ къ себѣ во дворецъ, задалъ пиръ на славу и, одаривъ различными цѣнными вещами, отпустилъ на родину. Русскіе послы были очарованы богатствомъ и великолѣпіемъ греческой церковной службы, были плѣнены гостепріимствомъ греческихъ царей. Не заѣзжая уже въ тѣ земли, въ которыхъ жили Іудеи, они прямо отправились домой, горя нетерпѣніемъ высказать своему князю то впечатлѣніе, которое на нихъ произвела греческая православная вѣра.

Снова въ Кіевѣ собрался совѣтъ, ибо князь велѣлъ сообщить всѣмъ дружинникамъ и старѣйшинамъ, что прибыли мужи, испытавшіе вѣру. Самъ Владиміръ уже напередъ рѣшилъ вопросъ о превосходствѣ вѣры греческой надъ другими вѣрами, но, не желая столь важнаго дѣла рѣшать безъ дружины, велѣлъ посланникамъ еще разъ передъ всѣмъ собраніемъ повторить разсказъ о путешествіи. «Были мы у Болгаръ, сказали мужи, видѣли какъ они въ своихъ храмахъ стоятъ безъ пояса, поклонятся и потомъ сядутъ и глядятъ по сторонамъ, какъ бѣшенные; не весело у нихъ, но печально; не хорошъ ихъ законъ. Были у нѣмцевъ и видѣли въ храмахъ ихъ многія службы, но нѣтъ у нихъ никакой красоты. Потомъ пришли къ Грекамъ, и повели они насъ туда, гдѣ служатъ своему Богу; и не знаемъ, на землѣ-ли мы были или на небѣ? Такой красоты на землѣ нѣтъ; мы можемъ сказать только то, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми. Мы не можемъ забыть этой красоты. Мы, какъ каждый человѣкъ, который попробовалъ сладкаго, не можетъ тоже вкушать горькаго». Выслушавъ такую рѣчь, дружина сказала князю: «Еслибъ плохъ былъ законъ греческій, то не приняла бы его твоя бабушка Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей».

Примѣръ предковъ имѣлъ громадное значеніе для Владиміра и его дружины. И въ самомъ дѣлѣ они, хотя были сами язычники, но привыкли видѣть около себя постоянно православныхъ христіанъ, жившихъ въ Кіевѣ, привыкли къ разнымъ сношеніямъ съ греческимъ народомъ. Къ другой вѣрѣ имъ странно было-бы

привыкнуть, но греческая была уже имъ болѣе или менѣе извѣстна. Поэтому Владиміръ спросилъ: «Гдѣ пріймемъ крещеніе?» «Гдѣ тебѣ угодно», былъ отвѣтъ.

Но гордый русскій князь не хотѣлъ посылать къ Грекамъ просить о присылкѣ священниковъ и потому сталъ самъ готовиться въ походъ на греческую землю.

III.

Сильная русская рать подъ начальствомъ самого князя отправилась изъ Кіева. Цѣлью настоящаго похода былъ не Константинополь, а городъ Корсунь, построенный Греками тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Севастополь, т. е. на берегу Чернаго моря въ Крыму. Русскій князь подступилъ къ городу и началась осада, потому что Корсунцы, даже послѣ неудачной для нихъ битвы въ открытомъ полѣ, отказались сдаться. Владиміръ объявилъ, что цѣлыхъ три года будетъ стоять подъ городомъ и такимъ образомъ или возьметъ силою, или голодомъ принудитъ ихъ къ сдачѣ.

Корсунцы, однако, не унывали и рѣшились защищаться до послѣдней крайности, надѣясь на свои крѣпкія стѣны, разрушить которыя было чрезвычайно трудно. Владиміръ началъ съ того, что приказалъ насыпать высокій валъ передъ городомъ; онъ думалъ, что русскіе стрѣлки, стоя на вершинѣ этого вала, будутъ въ состояніи пускать стрѣлы въ городъ и убивать всякаго, показывающагося на городской стѣнѣ. Корсунцы сообразили въ чемъ дѣло и пустили въ ходъ всевозможныя средства, чтобы избѣжать угрожающей имъ опасности. Они сдѣлали подземный выходъ изъ города къ валу и ночью разрушали то, что днемъ успѣли построить непріятели, а чтобы земля отъ разрушеннаго вала не повышала почвы передъ стѣнами и такимъ образомъ не облегчала русскимъ воинамъ попытокъ взобраться на стѣны, они уносили ее съ собою и наваливали на одну площадь среди города. Скоро въ городѣ отъ этого выросла цѣлая гора. Владиміръ былъ чрезвычайно недоволенъ медленностью, съ которой шла осада города, но терпѣливо ждалъ лучшихъ обстоятельствъ. Вдругъ однажды приносятъ ему стрѣлу, къ которой привязано письмо. Стрѣла, какъ потомъ оказалось, была пущена

однимъ изъ осажденныхъ, нѣкимъ Настасомъ. Въ письмѣ значилось, что не вдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ была палатка русскаго князя, находится колодезь, отъ котораго подземными трубами вода идетъ въ городъ и такимъ образомъ снабжаетъ его питьемъ. Письмо совѣтовало отыскать мѣсто, по которому идутъ трубы и, разрушивъ ихъ, перенять воду. Какова же была радость Владиміра, когда онъ возъимѣлъ снова надежду въ скоромъ времени покончить съ могущественнымъ городомъ. «Если это сбудется, то я крещусь», воскликнулъ обрадованный князь и велѣлъ искать подземныхъ трубъ. Онѣ были найдены, засыпаны, и вода такимъ образомъ перестала проходить въ городъ, жители котораго, изнемогая отъ жажды, должны были открыть ворота осаждающимъ.

Удача Владиміра подъ Корсунью должна была еще больше расположить его въ пользу христіанства: въ ней онъ видѣлъ новое доказательство величія и всемогущества христіанскаго Бога, смиряющаго по своей волѣ крѣпкіе города, и дарующаго побѣды тамъ, гдѣ всѣ человѣческія силы дѣйствовали безуспѣшно. Да кромѣ того Владиміръ теперь былъ связанъ своимъ словомъ, связанъ обѣщаніемъ, которое онъ далъ, получивъ письмо Настаса. Поэтому вошедши въ завоеванный городъ, русскій князь немедленно послалъ пословъ къ греческимъ царямъ со слѣдующимъ предложеніемъ: «я взялъ славный городъ Корсунь. Слыхалъ я, что у васъ есть дѣвица сестра; дайте мнѣ ее въ замужество, а то и съ вашимъ городомъ (Константинополемъ) сдѣлаю то, что съ этимъ». Греческіе цари (тогда въ Греціи царствовало два царя: Василій и Константинъ) сильно опечалились этимъ извѣстіемъ: имъ, во первыхъ, жаль было города, уже занятаго Русскими, а во вторыхъ нужно было бояться и за Константинополь, потому что было извѣстно, что Русскій народъ нравомъ лютъ и суровъ, шутить не станетъ. Тѣмъ не менѣе они не рѣшались выдавать сестры за язычника, и потому послали слѣдующій отвѣтъ: «не пристойно христіанкамъ сочетаться бракомъ съ язычниками; если-же ты крестишься, то получишь нашу сестру, и царствіе небесное, и будешь нашимъ единовѣрцемъ; если-же нѣтъ, то не выдадимъ сестры за тебя». Владиміръ отвѣчалъ: «скажите царямъ, что я крещусь; я уже прежде испыталъ ихъ вѣру, она мнѣ нравится, она понравилась и мужамъ,

которыхъ я посылалъ». Цари, не довѣряя, вѣроятно, словамъ русскаго князя, опять послали сказать послѣднему: «крестись прежде, а потомъ мы пошлемъ сестру». Владиміръ отвѣчалъ: «пусть тѣ, которые пріѣдутъ съ царевною, окрестятъ меня».

Теперь уже не подлежало сомнѣнію, что русскій князь въ самомъ дѣлѣ желаетъ перемѣнить вѣру. Цари и народъ Константинополькій очень радовались этому случаю, потому что видѣли себя безопасными отъ постоянныхъ набѣговъ сѣверныхъ сосѣдей.

Не радовалась только царская сестра, по имени Анна. «Иду какъ въ полонъ, говорила она, лучше бы мнѣ умереть!» И въ самомъ дѣлѣ положеніе Анны было прискорбно: она должна была выходить за человѣка, котораго и въ глаза не видѣла, но про лютый и жестокій нравъ котораго слыхала неоднократно; она, привычная къ роскошной жизни въ прелестномъ родномъ городѣ, должна была удалиться на чужбину, на далекій сѣверъ, въ общество людей, которые считались полу-дикими. Горько плакала бѣдная царевна и упрашивала братьевъ не дѣлать изъ нея ни въ чемъ неповинной жертвы. Но братья говорили ей: «черезъ тебя Богъ хочетъ обратить русскую землю на путь истинной вѣры и избавить Грецію отъ лютой рати. Развѣ ты не знаешь, сколько вреда нанесли Русскіе Грекамъ? Они и теперь станутъ продолжать войну, если ты не пойдешь». Быть спасительницею своего отечества и виновницею крещенія цѣлаго народа — эта такая честь, ради которой каждый порядочный человѣкъ долженъ пожертвовать собою. Поэтому царевна Анна, скрѣпя сердце, сѣла на корабль и поплыла къ русскому князю. Корсунцы и русская дружина съ Владиміромъ во главѣ вышли на берегъ, встрѣтили царевну и торжественно проводили ее въ городъ. Но тутъ, неизвѣстно почему, Владиміръ сталъ медлить и не принималъ крещенія. Вѣроятно, чѣмъ болѣе приближалась рѣшительная минута, тѣмъ болѣе русскій князь считалъ нужнымъ еще поразмыслить. Между тѣмъ онъ заболѣлъ глазами. Княжна послала сказать ему, что если онъ приметъ крещеніе, то Богъ исцѣлитъ болѣзнь его. Владиміръ, наконецъ, рѣшился. Великое торжество было по этому поводу во всемъ городѣ. Въ главной церкви, построенной среди торговой площади, со страхомъ и благоговѣніемъ въ сердцѣ приступилъ князь къ принятію важнѣйшаго изъ хри-

стіанскихъ таинствъ, которое надъ нимъ совершилъ греческій епископъ. Преданіе говоритъ, что немедленно послѣ крещенія, Владиміръ прозрѣлъ и воскликнулъ: «Въ первый разъ я увидѣлъ истиннаго Бога». При крещеніи Владиміръ получилъ имя Василія, но продолжалъ называться по прежнему. Сыновья князя, бывшіе съ отцомъ въ Корсунскомъ походѣ, и большая часть дружины тоже крестились.

Не долго послѣ этого Владиміръ оставался въ Корсунѣ. Отдавъ этотъ городъ греческимъ царямъ въ вѣно, т. е. какъ плату за жену (мы знаемъ, что у Славянъ существовалъ этотъ обычай), и построивъ на холмѣ, явившемся во время осады на городской площади, церковь въ память своего крещенія, русскій князь отправился въ Кіевъ. За нимъ послѣдовала обвѣнчавшаяся съ нимъ Анна и многіе священники, которые были присланы изъ Греціи для распространенія св. вѣры между русскимъ народомъ. Священники эти были главнымъ образомъ изъ народа Болгарскаго, подчиненнаго Грекамъ. Болгаре (не Камскіе, то были магометане, а Дунайскіе) исповѣдовали уже тогда христіанскую вѣру. Они были славянскаго племени, а потому и по языку похожи были на русскихъ. Въ то время, когда Грекамъ очень трудно было усвоить себѣ русскую рѣчь, Болгаре скоро привыкали къ ней, да и безъ изученія говорили языкомъ, весьма близкимъ къ русскому, а потому и понятнымъ для русскаго народа. У этихъ Болгаръ была уже и своя азбука, и священныя книги, переведенныя св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Языкъ, употребляемый до настоящаго времени при православномъ богослуженіи, есть тотъ-же древній болгарскій съ самыми незначительными измѣненіями.

Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ сталъ ревностно заботиться о крещеніи своего народа. Многіе жители Кіева немедленно-же послѣдовали примѣру своего князя и изъявили готовность принять крещеніе, но многіе не хотѣли отказаться отъ боговъ своихъ и принимать то ученіе, которое распространяли, ходя по городу и проповѣдуя на улицахъ и площадяхъ, священники, прибывшіе съ княземъ. Наконецъ Владиміръ приступилъ къ разрушенію изображеній языческихъ боговъ. Полюбившій всѣмъ сердцемъ новую вѣру, Владиміръ не могъ равнодушно смотрѣть на идоловъ; они напоминали ему его-же собственные прež-

ніе грѣхи: какъ онъ молился имъ, какъ приносилъ жерты. Притомъ Владиміръ, разрушеніемъ идоловъ, хотѣлъ показать закоренѣлымъ язычникамъ, что ихъ боги лишены всякой силы, всякаго значенія. Деревянные идолы сожигались, а каменные были кидаемы на дно рѣки. Самому главному языческому богу устроили и самое торжественное ниспроверженіе.

Богатую статую Перуна съ серебряною головою и золотыми усами повергли на землю, привязали къ хвосту коня и такимъ образомъ съ горы поволокли къ рѣкѣ Днѣпру. Народъ, между которымъ было много язычниковъ, въ недоумѣніи смотрѣлъ на это странное зрѣлище. Нѣкоторые думали, что оскорбленный богъ тутъ-то покажетъ свое могущество и поразитъ громомъ отступника—князя и его христіанскую свиту; но не тутъ то было: солнце свѣтило ярко, вся природа, казалось, улыбалась, и ниспровергнутый богъ потащился къ рѣкѣ. Нѣкоторые изъ христіанъ били его палками, не потому, чтобы они думали, что дерево чувствуетъ удары, а потому, чтобы показать свою нелюбовь къ старой вѣрѣ и полное безсиліе послѣдней. Нѣкоторые изъ язычниковъ, видя поруганіе повелителя грома и молніи, тутъ-же порѣшили принять новую вѣру, а другіе оплакивали паденіе своего бога. Наконецъ тяжелый идолъ ринулся въ волны съ крутаго берега и спрятался подъ поверхность воды. Весь берегъ Днѣпра былъ занятъ зрителями. Спустя, немного времени онъ показался снова, потомъ опять скрылся, опять показался и такъ продолжалъ плыть по теченію рѣки. «Выдубай (выплывай), нашъ боже!» Кричали закоренѣлые язычники, надѣявшіеся каждый разъ, когда изъ подъ воды показывался идолъ, что вотъ настанетъ минута мщенія. Но богъ продолжалъ плыть спокойно, оставивъ послѣ себя ту память, что у того мѣста, гдѣ онъ «выдубалъ» стоитъ теперь прекрасный христіанскій монастырь, извѣстный подъ именемъ Выдубицкаго. Владиміръ послалъ всадниковъ, обязанностью которыхъ было сопровождать плаванье идола до пороговъ и отталкивать его на середину рѣки, если гдѣ нибудь случайно теченіемъ припретъ его къ берегу.

Видя, однако, что примѣръ дружины, проповѣдь священниковъ и уничтоженіе идоловъ подѣйствовала не на всѣхъ, Владиміръ рѣшился прибѣгнуть къ новому, сильному, рѣшительному средству. Онъ велѣлъ оповѣстить по городу, что «всякій,

и богатый, и убогій, и нищій, и работникъ долженъ явиться къ рѣкѣ, а иначе противенъ будетъ князю». Въ назначенный день явилась цѣлая толпа на берегъ Днѣпра. Тутъ были и мужчины, и женщины, и дѣти. Одни сидѣли на берегу, другіе вошли въ воду. Иные по шею погрузились, такъ что надъ водою торчали только бритыя головы съ узкою косичкою на тѣмени (такого рода прическа очень часто встрѣчалась у Славянъ). Крещенные люди ходили тоже по рѣкѣ, служа воспріемниками и поучая, какъ держаться во время крещенія. Наконецъ явился князь съ княгинею, митрополитъ Михаилъ, много духовенства и дружинниковъ. Князь былъ въ торжественной одеждѣ, духовенство тоже. На берегъ вынесли кресты и хоругви, и началось крещеніе. «Господи, сотворившій небо и землю! молился князь, взгляни на сихъ новыхъ людей и дай имъ увидѣть царство Твое! утверди въ нихъ правую и несовратимую вѣру, а мнѣ помоги на всякаго врага»! Потомъ народъ, стоящій въ рѣкѣ, раздѣлили на нѣсколько группъ, и каждой группѣ, давая одно имя, совершили обрядъ крещенія.

Наконецъ-то сбылось пророчество св. Андрея. Городъ, возвышавшійся на берегу Днѣпра, принялъ крестъ и сталъ славить истиннаго Бога. Владиміръ построилъ много церквей, между прочимъ одну на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ. Ее строили греческіе мастера, украшена она была иконами, писанными въ Греціи и снабжена сосудами, присланными оттуда-же.

Надзоръ за нею ввѣренъ былъ Настасу Корсунянину, и служба въ ней должна была совершаться по-гречески. Въ Кіевѣ не осталось больше язычниковъ, потому что тѣ, которые оплакивали ниспроверженіе Перуна, или крестились, разсудивъ, что новая вѣра должно быть хороша, такъ какъ ее приняли князь и дружинники, или сочли за нужное удалиться изъ города въ лѣса и степи, чтобы не подвергнуться гнѣву князя. Впрочемъ, такихъ упорныхъ было не очень много.

Но не во всѣхъ городахъ вѣра Христова восторжествовала столь спокойнымъ образомъ, какъ въ Кіевѣ. Въ городахъ сѣверныхъ, дальше отстоящихъ отъ греческой земли, а потому менѣе знакомыхъ съ Греками и ихъ вѣрою, язычество было причиною явнаго возмущенія противъ воли Владиміра. Особенно сильно было неудовольствіе въ Новгородѣ. Когда княжескіе воеводы

пришли въ этотъ городъ съ цѣлью крестить народъ, послѣдній возсталъ подъ вліяніемъ убѣжденіи языческаго жреца или волхва Богомила, прозваннаго за свое краснорѣчіе Соловьемъ. Новгородцы не пустили къ себѣ воеводъ и стали совершать разныя насилія надъ тѣми изъ Христіанъ, которые жили въ городѣ.

Воевода Путята повелъ войско на мятежниковъ, которыми предводительствовалъ какой-то Угоняй, и завязалъ съ ними битву. Угоняй все кричалъ: «лучше намъ умереть, чѣмъ дать своихъ боговъ на поруганіе». Съ другой стороны двинулся на городъ съ дружиною воевода Добрыня и, для того чтобы задать Новгородцамъ больше страху, поджегъ нѣсколько домовъ. Стѣсненные съ двухъ сторонъ, Новгородцы покорились и пустили княжескую дружину въ городъ, а она сейчасъ-же принялась за истребленіе идоловъ. «Охота вамъ жалѣть о тѣхъ, сказалъ плачущимъ Новгородцамъ Добрыня, которые себя оборонить не могутъ? Какой пользы вамъ отъ нихъ ждать»? Перунъ Новгородскій спущенъ былъ въ Волховъ, и Христіане оттолкнули его отъ берега со словами: «Перунище! ты долго ѣлъ и пилъ, а нынѣ прочь плыви».

Такимъ образомъ и въ Новгородѣ утвердилась новая вѣра, но память про ея кровопролитное начало сохранилось въ слѣдующей пословицѣ, долго употреблявшейся въ городѣ: «Путята креститъ мечемъ, а Добрыня огнемъ».

Хотя народъ и принялъ Христіанство, но тѣмъ не менѣе, по своей необразованности, сначала мало понималъ его, а потому и возмущался противъ него. Нерѣдко случалось, что изъ темнаго лѣса выходили проповѣдники язычества, возбуждали суевѣрный народъ къ возмущенію, грозили ему въ противномъ случаѣ разными несчастьями и такимъ образомъ пріобрѣтали себѣ приверженцевъ. Но большинство Русскихъ не хотѣло отставать отъ креста, а благочестивые князья тщательно преслѣдовали возмутителей, и, то силою оружія, то убѣжденіемъ смиряли совращенныхъ людей и заставляли ихъ не покидать Христовой вѣры. Такъ, напр., при одномъ изъ наслѣдниковъ Владиміра, въ городѣ Бѣлозерскѣ явился волхвъ Онѣма съ товарищами, переманившій на свою сторону многихъ жителей. Противъ Бѣлозерцевъ посланъ былъ воевода Янъ, захватившій волхва.

«Боги намъ сказали», говоритъ Онѣма, «что ты не можешь намъ ничего сдѣлать».

— «Лгутъ ваши боги».

— «Ты намъ ничего не сдѣлаешь, а доставишь насъ только къ князю».

Янъ повелѣлъ бить Онѣму и другихъ волхвовъ, бывшихъ съ нимъ, и спросилъ: «а что вамъ говорятъ боги»?

— «То, что стать намъ передъ княземъ», сказалъ Онѣма.

Янъ сталъ ихъ бить пуще прежняго, потомъ спросилъ опять: «а что вамъ говорятъ боги»?

— «Они говорятъ, что не быть намъ живыми отъ тебя»; былъ отвѣтъ.

— «Теперь они говорятъ правду»; выговорилъ съ насмѣшкою Янъ.

— «Но если, продолжали волхвы, освободишь насъ, то много добра тебѣ прибудетъ, если-же нѣтъ—подвергнешься несчастію».

«Если-бы я васъ вздумалъ отпустить, то заслужилъ-бы наказаніе отъ Бога», сказалъ Янъ и велѣлъ умертвить волхвовъ.

Въ самомъ Новгородѣ, лѣтъ черезъ шестьдесятъ послѣ смерти Владиміра, совершилась подобная-же исторія. Князь Глѣбъ, княжившій тогда въ Новгородѣ, спрятавъ подъ одежду топоръ, подошелъ къ волхву, возмутившему народъ и спросилъ:

«Знаешь-ли, что будетъ завтра»?

«Знаю», сказалъ волхвъ.

«А знаешь-ли, что будетъ сегодня»?

«Знаю; я сотворю великія чудеса».

Тогда Глѣбъ ударилъ волхва топоромъ, и тотъ упалъ мертвый, а народъ, убѣдившись въ безсиліи и лживости своего проповѣдника, успокоился.

Долго еще послѣ принятія христіанства повторялись языческія вспышки въ народѣ, долго существовали языческія суевѣрія, да въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи они и теперь существуютъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ значительнѣе онѣ уменьшаются, и, можно надѣяться, что выведутся со временемъ совсѣмъ.

Владиміръ крестился въ 988 году. На томъ мѣстѣ, гдѣ крещенъ былъ кіевскій народъ, стоитъ теперь красивый памятникъ, состоящій изъ часовни, на которой возвышается большая колонна съ крестомъ на верхушкѣ.

IV.

Христіанская вѣра есть вѣра любви и мира. Она велитъ во всякомъ человѣкѣ видѣть брата, никого не обижать, прощать даже враговъ своихъ, однимъ словомъ дѣлать другимъ то, что мы сами желали-бы получить отъ другихъ. Правда, и между христіанами встрѣчалось и встрѣчается много людей, которые готовы наживаться на счетъ ближнихъ, притѣснять ихъ, дѣлать имъ зло, заботится только о самихъ себѣ; но такіе люди или не понимаютъ заповѣдей Христовыхъ, или забываютъ ихъ. Христіанская вѣра требуетъ добрыхъ дѣлъ и честнаго исполненія своихъ обязанностей. Конечно, явившись среди людей невѣжественныхъ и грубыхъ, привычныхъ къ постояннымъ войнамъ, христіанская вѣра не могла ихъ переродить сразу. Но тѣ люди, которые отдались ей всею душою, измѣнились значительно къ лучшему. Такимъ человѣкомъ былъ, напримѣръ, князь Владиміръ.

Трудно себѣ представить человѣка, который бы жилъ беззаконнѣе его до 988 года: онъ измѣнническимъ образомъ убилъ роднаго брата, правдою и неправдою старался известь враговъ своихъ, безпокоилъ сосѣдей постоянными набѣгами изъ желанія разграбить ихъ имущество и обогатиться самому, держалъ нѣсколько сотъ женъ и т. д. Тотъ-же Владиміръ представляется намъ совершенно другимъ послѣ крещенія: неизвѣстно куда дѣвался его воинственный задоръ; изчезла жестокость, изчесла заботливость о себѣ. Владиміръ сталъ жить только для распространенія и укрѣпленія новой вѣры, да для блага народа, даннаго ему Богомъ въ подданство. Греческая царевна сдѣлалась его единственною женою по христіанскому закону и ревностно помогала ему въ исполненіи его добрыхъ намѣреній.

Владиміръ любилъ строить церкви и, какъ мы уже видѣли, воздвигалъ послѣднія тамъ, гдѣ прежде стояли языческіе идолы. Украшеніе церквей и снабженіе ихъ доходами составляло также одну изъ важнѣйшихъ заботъ Владиміра. Докончивъ постройку церкви на томъ холмѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда кіевскій Перунъ, Владиміръ сказалъ: «даю этой церкви десятую часть отъ имѣнія моего и отъ городовъ моихъ»; поэтому и церковь эта получила названіе Десятинной. Освященіе ея праздновалось великолѣп-

ными пирами, на которые сходились ко двору княжескому не только знатные, но и самые бѣдные люди, даже нищіе, просившіе подаянія. Слѣдуя христіанскому закону, князь не гнушался бѣднымъ людомъ и охотно протягивалъ руку помощи. Узнавъ отъ священниковъ и изъ церковныхъ книгъ, что всякій истинный Христіанинъ долженъ подавать милостыню, Владиміръ щедро раздавалъ деньги неимущимъ, кормилъ ихъ на своемъ дворѣ цѣлыми сотнями, не забывалъ даже тѣхъ, которые по болѣзни и старости не были въ состояніи дотащиться до его двора. Съ этою цѣлью онъ въ праздники велѣлъ развозить по городу въ большихъ возахъ хлѣбъ, мясо, плоды, медъ, пиво и другіе съѣстные припасы, а кучеръ долженъ былъ постоянно кричать: «гдѣ больные и нищіе, не могущіе ходить»? Все добро, находившееся въ возахъ, предназначалось для нихъ. Угощенія по городу и при дворѣ повторялись довольно часто, чуть-ли не каждый праздникъ. Освященіе церквей, успѣхъ въ томъ или въ другомъ предпріятіи всегда вызывали собою пиры на славу.

Такъ, напр., однажды Печенѣги (народъ, вытѣснившій Хозаръ и заживший въ ихъ степяхъ) сдѣлали нечаянный набѣгъ на окрестности Кіева. Владиміръ былъ застигнутъ въ расплохъ и, встрѣтивъ Печенѣговъ, не рѣшился съ молодою дружиною начать битву, а спрятался подъ мостъ. Большая опасность грозила князю: враги могли найти его и умертвить. По счастію этого не случилось, и Владиміръ, въ память своего избавленія, построилъ церковь и задалъ пиръ, продолжавшійся цѣлыхъ восемь дней. За эти-то угощенія народъ прозвалъ Владиміра «Краснымъ солнышкомъ» и сохранилъ о немъ память до настоящаго времени въ своихъ пѣсняхъ или былинахъ. Въ одной изъ былинъ говорится вотъ что:

Въ стольномъ городѣ Кіевѣ
У ласкова князя Владиміра
Было пированіе, почетный пиръ,
Было столованіе, почетный столъ.
Много на пиру было всякихъ людей,
Много русскихъ могучихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались.
Самъ Владиміръ князь по горенкѣ прохаживаетъ,
Черныя кудри расчесываетъ.

Повйновеніе свое правиламъ христіанскаго ученія Владиміръ доводилъ иногда до крайности: такъ, напримѣръ, онъ одно время отказался было казнить разбойниковъ, говоря, что Богъ запрещаетъ убивать ближнихъ. Между тѣмъ разбои тогда очень часто случались на Руси. Глухія лѣсныя дебри служили надежнымъ убѣжищемъ для худыхъ людей, промышляющихъ не трудомъ, а захватомъ чужой собственности. Притомъ въ лѣса удалилось много язычниковъ, сопротивлявшихся принятію христіанства. Эти то язычники ненавидѣли новый порядокъ и всѣми средствами старались вредить христіанскому народу и его князю. Видя, что милосердіе Владиміра только увеличиваетъ дерзость разбойниковъ, а не укрощаетъ ихъ, священники стали говорить ему, что Богъ, ввѣривъ его заботамъ русскую землю, не хочетъ, чтобы она страдала отъ злыхъ людей. Лучше, говорили они, казнить разбойника, чѣмъ дать ему возможность губить честныхъ и ни въ чемъ не повинныхъ людей. Владиміръ, замѣтивъ свою ошибку, сталъ строже и, дѣйствительно, разбои уменьшились.

Будучи язычникомъ, Владиміръ постоянно безпокоилъ сосѣдей походами, предпринимаемыми съ цѣлью добыть себѣ разнаго добра. Теперь же онъ сталъ жить мирно и не трогалъ тѣхъ, напр. Венгерцовъ и Поляковъ, которые его не трогали. Но онъ не забылъ владѣть оружіемъ и храбро отбивался отъ всякаго врага, дѣлавшаго на Русь набѣги. Онъ не могъ вытерпѣть, чтобы зло, сдѣланное его народу, оставалось безъ наказанія. Изо всѣхъ народовъ, безпокоившихъ тогда Русь, самымъ драчливымъ были Печенѣги. Они всегда шныряли по степямъ, прилегавшимъ къ Днѣпру, и поджидали купцовъ, идущихъ изъ Греціи на Русь и изъ Руси въ Грецію, которыхъ старались ограбить. Самымъ опаснымъ мѣстомъ для купцовъ были пороги, т. е. каменистыя гряды, загромождающія рѣку и дѣлающія невозможнымъ плаваніе по ней. Купцы обыкновенно на этомъ мѣстѣ выходили на берегъ, вытаскивали свои лодки, волокли ихъ по землѣ и, миновавъ пороги, продолжали плаванье. Близъ этихъ-то пороговъ всегда сторожили Печенѣги, и рѣдкимъ купцамъ удавалось безъ боя пройдти это опасное мѣсто. Иногда Печенѣги дѣлали нападенія на русскіе города и деревни, но въ большей части случаевъ встрѣчали храбрый отпоръ. Однажды Печенѣги напали нз Бѣлгородъ и осадили его. Жители, застиг-

нутые въ расплохъ, не запаслись достаточнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, и потому, принуждаемые голодомъ, рѣшились имъ сдаться. «Мы умираемъ съ голоду, говорили они на вѣчѣ; чѣмъ умирать съ голоду, не лучше-ли отдаться Печенѣгамъ: они кого убьютъ, а кого и отпустятъ». Но этому рѣшенію воспротивился одинъ старецъ, убѣдившій подождать еще нѣсколько дней и довѣриться ему вполнѣ. «Соберите, сказалъ онъ, хоть по горсти овса, или пшена, или отрубей». Когда это было исполнено, онъ велѣлъ сварить принесенное, какъ варятъ кисель, потомъ выкопать колодезь, и вставить въ него кадку съ варевомъ. Затѣмъ велѣлъ съискать меду, разсытить его и влить въ другую кадку, вставленную тоже въ колодезь. На слѣдующій день явились послы Печенѣжскіе, убѣждавшіе русскихъ сдаться и говорившіе, что если они не сдадутся, то умрутъ голодною смертью. Печенѣгамъ отвѣчали: «развѣ можете заставить насъ сдаться? Десять лѣтъ простоите и все таки ничего не сдѣлаете, потому что насъ кормитъ земля; не вѣрите, посмотрите». Попробовали Печенѣги съ обоихъ колодцевъ, подивились и сказали: «князья не повѣрятъ, если сами не поѣдятъ». Осажденные дали имъ пищи и питья въ горшки, которые были представлены князьямъ Печенѣжскимъ. Послѣдніе, полагая, что земля въ самомъ дѣлѣ кормитъ Бѣлгородцевъ, не надѣялись болѣе взять голодомъ городъ и перестали осаждать его.

Въ другой разъ самъ князь Владиміръ вышелъ съ большою дружиною на Печенѣговъ и изготовился къ битвѣ съ ними на берегахъ рѣки Трубежа. Подъѣхалъ къ русскому стану князь печенѣжскій, вызвалъ русскаго князя и сказалъ ему: «выпусти своего мужа, а я выпущу своего. Пускай они сразятся. Коли твой побѣдитъ—я не буду воевать три года, коли мой—то буду». Владиміръ согласился и кликнулъ кличь по всему стану, но никто не рѣшался вступить въ единоборство. Всѣ знали, что печенѣжскій князь выпуститъ необыкновеннаго силача, и потому не хотѣли подвергать ни себя, ни своей родины вѣрной гибели. Владиміръ былъ очень печаленъ по этому поводу, какъ вдругъ пришелъ къ нему одинъ старикъ и сказалъ: «Князь! я вышелъ съ четырьмя сыновьями, а меньшой сынъ остался у меня дома; съ дѣтства никто не могъ его ударить. Разъ я побранилъ его, а онъ мялъ кожи (поэтому онъ извѣстенъ подъ именемъ коже-

мяки) и, разсердясь на меня, перервалъ ихъ руками». За силачемъ послали и, когда тотъ пришелъ, потребовали, чтобы онъ чѣмъ нибудь доказалъ свою силу. Кожемяка велѣлъ привести сильнаго быка, котораго раздразнили раскаленнымъ желѣзомъ и выпустили, въ присутствіи князя и дружины, на испытуемаго. Кожемяка хватилъ разъяренное животное за бокъ и вырвалъ у него одною рукою громадный клокъ кожи съ мясомъ. Владиміръ и вся дружина радовалась, что нашли человѣка, который можетъ состязаться съ богатыремъ печенѣжскимъ. Въ назначенное время явился послѣдній. Онъ былъ силенъ, очень высокъ ростомъ и потому смѣялся надъ кожемякою, который былъ гораздо ниже его. Печенѣгъ разсчитывалъ на вѣрную побѣду, но горько ошибся: русскій силачъ свалилъ его на землю и задушилъ руками. Эта побѣда воодушевила русскихъ и устрашила печенѣговъ; Владимірова дружина бросилась на нихъ, многихъ изрубила мечами и топорами, остальныхъ прогнала далеко въ степи, и долго, вѣроятно, печенѣжскіе люди со страхомъ вспоминали про Яна Усмошвеца (такъ звала русскаго богатыря), бывшаго причиною ихъ несчастія. См. рисунокъ, сдѣланный по Угрюмову.

Въ дружинѣ Владиміра было много храбрыхъ и могучихъ богатырей, которые защищали страну отъ внѣшнихъ враговъ, избавляли ее отъ разбойниковъ и пировали за княжескимъ столомъ. Съ этими богатырями дружинниками Владиміръ обходился ласково, спрашивалъ у нихъ всегда совѣта и щедро награждалъ за службу. Иногда дружинники спорили и бранились съ княземъ, особенно пьяные, но это имъ прощалось за тѣ подвиги, которые они творили для пользы русской земли и для чести своего князя. Разъ, подпивши, дружинники стали роптать на князя, говоря: «Срамъ нашимъ головамъ! ѣдимъ мы деревянными ложками, а не серебряными». Услышавъ такія рѣчи, князь велѣлъ исполнить желаніе капризныхъ дружинниковъ и, бросивъ серебряныя ложки на столъ, сказалъ: «Серебромъ и золотомъ не добуду дружины, а дружиною добуду серебро и золото, какъ добывали отецъ мой и дѣдъ». И правду сказалъ Владиміръ, потому что такихъ людей, какъ богатыри, входившіе въ составъ дружины его, нельзя достать за деньги. Всѣ они преданы русской землѣ, всѣ отъ души любятъ князя, умны, сильны, ловки и мужественны.

Народъ долго помнилъ про богатырей Владиміра, и еще до настоящаго времени, гдѣ нибудь въ глухомъ уголкѣ Россіи, можно услышать былины про разныя хитрыя проказы богатыря Алеши Поповича, про сраженія Добрыни Никитича и про поѣздки богатырскія Ильи Муромца.

Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ, крестьянинъ села Карачаева, считается главнымъ изъ богатырей Владиміровой дружины. Онъ много потрудился для русской земли, а потому русскій народъ про него сложилъ гораздо больше былинъ, чѣмъ про его товарищей. Въ этихъ былинахъ много выдумано, много преувеличено, но много и правды. Илья сражался и съ разбойниками, и съ чужими наѣздниками. Дорогу прямоѣзжую, какъ разсказываетъ былина, изъ Чернигова въ Кіевъ впродолженіе тридцати лѣтъ залегало какое-то чудовище, извѣстное подъименемъ Соловья-разбойника. Много могучихъ богатырей, пытавшихся проѣхать дорогою прямоѣзжею, находили смерть, потому что чудовище, не говоря уже о силѣ, однимъ крикомъ и свистомъ могло оглушить и напугать всякаго. Оно жило во дворцѣ, заборъ котораго былъ утыканъ головами, снятыми съ плечъ добрыхъ молодцевъ, у него въ кладовыхъ было много чиста серебра, красна золота и скатна жемчуга. Вѣроятно, подъ именемъ чудовища былина хочетъ изобразить разбойниковъ, которые тогда залегали лѣсныя дороги, грабя и убивая путешественниковъ. Илья поѣхалъ дорогой прямоѣзжею, не испугался крика соловьинаго и пустилъ въ Соловья-разбойника стрѣлу, которая попала въ глазъ. Плѣнный Соловей былъ привезенъ въ Кіевъ къ ласкову князю Владиміру, и здѣсь былъ казненъ Ильею за свои долголѣтнія преступленія. Илья побѣдилъ какое-то другое чудовище, называемое Идолищемъ-Поганымъ. Оно, по выраженію былины, да впрочемъ и

По семи ведръ пива пьетъ.
По семи пудъ хлѣба кушаетъ.

самъ Илья, по словамъ былины, ѣстъ, а особенно пьетъ и спитъ изрядно: онъ пріймета чашу зелена вина въ полтора ведра единою рукою, и выпьетъ ее единымъ духомъ; спать онъ можетъ по двѣнадцати сутокъ. Сила его тоже соразмѣрна съ этими способностями: палкою въ девяносто пудъ размахиваетъ какъ тросточкой и одинъ выходитъ на сраженіе съ цѣлыми арміями. Такимъ образомъ онъ освобождаетъ Черниговъ и

Кіевъ отъ враговъ, осаждавшихъ эти города. Но, не смотря на свою исполинскую силу, этотъ богатырь нравомъ кротокъ и смиренъ, никого первый не тронетъ и готовъ даже простить своему обидчику. На него разъ напали станищники (разбойники) и онъ не пожелалъ проливать крови человѣческой, а замѣтивъ, что они раскаялись, отпустилъ ихъ съ Богомъ на свободу. Были и завистники у Ильи, какъ, напримѣръ, Алеша Поповичъ. Онъ дошелъ до того, что однажды, когда князь Владиміръ предложилъ Ильѣ Муромцу, крестьянскому сыну, занять за столомъ первое мѣсто, пустилъ въ Илью ножомъ; но Илья поймалъ на лету ножъ и преспокойно воткнулъ его въ столъ. Никогда потомъ онъ ни мстилъ, ни выговаривалъ Алешѣ его сквернаго поступка.

При Владимірѣ стали впервые на Руси учить грамотѣ. Этотъ князь велѣлъ открыть школы для мальчиковъ и насильно бралъ иногда послѣднихъ и отдавалъ въ книжное ученіе. Владиміръ хотѣлъ, чтобы какъ можно больше священниковъ было изъ русскихъ, а не изъ иностранцевъ, а такъ какъ священнику для церковнаго обихода необходимо умѣть читать, то и позаботился о школахъ. Насильно-же Владиміръ отдавалъ дѣтей учиться потому, что отцы и матери ихъ, не понимая пользы ученія, никакъ не хотѣли добровольно посылать дѣтей въ школы. Учителями были священники, потому что тогда, да и много лѣтъ спустя, никто кромѣ нихъ не зналъ грамотѣ на Руси.

Послѣдніе года жизни Владиміръ преимущественно проводилъ въ селѣ Берестовѣ, около Кіева, въ незатѣйливомъ деревянномъ домѣ, построенномъ на столбахъ. Умеръ онъ въ 1015 г. Придворные желали нѣкоторое время скрыть его смерть, чтобы, давъ знать другимъ дѣтямъ Владиміра, помѣшать нелюбимому всѣми Святополку, одному изъ сыновей, завладѣть кіевскимъ престоломъ. Между тѣмъ Святополкъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ Берестовѣ, ожидая смерти отца. Для соблюденія тайны придворные ночью подвели сани подъ домъ, выломали полъ въ спальнѣ князя, завернули мертвое тѣло въ каверъ, спустили въ сани въ отверстіе и повезли въ Кіевъ. Замѣчательно, что тѣло Владиміра везли на саняхъ, хотя это было въ іюлѣ мѣсяцѣ. Въ Кіевѣ князя положили въ мраморную гробницу и поставили въ Десятинной церкви. Народъ плакалъ навзрыдъ о своемъ князѣ, а потому тайна продолжалась не долго:

Святополкъ провѣдалъ, явился въ Кіевъ и разными неправдами добился престола. Править онъ сталъ жестоко и, для того чтобы ему никто не мѣшалъ, сталъ убивать одного за другимъ братьевъ своихъ. Но, наконецъ, братъ его Ярославъ, правившій въ Новгородѣ, пришелъ съ войскомъ къ Кіеву и самъ сѣлъ на престолѣ отца своего, прогнавъ окояннаго братоубійцу за границу.

Б. Павловичъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВОЛГѢ

НИКОЛАЯ РОО.

бакалавра Оксфордскаго университета.

(Съ англійскаго).

(Продолженіе).

Въ половинѣ пятаго по полудни, пріѣхали мы въ Казань. Городъ расположенъ въ семи верстахъ, т. е. около пяти миль, отъ пристани и видъ отъ нея прелестный. Мы взяли дрожки и поѣхали осматривать парадную баржу, на которой императрица Екатерина II въ 1762 г. совершила свое достопримѣчательное путешествіе по Волгѣ, когда на ея пути, мгновенно выростали цѣлыя деревни, показывавшія и значительное населеніе, и довольство края, но обязанныя своимъ существованіемъ единственно находчивости ея министровъ. Баржа эта въ 100 ф. длины и $22^1/_2$ ширины, въ воду погружается на $3^1/_2$ ф. На кормѣ устроено около 12 маленькихъ каютъ, дверь противъ двери и 24 скамейки для гребцовъ. Кровать Екатерины II до сихъ поръ еще сохранилась и показывается на шкапцахъ баржи. Снаружи она вся разукрашена позолоченными фигурами нимфъ, сиренъ и проч., все это довольно грубой работы.

Въ Адмиралтействѣ, построенномъ Петромъ Великимъ но вскорѣ покинутомъ, стоитъ лодка Павла Петровича; впрочемъ въ ней мы не нашли ничего замѣчательнаго.

Слѣдующая за тѣмъ интересная видѣнная нами здѣсь вещь.—

это памятникъ, воздвигнутый Императоромъ Александромъ I въ память побѣды одержанной Русскими надъ Татарами въ 1552 г.; онъ имѣетъ видъ огромной пирамиды, покрытой снаружи аспидомъ; по бокамъ четыре разрушенные портика поддерживаемые каждый двумя колоннами безъ всякой опредѣленной архитектуры и разукрашенные трофеями и гербами. Внутри устроена часовня, подъ нею склепъ, гдѣ покоятся кости русскихъ воиновъ, убитыхъ подъ стѣнами города во время осады; въ память ихъ совершается каждую субботу и воскресенье заупокойная обѣдня. Казань построена на возвышеніи и Кремль ея представляетъ величественный видъ съ своими башнями, изъ которыхъ одна особенно живо напомнила намъ башню Богоматери на Флитской улицѣ въ Лондонѣ (St. Bride's in Fleet Street) своимъ спокойствіемъ и и тишиной не отличается отъ прочихъ городовъ Россіи; одно, что его нѣсколько оживляетъ это множество Татаръ встрѣчающихся на улицахъ на каждомъ шагу, то верхомъ на великолѣпныхъ лошадяхъ, то въ дрожкахъ. Главная улица идетъ вдоль хребта, на которомъ построенъ городъ, и въ концѣ ея открывается великолѣпный видъ на всѣ главныя улицы, Кремль, рѣку и кругомъ лежащія окрестности. Во время нашей поѣздки, многіе Татары, принимая насъ, по нашимъ тюрбанамъ, за какую нибудь религіозную секту магометанъ, кланялись намъ, по своему обычаю, прикладывая руку ко лбу, рту и груди; на такую учтивость ихъ мы конечно спѣшили отвѣчать тѣмъ же. Казань основана татарскимъ ханомъ Батыемъ въ XIII ст. Въ 1296 г. разрушена до основанія Русскими, но черезъ нѣсколько лѣтъ снова построена ханомъ Ула-Магометомъ. Послѣ многихъ войнъ окончательно взята въ 1552 г. Іоанномъ Грознымъ, потомъ снова разворена Пугачевымъ, и вообще столько разъ страдала отъ огня и меча, что отъ стараго города сохранилась только Сюсомбекская башня въ Кремлѣ. У Татаръ существовало повѣрье, что въ куполѣ этой башни хранится нѣсколько важныхъ и таинственныхъ документовъ, ихъ касающихся; но куполъ былъ тщательно осмотрѣнъ, по повелѣнію императрицы Анны, и ничего не оказалось.

Въ городѣ есть нѣсколько салотопней, заводовъ восковыхъ и стеариновыхъ свѣчей, поташу и другихъ, но главный предметъ торговли, кожевенныя издѣлія, которыми Казань славилась еще

встарину. Жителей въ ней 60,000, изъ нихъ Татаръ только 7,000, и то большей частью живущихъ за городомъ, по деревнямъ. Деревни ихъ замѣтно отличаются отъ Русскихъ своей чистотой и порядкомъ. Татары болѣе образованы, чѣмъ Русскіе, и если и встрѣчается между ними безграмотный, то всѣ смотрятъ на него съ презрѣніемъ. Дѣти ихъ съ самаго ранняго возраста ходятъ въ школы, устроенныя при мечетяхъ, гдѣ ихъ учатъ муллы, т. е. священники, которымъ платятъ зажиточные Татары. Каждая татарка обучается читать, писать и вышивать по кожѣ, въ послѣднемъ онѣ достигаютъ замѣчательнаго совершенства. Ихъ рано выдаютъ замужъ, и онѣ очень рано старѣются. Жены богатыхъ Татаръ живутъ въ заперти, но въ низшихъ классахъ пользуются полной свободой и ходятъ по улицамъ, съ непокрытымъ лицемъ, такъ что намъ пришлось видѣть нѣсколько очень милыхъ, красивыхъ собою молодыхъ дѣвушекъ.

Татары хотя живутъ и близко отъ Русскихъ, но не имѣютъ съ ними сношеній. У нихъ два праздника въ году, продолжающійся каждый по недѣлѣ, и тогда они вполнѣ предаются веселью; единоборство, скачки, пѣніе, пляски слѣдуютъ непрерывно втеченіи цѣлаго дня. Мы не видѣли ни одного нищаго Татарина, всѣ они имѣли довольный видъ.

На возвратномъ пути изъ города, мы замѣтили нѣсколько работниковъ, поправлявшихъ шоссе; оно ежегодно портится отъ разлитія Волги и Казанки, воды которыхъ совершенно покрываютъ улицы города и отдѣляютъ его отъ пристани. По истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ рѣки войдутъ въ свои берега, начальство города начинаетъ поговаривать, что шоссе надо починить, нанимаютъ рабочихъ, которые оканчиваютъ починку какъ разъ ко времени разлитія рѣкъ. Большое количество стоячей воды, не высыхающей круглый годъ, дѣлаетъ климатъ Казани нездоровымъ, и мы дѣйствительно нашли, что воздухъ здѣсь тяжелый, а воды нельзя пить.

Возвратившись на пристань, мы узнали, что нашъ пароходъ осматривали и оставляютъ его здѣсь для починки, а багажъ всѣхъ пассажировъ уже перенесенъ на пароходъ *Путникъ*, который долженъ былъ отправиться на другой день утромъ. Сведя счеты съ управляющимъ парохода, мы отправились въ здѣшній ресторанъ. Войдя въ большую комнату перваго этажа, съ бал-

конами выходящими на рѣку, мы увидѣли ее всю заставленную маленькими столиками съ чайными сервизами, за которыми нѣсколько группъ любителей были дѣятельно заняты. Чайники и чашки были бѣлые, по угламъ стола самовары. Хотя здѣсь и можно было достать молоко, но почти всѣ пили чай съ лимономъ. Чашки—позднѣйшее нововведеніе и весьма неохотно принятое, такъ какъ всѣ привыкли пить чай изъ стакановъ. Много разныхъ увеселеній устраивается для посѣтителей этого мѣста, и самое первое органъ, видѣнный нами сколько помнится, на Лондонской выставкѣ въ 1862 г. Между прочими пьесами онъ игралъ увертюры *Эгмонта* и *Цалиды*. Кромѣ того три или четыре дѣвушки не дурно пѣли безъ аккомпанимента, особенно у одной былъ великолѣпный контральто. Былъ еще тамъ маленькій оркестръ, состоявшій изъ арфы, скрипки и кларнета: но самымъ интереснымъ явленіемъ для насъ былъ хоръ изъ 50 мужскихъ голосовъ, исполнявшій русскія пѣсни съ очень страннымъ аккомпаниментомъ кларнета. Послѣ пѣнія началась пляска.

Въ кругъ пѣвцовъ вошелъ одинъ мальчикъ и, медленно обойдя раза два или три кругомъ, началъ вдругъ выдѣлывать разныя штуки. Движенія его живо напомнили намъ одну матросскую пляску и отчасти шотландскій танецъ. На смѣну ему вышелъ другой мальчикъ не много по больше, который въ свою очередь, когда усталъ, былъ смѣненъ третьимъ, еще большимъ; все это кончилось сильнымъ ударомъ въ тамбуринъ, не умолкавшій все время въ оркестрѣ и громкимъ продолжительнымъ взрывомъ хохота со стороны всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. На другой день въ 3 часа утра пароходъ *Путникъ* отправился въ путь. Правый берегъ Волги съ тянувшимися по немъ холмами, покрытыми деревьями все еще продолжалъ возвышаться; но по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, становился ниже; рѣка въ этихъ мѣстахъ гораздо уже; но движеніе, дѣятельность и размѣнъ товаровъ между Казанью и Нижнимъ Новгородомъ, весьма значительны. На нѣкоторомъ разстояніи мы проѣхали Свіяжъ, маленькій городокъ, замѣчательный развѣ тѣмъ только, что основанъ Іоанномъ Грознымъ, во время его похода на Казань. Здѣсь царь взойдя на высокую гору и будучи пораженъ великолѣпнымъ видомъ, сказалъ: «На этомъ мѣстѣ хочу я построить христіанскій городъ. Казань будетъ осаждаема и съ Божьей

помощью мы ее покоримъ»! Казань была взята и черезъ годъ послѣ этого городъ былъ построенъ, укрѣпленъ въ теченіи четырехъ недѣль и названъ Свіяжемъ. Въ тотъ же день мы проѣхали много деревень, ничѣмъ не замѣчательныхъ. На слѣдующей станціи, дрова на пароходъ были принесены Чувашами—племя монгольскаго происхожденія. На видъ очень замѣчательный народъ, съ совершенно противуположнымъ типомъ татарскому. Одежда мужчинъ, равно какъ и женщинъ, состоитъ изъ длиннаго бѣлаго кафтана, доходящаго до колѣнъ. На головѣ мужчины носятъ пресмѣшную шапку, похожую на стаканъ для игры въ кости. Черные волосы у женщинъ были распущены по плечамъ и переплетены нитками изъ золотыхъ монетъ; вокругъ шеи у нихъ виситъ нѣчто въ родѣ нагрудника, также изъ монетъ. Одна изъ женщинъ была одѣта въ праздничное платье и волосы у нея были подобраны подъ чепчикъ очень страннаго фасона. Чуваши народъ миролюбивый, тихій, порядочный, живутъ въ чистыхъ хижинахъ, въ отличіе отъ русскихъ, обсаженныхъ деревьями; они страстные земледѣльцы, пчеловоды и занимаются также скотоводствомъ. Главная пища ихъ ячменный хлѣбъ, кислое молоко и седьди. У нихъ сохранилось много древнихъ обычаевъ, между прочимъ обычай покупать себѣ жену. Когда ея привозятъ въ первый разъ въ домъ мужа, то нѣсколько времени оставляютъ одну, послѣ чего ведутъ въ комнату, гдѣ ожидаетъ ее женихъ, окруженный друзьями. Здѣсь она три раза обходитъ комнату, и тогда мужъ снимаетъ съ нея вуаль и надѣваетъ чепчикъ принадлежность замужней женщины. Невѣста въ свою очередь въ знакъ покорности и повиновенія, снимаетъ съ него сапоги, и тѣмъ оканчивается обрядъ вѣнчанія. Чуваши имѣютъ нѣсколько боговъ съ различными принадлежностями; имя главнаго ихъ божества Тора, а жены его и матери всѣхъ прочихъ боговъ—Тора-Амишь. Они вѣрятъ въ діавола, котораго, какъ и Арабы, называютъ шайтаномъ, а своихъ священниковъ джемматами. Слѣпо также вѣрятъ въ духовъ, въ безсмертіе душъ и возможность являться послѣ смерти. Чтобы умершіе спокойно лежали въ могилахъ, съ ними хоронятъ разные припасы и новое платье, которые отъ времени до времени возобновляютъ, принося ихъ на могилы съ слѣдующими словами: «Мы молимся за васъ Тору. Не приходите къ намъ и не ссорьтесь

между собой». Во время этихъ поминовеній много русскихъ крестьянъ стекаются на мѣсто совершенія обряда, и какъ скоро кончаются всѣ церемоніи и Чуваши разойдутся по домамъ, крестьяне уносятъ всѣ ихъ приношенія. Хотя это и дѣлается сплошь и рядомъ, но все таки у нихъ на это смотрятъ, какъ на постыдную вещь. Ничего нѣтъ обиднѣе для русскаго мужика, какъ сказать, ему что его рубашка взята съ могилы Чуваша. Другое, подобное этому племени, нѣкогда кочевое, но теперь осѣдлое и живущее въ Казанской губерніи, по берегамъ Волги,—Черемиссы. Своимъ языкомъ, нравами и обычаями, они очень походятъ на Чувашей, но не имѣютъ никакихъ съ ними сношеній и на Чувашанкахъ не женятся. Дома свои они всегда строятъ переднимъ фасадомъ и входомъ на востокъ. Они искусные земледѣльцы; загораживаютъ свои сады и поля дерновымъ заборомъ. Въ деревнѣ никогда не бываетъ больше 30 домовъ, нѣсколько такихъ деревень составляютъ общину. Учрежденія этихъ общинъ часто связано съ ихъ религіей; на нихъ возлагаютъ обязанность соблюдать древній обычай приношенія жертвъ. Священныя деревья, подъ которыми совершаютъ жертвоприношенія, называются *Кораматами;* волдуны у нихъ пользуются большимъ уваженіемъ и принимаютъ дѣятельное участіе во всѣхъ обрядахъ. Соблюдая древніе обычаи и противясь нововведеніямъ, Чуваши тѣмъ не менѣе исповѣдуютъ христіанскую вѣру, придерживаясь въ то же время старыхъ предразсудковъ. Языкъ ихъ финскій только съ примѣсью русскаго и татарскаго. Они средняго роста, очень хорошо сложены, имѣютъ хорошій цвѣтъ лица, вздернутый носъ и широкое плоское лице.

Мужчины одѣваются почти также, какъ и русскіе, а женщины носятъ бѣлый кафтанъ съ черной каймой. Другое племя финскаго происхожденія, живущее въ губерніяхъ Казанской и Нижегородской,—Мордва. Она раздѣляется еще на два племени, Восточное или Макшанцы и западное или Арзанцы, отличающіеся другъ отъ друга нарѣчіемъ и одеждой. Нѣкогда это былъ воинственный и сильный народъ, державшій русскихъ въ постоянномъ страхѣ набѣговъ; но въ настоящее время они сдѣлались миролюбивы, тихи и стремятся только къ тому, чтобы ихъ оставили спокойно жить въ своихъ хижинахъ въ обществѣ домашнихъ птицъ и свиней. Они православнаго вѣроисповѣданія,

къ которому принадлежатъ уже около ста лѣтъ, но продолжаютъ соблюдать языческіе обычаи и религіозные обряды также строго, какъ и въ старину. Земледѣліе у нихъ еще въ младенчествѣ и нѣтъ возможности убѣдить Мордву къ какимъ нибудь нововведеніямъ въ этомъ дѣлѣ. Ихъ пища главнымъ образомъ состоитъ изъ гороха и кислаго молока; но всему предпочитаютъ они зайца. Одежда ихъ мало отличается отъ русской. Женщины носятъ длинное бѣлое холщевое платье съ короткими рукавами, обшитое краснымъ—такъ какъ это ихъ національный цвѣтъ. Сверху надѣваютъ они длинный бѣлый кафтанъ, перепоясанный краснымъ поясомъ. Вокругъ шеи носятъ нити мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ. Вѣнчаніе у Мордвы до сихъ поръ совершается по языческому обряду. Когда молодой человѣкъ дѣлаетъ предложеніе дѣвушкѣ и получаетъ согласіе, то назначаютъ мѣсто свиданія, куда невѣста должна прійти безъ вѣдома своихъ родителей. Въ тоже время женихъ предупреждаетъ обо всемъ своихъ родныхъ и священника, и дѣвушку уводятъ съ мѣста свиданія для совершенія обряда вѣнчанія въ церкви, послѣ котораго завязывается добровольный поединокъ между женихомъ и его друзьями за невѣсту. Въ настоящее время поединки совершаются только, чтобы не нарушить древняго обычая и вскорѣ женихъ предлагаетъ миръ, покупая свою невѣсту за извѣстное количество водки, послѣ которой каждый изъ присутствующихъ становится очень веселъ. Главные обычаи и предразсудки Мордвы тѣ же, что и у Чувашей; обряды совершаемые ими на могилахъ тоже почти Чувашскіе. За Казанью мѣстами рѣка очень мелка и нашъ капитанъ все время говорилъ только о меляхъ, постоянно здѣсь встрѣчающихся. Два человѣка все время слѣдили за глубиной рѣки, длинными шестами съ разноцвѣтными отмѣтками. Послѣ каждаго погруженія въ воду они объявляли капитану результаты и тѣмъ же музыкально нѣвучимъ голосомъ, сообразно донесеніямъ, капитанъ отдавалъ приказанія убавлять или прибавлять ходъ парохода. Разъ или два мы попадали днемъ парохода на мель, но всякій разъ счастливо избѣгали поврежденій. Помощникъ капитана въ этотъ день запачкалъ свои руки о перила палубы зеленою краскою. Позвавъ матроса, которому было поручено держать перила чистыми и разбранивъ его всячески, онъ спокойно обтеръ свои руки о лице виноватаго. Другая пристань

гдѣ мы останавливались для нагрузки дровъ, была Чебоксары, городъ съ 4000 жит. и 14-ю церквями. Одна изъ колоколенъ такъ сильно покривилась, что превзошла знаменитую падающую башню въ Пизѣ. Чебоксары окруженъ деревьями и садами и мѣстоположеніе его красивѣе всего, что мы до сихъ поръ видѣли въ этомъ родѣ. Вскорѣ за тѣмъ мы проѣхали деревню, названіе которой почти невозможно выговорить, лежавшую на берегу крутаго берега, откуда къ водѣ вели деревянныя лѣстницы. Здѣшніе жители занимаются рыбною ловлею, подъ надзоромъ стаи чаекъ, вьющихъ свои гнѣзда тутъ же по берегамъ. Слѣдующая станція была Василь-Сурскъ, маленькая деревня съ 2,500 жит., почти также красиво расположенная, какъ и Чебоксары. Намъ сказали, что здѣсь есть великолѣпная дубовая роща, посаженная нѣкогда Петромъ Великимъ; это и есть главное мѣсто комаровъ на Волгѣ, но тѣмъ не менѣе они насъ не безпокоили. Нашему капитану хотѣлось поспѣть въ Нижній рано на слѣдующій день и поэтому мы подвигались при свѣтѣ луны и въ половинѣ двѣнадцатаго ночи остановились на ночлегъ въ Иваидѣ, маленькой деревнѣ на правомъ берегу. Здѣсь также есть *воксалъ*, который угощалъ насъ музыкой, состоявшей изъ шарманки съ хриплыми трубами и женскаго пѣнія съ такимъ же хриплымъ голосомъ. При первомъ же взглядѣ на это заведеніе нельзя было ошибиться въ его характерѣ, вслѣдствіе чего мы и поспѣшили удалиться. Единственное замѣчательное мѣсто, которое намъ случилось проѣзжать втеченіи слѣдующаго дня былъ Макаріевъ, гдѣ находится извѣстный монастырь, основанный въ 1364 году однимъ нижегородскимъ монахомъ Макаріемъ. Онъ громадныхъ размѣровъ, окруженъ величественными деревьями и съ рѣки представляетъ великолѣпный видъ. Смѣжный съ нимъ городъ встарину былъ мѣстомъ знаменитой ярмарки, перенесенной теперь въ Нижній-Новгородъ; слава монастыря и ярмарка были когда то полезны другъ другу. Но теперь все приходитъ въ упадокъ; рѣка подмываетъ городскіе дома и большая часть изъ нихъ уже покинута; богомольцы встрѣчаются рѣдко, монахи почти всѣ покинули монастырь и куполъ собора въ развалинахъ лежитъ на землѣ. Рѣка въ этомъ мѣстѣ была загромождена барками и разными другими судами, назначенными для знаменитой ярмарки. Мы прибыли въ Нижній въ $9^1/_2$ ч. утра. Въ то

время какъ мы собирали наши вещи, насъ очень насмѣшилъ одинъ русскій капитанъ, тутъ же причалившаго другаго парохода; онъ кричалъ и бранилъ свою команду сперва по русски, потомъ звучными англійскими словами, совершенно такъ, какъ бранятся англійскіе матросы, и на нашъ вопросъ, почему онъ это дѣлаетъ, отвѣчалъ, что англійскій языкъ самый богатый по части бранныхъ словъ. Пристань была оживлена разными судами, прибывшими съ Балтійскаго моря, изъ Перми и Астрахани мѣнять произведенія Востока и Запада на большомъ ежегодномъ центрѣ торговли. Видъ Нижняго-Новгорода съ рѣки поразителенъ. Построенный на высокомъ холмѣ, онъ пересѣкается глубокими оврагами покрытыми лѣсами. Верхній городъ съ своими золотыми куполами, башнями и ослѣпительно бѣлыми стѣнами Кремля, представляетъ картину, едва ли имѣющую себѣ подобную въ мірѣ. Нанявъ дрожки, мы едва могли пробраться сквозь толпу, до гостинницы Лабашева, возлѣ Кремля и захватить тамъ за большую цѣну маленькую комнатку. Первое, что мы посѣтили, было конечно ярмарка, гдѣ мы пробыли нѣсколько часовъ, тщательно осматривая лавки; но насъ болѣе всего интересовалъ народъ, тѣснившійся въ этомъ оживленномъ мѣстѣ. Здѣсь, должно признаться, мы были разочарованы тѣмъ, что не встрѣтили ни одного для насъ неизвѣстнаго національнаго костюма. Европейцовъ всѣхъ націй, Грековъ, Армянъ, Татаръ разныхъ племенъ, Грузинъ, Черкесовъ было во множествѣ, но тщетно осмотрѣвъ весь китайскій рядъ, гдѣ были сложены цѣлыя груды тюковъ чая, мы не встрѣтили и признаковъ косички китайца. Причиною тому, какъ мы послѣ узнали, было, что чай сперва привозятъ въ Кяхту, пограничный городъ Россійской Имперіи. Одна изъ улицъ была посвящена золотыхъ дѣлъ мастерамъ, тамъ выставлены были драгоцѣнные камни, шлифованные и нешлифованные, почти баснословныхъ цѣнъ; замысловатыя золотыя издѣлія, разныхъ странъ Европы, Азіи, искушали покупателей на каждомъ шагу. Въ другой линіи были преимущественно шали и ковры изъ индѣйскихъ и персидскихъ тканей, и каждая лавка, казалось, хвасталась одна передъ другой издѣліями превосходныхъ рисунковъ и болѣе великолѣпными цвѣтами, чѣмъ предыдущія. Въ третьей линіи выставлены были желѣзные товары: тутъ Шефильдъ и Бирмингамъ имѣли преимущество передъ туземными

произведеніями. Одна линія смѣняла другую, рядъ за рядомъ каждые съ своими особенными товарами; мы до тѣхъ поръ ходили, пока съ усталыми глазами и измученные не зашли отдохнуть въ одинъ ресторанъ, построенный посреди ярмарки, около губернаторскаго дома, гдѣ намъ подали чудесный обѣдъ и кромѣ того угостили пѣніемъ очень хорошаго хора. Подкрѣпленные обѣдомъ, мы снова отправились бродить по ярмаркѣ. Длинный рядъ деревянныхъ тѣсно построенныхъ бараковъ тянется вдоль канала и большей частью наполненъ произведеніями страны — фруктами, овощами и проч.; равно какъ и болѣе нѣжными продуктами. Груды арбузовъ, фруктовъ и овощей всѣхъ возможныхъ сортовъ, соблазняли обоняніе и зрѣніе. Рабочіе тутъ съ большимъ оживленіемъ и охотой были заняты приготовленіемъ себѣ ужина, нежели перевозкой товаровъ. Множество боченковъ съ желѣзомъ и другими металлами были навалены на землѣ одинъ на другой и между всѣмъ этимъ тянулся цѣлый рядъ тѣлегъ и всякихъ повозокъ такъ далеко, что трудно было окинуть глазомъ. Но не все было такъ однообразно, какъ то, что мы описали; повсюду встрѣчались намъ всевозможные фигляры, акробаты, гимнастеры, цыгане, странствующіе музыканты съ разнообразными инструментами; нищіе, просившіе милостыню для себя, и монахи, просившіе милостыню на монастыри, сталкивались съ нами на каждомъ шагу. Въ выставкѣ другаго рода вещей и удовольствій болѣе солиднаго свойства, также не было недостатка; женщина замѣчательной толщины, ученая свинья, необыкновенный великанъ; карликъ не виданный до тѣхъ поръ; русскій Вомбвель съ своимъ необыкновеннымъ собраніемъ дикихъ звѣрей — былъ также здѣсь; безчисленное множество панорамъ показывалось за 1 коп. мужикамъ, которые смотрѣли на ярко раскрашенныя картины съ изображеніемъ коронаціи государя и пораженія европейскихъ соединенныхъ войскъ въ крымскую компанію, сынами святой Руси. Съ глубокой древности торговля на Руси велась большей частью посредствомъ ярморокъ. Въ казанскомъ царствѣ, между прочимъ, также существовала ярмврка; но, вслѣдствіи стѣсненія русскихъ татарами, Василій Іоановичь запретилъ русскимъ на нее ѣздить и назначилъ мѣсто сбора для торговли въ Васильсурскѣ; однако ярмарка здѣсь не состоялась и перенесена была сперва въ Макаріевъ, куда также привлекалъ богомольцевъ монастырь; но зданія

въ которыхъ помѣщалась ярмарка въ 1816 г. сгорѣли, и правительство рѣшило перевести ярмарку въ Нижній Новгородъ, такъ какъ его географическое положеніе при сліяніи Оки съ Волгой много способствуетъ обширной судоходной торговлѣ. Прочныя строенія для ярмарки начаты въ 1817 году и были окончены въ 1824 на треугольникѣ, образуемомъ лѣвымъ берегомъ Оки и правымъ Волги. На главныхъ улицахъ всѣ дома изъ камня или кирпича и такъ построены, что второй этажъ, выдаваясь впередъ, образуетъ внизу круглую галерею для пѣшеходовъ. Для предохраненія отъ огня, часть города предназначенная для ярмарки, окружена каналомъ, а подъ улицами проведены галереи, открытыя для посѣтителей, онѣ наполняются два раза въ сутки водой, проведенной изъ каналовъ. Всѣ эти хорошо придуманныя предосторожности, весьма полезны, и со времени ихъ введенія пожаровъ больше не бываетъ. Не смотря на огромное стеченіе народа, здѣсь также никогда не бываетъ и признаковъ какой нибудь эпидеміи. Единственное мѣсто ярмарки, гдѣ часто случаются пожары, это деревянныя лавки построенныя по ту сторону каналовъ. Однако пожары эти рѣдко случаются во время самой ярмарки, а по большей части за мѣсяцъ до ея начала. Подобнаго рода пожаръ произошелъ не задолго до нашего пріѣзда, и, по разсказамъ нашего проводника, одновременно сильно разгорѣлся въ трехъ противуположныхъ концахъ города. Такъ какъ ярмарка должна начинаться въ извѣстный день, то велѣно было исправить строенія какъ можно скорѣй. Рабочіе были созваны со всѣхъ сторонъ, за значительно увеличенную плату и во время нашего пребыванія они еще были заняты перестройками. Ярмарка открывается 15 іюля; всѣ духовныя и гражданскія власти собираются въ Соборѣ, находящемся посреди ярмарки, откуда, послѣ службы, выходятъ съ крестами и хоругвіями и идутъ по главной линіи лавокъ къ мосту на Окѣ, соединяющему ярмарку съ самимъ Нижнимъ-Новгородомъ; по обѣимъ сторонамъ моста устроены шесты для флаговъ. Здѣсь служатъ молебенъ съ водосвятіемъ и послѣ ектеніи за царствующій домъ, подымаютъ флаги, служащіе сигналомъ къ открытію ярмарки; но на самомъ дѣлѣ, она еще не совсѣмъ началась.

Въ это время дѣятельность торговли еще не полная, и всякій занятъ устройствомъ своихъ лавокъ.

25 іюля въ день св. Макарія, во имя котораго построенъ соборъ въ городѣ ярмарки, архіерей со всѣмъ причтомъ служитъ молебенъ и съ образами опять обходятъ ярмарку. Послѣ чего замѣчается болѣе дѣятельности; но товары все еще продолжаютъ подвозить и цѣны не устанавливаются. Замедленіе въ торговлѣ происходитъ потому, что еще не установилась окончательно цѣна на оптовые товары; всѣ ждутъ такъ называемой чайной развязки.

Немедленно послѣ продажи чая, оставшагося отъ прошлаго года, кяхтинскіе купцы получаютъ деньги и начинаютъ покупать товары для торговли съ Сибирью и Китаемъ, вслѣдствіе чего деньги переходятъ изъ рукъ въ руки, и цѣна наконецъ устанавливается. Такое положеніе торговли продолжается отъ 25 іюля до 10 августа, когда ярмарка въ полномъ разгарѣ. Съ разсвѣтомъ начинается торговля; мостъ запружается нѣсколькими рядами телѣгъ, между которыми казаки верхомъ тщетно стараются водворить порядокъ; пѣшеходамъ пройдти почти нѣтъ никакой возможности. Номинально ярмарка оканчивается 25 августа; но въ сущности она продолжается до половины сентября и часто случается, что запоздалыхъ купцовъ выпроваживаютъ силой, послѣ чего улицы этого временнаго города снова отдаются въ полное распоряженіе голубей, воробьевъ и галокъ. Набережная ярмарки простирается на 10 миль вдоль Оки и Волги. Одна Сибирская занимаетъ цѣлую милю; она тянется отъ Оки по правому берегу Волги. Товары здѣсь навалены грудами. Чай, упокованный въ тюки покрытые рогожей, лежитъ подъ открытымъ небомъ и занимаетъ около трети мили. Вблизи стоятъ шалаши для сторожей, также покрытые рогожей. Тутъ же рядъ телѣгъ, получившихъ дозволеніе перевозить товары. Желѣзо изъ Уральскихъ горъ, хлопчатая бумага, шерсть, ленъ, конопля, поташъ и другіе товары лежатъ здѣсь въ большомъ количествѣ. Далѣе идетъ набережная для ржи и соли. Торговля большею частью производится въ долгъ, и только весьма малое количество продается на чистыя деньги; купцы часто получаютъ свои товары ничего не заплативъ, и, по прошествіи года, являются снова за новыми запасами, хотя старые счеты остаются еще не сведенными. Долги эти, увеличиваясь съ каждымъ годомъ, достигаютъ наконецъ громадной суммы и должны непремѣнно

отразиться неблагопріятно на должникѣ. Въ городѣ есть биржа, но купцы мало ею пользуются, предпочитая, для своихъ дѣловыхъ переговоровъ трактиры, гдѣ за стаканомъ чая, устанавливаютъ годовыя цѣны и рѣшаютъ самыя важныя дѣла съ видомъ глубокой таинственности. По окончаніи дневныхъ заботъ, они снова отправляются по трактирамъ, имя которыхъ легіонъ, и, слушая съ большимъ наслажденіемъ хриплую арфу или скрипку, или пѣніе цыганъ, забываютъ всѣ заботы и предаются полному веселью. Есть старая русская поговорка, что на Макарьевскую ярмарку ѣдутъ по двумъ причинамъ — хорошо выпить и взять хорошій барышъ.

Трудно съ достовѣрностью опредѣлить число ежедневныхъ посѣтителей ярмарки, но можно положительно сказать, что въ самый разгаръ ярмарки оно доходитъ до 150 тысячъ. Итогъ стоимости всѣхъ товаровъ равняется 100 милліонамъ руб., изъ которыхъ одна треть приходится на чай, другая на Европейскіе и колоніальные товары; остальную же треть дополняютъ туземныя произведенія, не считая персидскихъ, грузинскихъ, хивинскихъ и бухарскихъ произведеній, стоимость которыхъ равняется четыремъ милліонамъ. Капиталъ находящійся здѣсь въ оборотѣ равенъ ста пяти милліонамъ рублей, т. е. 15-ти милліонамъ фунтовъ стерлинговъ. Но однако слава ярмарки нѣсколько пострадала. Быстрое размноженіе желѣзныхъ дорогъ нанесло ей первый жестокій ударъ; второй почти такой же—перевозка чая изъ Китая моремъ. Во время нашего здѣсь пребыванія мы узнали, что Кяхта, пограничный русскій городъ, совершенно уничтожена и ея китайскій сосѣдъ Маймачинъ также сильно пострадалъ отъ пожара — обстоятельство весьма грустное для сухопутной торговли чаемъ. Но не смотря на все это, по своему выгодному положенію, останется все таки важнымъ пунктомъ для торговли Урала, Сибири и вообще для азіатскихъ странъ.

Нижній Новгородъ, названный такъ въ отличіе отъ Новгорода на Волховѣ, основанъ в. к. Владиміромъ въ 1222 г. и въ старину часто подвергался татарскимъ набѣгамъ. Кремль сооруженъ Дмитріемъ Константиновичемъ около конца XIV ст. Въ его оградѣ находится губернаторскій домъ, судебная палата, тюрьма, казармы, арсеналъ и памятники Минина и Пожарскаго, освободившихъ свою родину въ 1612 г. отъ Поляковъ. Ми-

нинъ, крѣпостной человѣкъ, представленъ заклинающимъ боярина Пожарскаго попытаться освободить отечество. Въ городѣ болѣе 50 православныхъ церквей, кромѣ 8-ми иностранныхъ—римско-католической, лютеранской, армянской и другихъ.

Главные соборы: преображенскій, архангельскій и рождества Пресвятой Богородицы. Послѣдній построенъ въ 1719 г. Строгановымъ, очень странной архитектуры, испещренъ всевозможными радужными цвѣтами и много похожъ на знаменитую церковь Василія Блаженнаго въ Москвѣ. Возлѣ него находятся развалины того дома, въ которомъ жили нѣкогда Петръ Великій съ своей супругой Екатериной. Церковь принадлежитъ къ Успенскому монастырю, хранящему у себя самый древній въ Россіи образъ Богородицы. Судя по греческой надписи на немъ, онъ написанъ однимъ Симеономъ въ 993 г., т. е. пять лѣтъ послѣ крещенія Владиміра Святаго. Число жителей города 40,000.

Осмотрѣвъ городъ и ярмарку во всѣхъ подробностяхъ, мы при первомъ удобномъ случаѣ отправились въ Тверь. Мѣстоположеніе, начиная отсюда, большей частью плоское и неинтересное; изрѣдка только встрѣчались сосновыя рощи, спускавшіяся до самой воды, онѣ однѣ нарушали однообразіе безконечной равнины. Первая пристань наша была въ Балахнѣ, маленькомъ городкѣ, гдѣ нѣкогда жила Елена, мать Іоанна Грознаго; теперь онъ замѣчателенъ только своимъ сбытомъ и постройкой пароходовъ и барокъ. Слѣдующая за тѣмъ станція — Городецъ бывшій въ старину жилищемъ основателя Нижняго Новгорода и его потомковъ; народное преданіе говоритъ, что почти каждую ночь горятъ огни на ихъ забытыхъ могилахъ. Изъ зданій, самое замѣчательное—монастырь, основанный въ 1149 г., гдѣ окончилъ свою жизнь величайшій изъ русскихъ героевъ, св. Александръ Невскій. Въ настоящее время городъ замѣчателенъ, какъ главное сборище раскольниковъ. Онъ имѣетъ около 7,500 жителей, ведетъ торговлю рожью, желѣзомъ и кожею. Далѣе мы пріѣхали въ Катунки, извѣстные своими кожанными издѣліями, изъ кошачьихъ шкуръ, которыхъ ежегодно здѣсь приготовляютъ и вывозятъ до 50 тысячъ.

За Катунками мы сѣли на мель; но къ счастью безъ всякихъ поврежденій для парохода, поплатившись только маленькой остановкой. Въ продолженіи всего дня насъ очень забавлялъ одинъ

Русскій, весьма походившій на идіота; онъ въ продолженіи часа, если не болѣе, все спрашивалъ у одного мужика, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ:

«Нравится ли тебѣ твоя жена»? на это мужикъ имѣлъ терпѣніе отвѣчать всякій разъ однимъ и тѣмъ же тономъ: «Слава Богу, батюшка, она мнѣ нравится»! Затѣмъ пріѣхали мы въ Юрьевъ-Поволжскій. Онъ, за исключеніемъ Нижняго, расположенъ на самомъ высокомъ берегу по правую сторону Волги. Основаніе его слѣдующее: великій князь Владиміръ, въ одномъ изъ своихъ путешествій, остановился на ночь у впаденія р. Унжи въ Волгу, на противоположной сторонѣ отъ того мѣста, гдѣ теперь находится городъ. Ночью въ темнотѣ онъ увидѣлъ на холмѣ образъ св. Георгія съ сіяніемъ вокругъ; въ воспоминаніе этого происшествія онъ основалъ городъ, носящій имя явившагося святаго. 35 миль далѣе находится Кинешма, небольшой городъ въ 25,000 жит., живописно расположенный по склону высокаго берега рѣки и окруженный садами. Здѣсь находится большая фабрика полотенъ, отличающихся тонкой выдѣлкой; произведенія ея съ успѣхомъ расходятся по всему государству.

Далѣе находится городъ Плесъ также съ полотенными фабриками, здѣсь мы купили нѣсколько тюковъ для отправки въ Петербургъ. Останавливались мы также въ Костромѣ, большомъ городѣ въ 20000 жителей. Съ нимъ связаны очень интересныя историческія воспоминанія. Основанъ онъ младшимъ сыномъ Владиміра Мономаха Юріемъ Долгорукимъ, который, поссорившись съ братьями, оставилъ Кіевъ и основалъ здѣсь въ 1152 г. отдѣльное княжество. Въ 1271 г. Нижній Новгородъ призналъ надъ собой владычество великаго князя Костромскаго, и Кострома въ теченіи шести недѣль считалась столицею Россіи, но въ 1302 г. попала подъ власть Даніила, великаго князя Московскаго.

Кострома часто подвергалась нападеніямъ Татаръ. Въ 1608 г. овладѣли ею Поляки, подъ предводительствомъ Лисовскаго.

Ипатіевскій монастырь находится на краю города, на берегу рѣки Костромы, при ея сліяніи съ Волгой. Михаилъ Романовъ, родоначальникъ нынѣ царствующей династіи, искалъ здѣсь убѣжища въ 1613 г. и тутъ же принялъ царскій вѣнецъ. Его комнаты до сихъ поръ сохраняются со всѣми принадлежностями въ

томъ видѣ, какъ были во время его пребыванія. Въ сосѣдней отъ города деревни Карабановкѣ, въ помѣстьяхъ Романовыхъ, случилось событіе, послужившее сюжетомъ для оперы Глинки *жизнь за царя*. Одинъ крестьянинъ, по имени Иванъ Сусанинъ, былъ захваченъ Поляками, съ тѣмъ чтобы указать имъ, гдѣ укрывается юный царь. Онъ согласился, но завелъ ихъ нарочно въ густой лѣсъ, въ противуположную сторону и тогда только объявилъ, что обманулъ съ намѣреніемъ спасти царя, а ихъ погубить. Никакія просьбы и угрозы не могли принудить его дать хотя незначительное показаніе или заставить вести далѣе.

Храбрый крестьянинъ былъ убитъ, но на томъ же мѣстѣ погибли отъ голода и холода большая часть Поляковъ, а тѣ, которымъ удалось спастись, пробродивъ нѣсколько дней, были захвачены русскими. Въ память Ивана Сусанина воздвигнуть очень красивый памятникъ. Великолѣпная колонна изъ краснаго финляндскаго гранита поставлена на каменномъ пьедесталѣ и на верху ея статуя царя. Передъ колонной стоитъ бронзовая статуя Сусанина, представленнаго стоящимъ на колѣняхъ и молящимся за свое отечество; внизу, на пьедесталѣ, большой бронзовый барельефъ, изображающій его смерть. Большія награды и права были даны его семейству и потомкамъ, а деревня Коробово была на долго освобождена отъ податей и рекрутскихъ повинностей. Въ Костромѣ есть очень древній монастырь во имя Успенія Пресвятой Богородицы, построенный въ 1239 г.; замѣчательно, что всѣ алтари его церквей обращены не на востокъ, какъ обыкновенно, а на сѣверъ. По слышаннымъ нами разсказамъ причина этому та, что основатель монастыря великій князь Владиміръ увидѣлъ во время охоты на этомъ мѣстѣ образъ Богоматери, обращенный именно къ сѣверу. Большая дорога изъ Петербурга въ Сибирь идетъ на Кострому. Ея жители ведутъ большею частью торговлю рожью, льномъ и кожею. Затѣмъ мы прибыли въ Ярославль, основанный между 1025 и 1036 г. великимъ княземъ Ярославомъ.

Есть преданіе, что городъ этотъ своимъ основаніемъ обязанъ слѣдующему происшествію. Великій князь, случайно отставъ отъ своей свиты на мѣстѣ сліянія Костромы съ Волгою, встрѣтился съ медвѣдицей и убилъ ее топоромъ. Въ память этого событія онъ основалъ городъ. Ярославль дѣлится на двѣ части: *срублен-*

ный городъ и *земляной городъ*; первая называется такъ, потому, что Ярославъ самъ вырубилъ тутъ деревья, а вторая отъ оконовъ, окружавшихъ городъ и выдержавшихъ нападеніе Поляковъ въ началѣ XVII ст. Первые Англійскіе купцы, поселившіеся въ Россіи, устроили здѣсь фабрику въ царствованіе Іоанна Грознаго, того самаго русскаго царя, который просилъ руки нашей королевы Елизаветы. Это одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ городовъ Россіи, со многочисленными церквами и множествомъ красивыхъ каменныхъ домовъ. Число жителей 35000; торговля главнымъ образомъ состоитъ изъ ржи и желѣза; здѣсь также есть большая фабрика полотенъ, построенная въ 1722 г.; также шелковыя и табачныя фабрики. 24 мили выше Ярославля мы остановились въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ. Прежде Романовъ былъ построенъ на лѣвомъ берегу, но въ началѣ нынѣшняго столѣтія перенесенъ на правый берегъ и соединенъ съ Борисоглѣбскомъ. Жителей въ настоящее время считается 6000; занимаются они выдѣлкой льна и бычачьихъ шкуръ, особенно въ послѣднемъ пользуются большой извѣстностью. Песчаныя мели продолжали затруднять.

По дорогѣ въ Рыбинскъ, построенный при впаденіи Шексны въ Волгу, намъ нѣсколько разъ приходилось останавливаться. Что касается Рыбинска, то послѣ Нижняго и Астрахани— это самое значительное торговое мѣсто по всему теченію Волги. Здѣсь начинается система Маріинскаго канала, соединяющаго Волгу съ Балтійскимъ моремъ. Около 1000 большихъ судовъ приходятъ и уходятъ ежегодно изъ этой пристани съ товарами, цѣнностію въ 10 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Это главная хлѣбная пристань, и здѣсь находится около 100,000 промышленниковъ. Набережная вдоль Волги и Шексны тянется на $1^1/_2$ мили и имѣетъ въ высшей степени оживленный видъ. Транспорты съ хлѣбами изъ хлѣбородныхъ уѣздовъ по Волгѣ прибываютъ сюда около конца апрѣля и середины мая; но въ Петербургъ перевозятся не раньше іюля. Часто случается, что вслѣдствіе мелководья рѣки, хлѣбъ стоитъ здѣсь около двухъ лѣтъ, прежде чѣмъ попадаетъ въ Балтійское море. Здѣсь мы имѣли долгую стоянку, весьма скучную, такъ какъ городъ прегрязный и не представляетъ ничего интереснаго. 20 миль дальше расположена Молога; здѣсь рѣка, имѣвшая до сихъ поръ сѣверо-восточное направленіе,

вдругъ поворачиваетъ къ югу-востоку. Молога—маленькій городокъ, съ 5000 жителей; единственное порядочное зданіе котораго—городская тюрьма. Здѣсь рѣка Молога впадаетъ въ Волгу и образуетъ непосредственную связь съ системой Тихвинскаго канала. 35 миль еще выше мы остановились въ Мушкинѣ, замѣчательной развѣ только тѣмъ, что лѣвый берегъ тутъ нѣсколько выше. Затѣмъ останавливались въ Угличѣ—мѣсто весьма замѣчательное въ историческомъ отношеніи. Существуя съ половины десятаго столѣтія, Угличъ составлялъ часть владѣній Владимірскихъ князей и окончательно присоединенъ къ владѣніямъ великихъ князей Московскихъ въ началѣ XVI ст. По смерти Іоанна Грознаго въ 1584 г., вдовствующая царица, совѣтомъ бояръ, была сослана въ Угличъ, гдѣ и былъ умерщвленъ ея сынъ Дмитрій. На мѣстѣ убійства выстроена церковь, въ которой, въ серебряной ракѣ, покоятся мощи царевича. Покровъ, сдѣланный для него его матерью, показывается тутъ же и представляетъ любопытнѣйшій и великолѣпнѣйшій образчикъ вышиваній того времени. Угличъ также много страдалъ отъ набѣговъ Татаръ и отъ великаго врага Русскихъ городовъ—огня.

Въ половинѣ XVII ст. онъ былъ совершенно раззоренъ Поляками, которые, какъ говорятъ, умертвили 20000 жит. сожгли ихъ въ большомъ потѣшномъ огнѣ. Въ настоящее время число жителей 11000. Они ведутъ обширную торговлю льномъ, кожею и занимаются постройкою барокъ. Между Ярославлемъ и Тверью 125 миль. Пространство это можно проѣхать на пароходѣ въ одинъ день, мѣстность здѣсь не представляетъ ничего интереснаго.

Мы еще нѣсколько разъ останавливались въ разныхъ незначительныхъ городахъ и деревняхъ, изъ которыхъ главные были г. Калязинъ съ 7500 жит. и Корчева съ 3000; оба города ведутъ торговлю рожью. Тверь очень оживленный городъ, имѣетъ 26000 жит. Главный предметъ торговли желѣзо; его привозятъ сюда въ большомъ количествѣ съ Урала и вывозятъ обратно въ большомъ количествѣ, въ видѣ гвоздей. Мѣстоположеніе города очень живописно; онъ тянется по обѣимъ берегамъ Волги; рѣка здѣсь шириною въ 200 ярдовъ и берега возвышаются на 175 ф. выше уровня воды. Тверь основана великимъ княземъ Владиміромъ въ 1182 г. и долго представляла самостоятельное княже-

ство; но въ началѣ XV ст. присоединено къ Московскому государству. До этого присоединенія она часто подвергалась нашествіямъ Татаръ, Поляковъ и Литовцевъ. Въ серединѣ XV ст. Тверь была совершенно опустошена чумой и голодомъ, а множество слѣдовавшихъ однѣ за другимъ пожаровъ превратили ее наконецъ въ 1763 г. въ пепелъ. Тутъ есть великолѣпный дворецъ. Въ немъ Карамзинъ читалъ въ первый разъ свою исторію Государства Россійскаго, въ присутствіи Императора Александра I. Самою красивою церковью въ городѣ считается Преображенскій соборъ, гдѣ между прочимъ находится въ высшей степени интересный образъ съ изображеніемъ мученій великаго князя Михаила, притерпѣнныхъ имъ отъ Татаръ въ 1319 году. Мощи несчастнаго мученика—князя покоятся въ соборѣ, въ серебрянной ракѣ.

Итакъ мы достигли конца нашего путешествія, проѣхавъ 2,150 миль по рѣкѣ Волгѣ. Мы находимъ, что послѣдняя часть нашего плаванія была довольно однообразна и не интересна.

Пробывъ въ Твери одинъ день, мы взяли билеты на Николаевской желѣзной дорогѣ въ Москву, и, признаюсь, были очень довольны, когда покойно усѣлись въ вагонахъ перваго класса.

О. Г.

ИСТОРІЯ

ОДНОГО КРЕСТЬЯНСКАГО МАЛЬЧИКА—МЕХАНИКА.

ГЛАВА II.

Первые опыты мальчика-механика.

Часто маленькая искра производитъ большой пожаръ; часто мимоходомъ сказанныя слова, случайныя обстоятельства зарождаютъ въ молодомъ умѣ цѣлый рядъ мыслей!

Чаттертона, англійскаго мальчика—поэта, не могли заставить выучить азбуку, пока онъ, въ одинъ прекрасный день не увидѣлъ старинныхъ готическихъ буквъ на одной изъ катушекъ своей матери и не былъ пораженъ ихъ красотой. Геній знаменитаго механика Вокансона былъ бы, быть можетъ, потерянъ для свѣта, если бы, будучи еще мальчикомъ, онъ не былъ запертъ отцемъ, въ наказаніе, въ пустую комнату, гдѣ ребенокъ, со скуки, отъ нечего дѣлать, разломалъ на куски, висѣвшіе тамъ старые часы. Даже въ великомъ Ньютонѣ первое желаніе учиться было возбуждено чувствомъ мести и заставило его рѣшиться превзойти ученіемъ своего старшаго школьнаго товарища, жестоко поступившаго съ нимъ.

Такъ было и съ Гришею Егоровымъ. Если бы отецъ его не возбудилъ въ немъ удивленія, поднявъ крышу своей избы, онъ, быть можетъ, никогда не вздумалъ бы ломать себѣ голову надъ законами движенія.

«Какая разница произошла бы оттого, что другой конецъ бревна былъ бы длиннѣе»? спросилъ онъ себя. «Какимъ образомъ аршинъ или два прибавленные къ концу бревна, могли бы

дать мнѣ силу взрослаго человѣка, и даже великана? Какимъ образомъ футъ или два дерева могутъ дать мнѣ возможность поднять тяжесть болѣе чѣмъ достаточную, чтобы раздавить меня»?

Такіе вопросы роились въ головѣ мальчика, въ то время, когда онъ лежалъ на спинѣ, праздно устремивъ свои глаза на облака, мчавшіеся по небу.

Вдругъ онъ вскочилъ на ноги; внезапная мысль поразила его.

Не подалеку отъ того мѣста, гдѣ онъ находился, лежала огромная каменная глыба, обломокъ отъ какой нибудь горы оторванный отъ нея, увлеченный теченіемъ и вынесенный, брошенный на берегъ рѣки, льдами.

Гриша подошелъ къ ней и, охватывая ее съ разныхъ сторонъ, старался сдвинуть ее съ мѣста. Усилія его были напрасны; масса оставалась неподвижною, какъ вкопанная.

Удостовѣрившись, что онъ недостаточно силенъ, чтобы пошатнуть камень, а тѣмъ болѣе поднять его, онъ отошелъ отъ него, и началъ чего то искать между деревьями, росшими на берегу. Послѣ непродолжительныхъ поисковъ, Гриша наткнулся на пень того самаго дуба, который, какъ онъ помнилъ, молодой кузнецъ срубилъ нѣсколько дней тому назадъ; вокругъ пня валялись сучья и вѣтви.

Выбравъ самую крѣпкую изъ нихъ, онъ вернулся съ нею къ каменной глыбѣ.

«Теперь», сказалъ мальчикъ про себя, мы скоро увидимъ, придастъ ли мнѣ какой нибудь футъ или два дерева, на столько силы, чтобъ я былъ въ состояніи сдвинуть подобную массу».

Гриша всунулъ конецъ твердой вѣтви, которую самъ едва тащилъ, далеко подъ каменную глыбу, и прикативъ еще къ нему тяжелый камень, положилъ на послѣдній вѣтвь точно такъ, какъ это сдѣлалъ поутру его отецъ; затѣмъ взявшись обѣими руками за самый конецъ вѣтки, онъ налегъ на нее всею своей тяжестью.

Къ великой радости мальчика, глыба колебалась при каждомъ его усиліи.

«О, это удивительно»! вскричалъ онъ, «маленькая вѣтвь, простая палка придаетъ мнѣ столько силы, что я могу двигать тяжесть, которую лошадь едва-ли пошевелитъ».

«Отецъ сказалъ, что, чѣмъ длиннѣе будетъ конецъ бревна,

тѣмъ большую силу онъ придастъ». При этомъ мальчикъ выдернулъ свой рычагъ на столько изъ подъ глыбы, что только одинъ коньчикъ его остался подъ краемъ камня. Затѣмъ, повторивъ свой опытъ по прежнему, онъ нашелъ, что ему было еще легче, чѣмъ въ первый разъ, пошатнуть тяжелую массу.

Гриша былъ крайне удивленъ, когда убѣдился, что онъ можетъ пошевелить, сдвинуть огромную тяжесть одной рукой; но когда онъ увидѣлъ, что огромная глыба, все болѣе и болѣе наклоняется отъ его давленія, радость и удивленіе его дошли до крайнихъ предѣловъ; подъ конецъ, мальчикъ былъ до того возбужденъ своимъ подвигомъ, что онъ напрегъ всѣ свои силы и пригнулъ конецъ вѣтви къ землѣ; но представьте себѣ его удивленіе, когда огромная и тяжелая глыба покатилась кувыркомъ въ рѣку и лишь брызги высоко взвились на воздухъ. Но за то вѣтка, внезапно освобожденная отъ тяжести державшей ее, полетѣла вверхъ съ такой силой, что простому уму Гриши показалось это, чѣмъ то сверхъестественнымъ.

Въ испугѣ мальчикъ пустился инстинктивно бѣжать. Хотѣлъ сперва вернуться, чтобы повторить свой опытъ; но подумавъ минутку, спросилъ себя: «Что было бы въ этомъ хорошаго»? Онъ уже удостовѣрился въ томъ, что онъ довольно силенъ, что можетъ сдвинуть съ мѣста такую тяжесть, которая можетъ раздавить его. Нѣтъ! онъ пойдетъ домой и посмотритъ не найдетъ ли онъ въ сараѣ чего нибудь такого, что могло бы ему помочъ вполнѣ понять это странное сдѣланное имъ открытіе.

Идя по лугу, онъ размышлялъ о томъ, что могло быть особеннаго въ простомъ бревнѣ, что оно дѣлаетъ меня гораздо сильнѣе, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ, и почему силы мои должны увеличиваться, единственно оттого, что одинъ конецъ бревна длиннѣе другаго? Это очень странно! Длинную палку легче переломить чѣмъ короткую; поэтому я полагалъ бы, что чѣмъ длиннѣе конецъ бревна, тѣмъ слабѣе должно быть бревно. Но выходитъ не такъ; иначе, я никогда не могъ бы сдвинуть камня. Я найду причину этого. Я непремѣнно доберусь до истины. Отцу я не скажу ни слова, а сдѣлаю все самъ до малѣйшей подробности и когда я все узнаю, тогда я сдѣлаю такую машину, которая будетъ все подымать,—да! даже домъ, если я этого захочу! Я бы желалъ знать, что скажетъ на это кузнецъ. Какъ онъ будетъ

золъ, когда онъ узнаетъ, что я могу сдѣлать болѣе чѣмъ онъ? Да, я не дамъ себѣ покоя, пока я не достигну этого,—и мальчикъ ускорялъ шаги, по мѣрѣ того, какъ мысли его воспламенялись.

«И отецъ также будетъ радъ»!

«Можетъ быть онъ подумаетъ, что я уже довольно уменъ, чтобы ходить на работу и при томъ я буду въ состояніи вырабатывать себѣ карманныя деньги, какъ это дѣлаетъ старшій братъ; пусть молодой кузнецъ увидитъ, что не онъ одинъ, но и другіе мальчики, кромѣ него, могутъ что нибудь заработывать. Я, право, не вижу ничего особеннаго, въ томъ, чтобы умѣть дѣлать диры въ лошадиныхъ подковахъ, какъ это онъ дѣлаетъ».

Размышляя такимъ образомъ то о радости, которую онъ сдѣлаетъ отцу, то о досадѣ, которую онъ причинитъ молодому кузнецу, Гриша дошелъ до хижины, и поспѣшивъ съ задняго двора въ сарай онъ началъ шарить между вещами сберегавшимися тамъ, надѣясь найти что нибудь, что могло бы быть ему пригоднымъ для достиженія его цѣли.

Сперва онъ поискалъ на полу, потомъ бросилъ бѣглый взглядъ на странную смѣсь хлама, висѣвшую съ балокъ, какъ-то: на оборванный хомутъ, на заржавленный серпъ и на изломанный фонарь. Въ первое мгновеніе онъ хотѣлъ взять которую нибудь изъ этихъ вещей, но увидѣвъ, что около нихъ висятъ ножницы для стрижки изгородей, онъ подумалъ, что они скорѣе ему пригодятся. Впрочемъ онъ хотѣлъ поискать еще; онъ уже собирался подняться по лѣстницѣ на чердакъ, но въ то время, какъ онъ занесъ ногу на первую ступень, его взяло раздумье не найдетъ ли онъ что нибудь болѣе подходящее, для своихъ цѣлей. Онъ поднялся еще на одну ступеньку, съ тѣмъ, чтобы лучше осмотрѣть вещи находившіяся на чердакѣ: тамъ висѣлъ, въ ожиданіи починки, котелъ безъ рыльца, дырявая соусная кострюля, курятникъ, сдѣланный отцемъ его изъ старой люльки, наугольникъ съ отвѣсомъ—инструментъ употребляемый каменьщиками при кладкѣ стѣнъ, старый цѣпъ, многоколѣнчатая метла, придуманная Иваномъ Егоровымъ для чистки трубъ—и еще безконечное число разрозненныхъ вещей. Но ни одна изъ нихъ, казалось, не годилась мальчику.

Сойдя съ лѣстницы, онъ принялся опять шарить во всѣхъ углахъ сарая. Сперва онъ снялъ косу, которая была повѣшена

у стѣны; клинокъ ея былъ обернутъ соломой. Потомъ, взглянувъ мимоходомъ на заступъ и мотыку, онъ въ раздумьи подошелъ къ верстаку и началъ играть широкой деревянной ручкой винта.

Вдругъ новая мысль пришла ему въ голову и онъ подбѣжалъ къ старой голубятнѣ, прибитой гвоздемъ къ противуположной стѣнѣ и служившей его отцу ящикомъ для инструментовъ.

Вынувъ длинный гвоздь изъ одного изъ голубиныхъ гнѣздъ, въ которомъ хранились винты и гвозди, онъ воротился къ верстаку и, взявъ молотокъ лежавшій на краю его, крѣпко вколотилъ гвоздь въ стѣну, находившуюся передъ нимъ; какъ только онъ это сдѣлалъ, онъ тотчасъ же сталъ снова его выдергивать другимъ краемъ, въ которомъ находилась выемка нарочно дѣлаемая на молоткахъ, чтобы выдергивать гвозди.

Во то время когда Гриша держалъ конецъ деревянной ручки и чувствовалъ, какъ гвоздь постепенно выдергивался изъ стѣны желѣзными клешнями, сжимавшими его, онъ сказалъ про себя: «я бы не могъ вытащить этого гвоздя пальцами. Эта ручка придаетъ мнѣ ту же силу, какую давала мнѣ вѣтвь, когда я сдвинулъ большой камень».

Послѣ этого онъ попробовалъ выдернуть другой гвоздь, который былъ вколоченъ въ скамью; онъ положилъ свою руку на другой конецъ рукоятки къ самому молотку; но какъ онъ ни старался, онъ не могъ выдернуть гвоздя; тогда онъ подвинулъ руку на нѣсколько дюймовъ выше къ концу рукоятки и на этотъ разъ могъ, лишь разшатать, но не выдернуть гвоздь. Наконецъ, онъ передвинулъ руку къ самому концу рукоятки и гвоздь былъ вынутъ имъ совершенно легко.

«Это совершенно тоже, что и съ бревнами, воскликнулъ онъ: чѣмъ длиннѣе ручка, тѣмъ болѣе она мнѣ придаетъ силы».

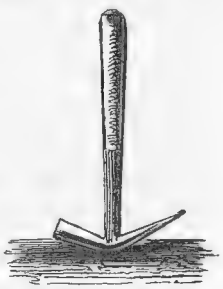
Вдругъ онъ увидѣлъ подножку подъ токарнымъ станкомъ и, оставивъ молотокъ, онъ поспѣшилъ къ ней. Онъ приставилъ свою ногу къ самому шатуну гдѣ обыкновенно ставитъ ногу токарь и, нажавъ доску, онъ легко привелъ въ движеніе колесо. За тѣмъ онъ подвинулъ ногу вправо и тутъ только съ трудомъ могъ привести колесо въ движеніе; наконецъ, онъ наступилъ прямо на край доски, гдѣ она связана со станкомъ, но хотя онъ и стоялъ на ней одной ногой, такъ, что налегъ на нее

всей своей тяжестью, тѣмъ не менѣе колесо нисколько не двигалось.

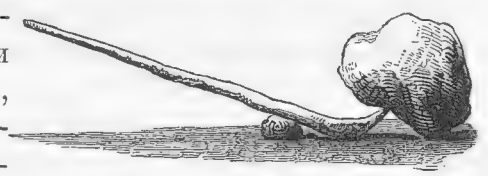
«Какъ странно! подумалъ мальчикъ, я сто разъ видалъ, какъ отецъ работалъ на этомъ станкѣ и самъ я много разъ вертѣлъ колесо, однако, я никогда этого не замѣчалъ. Оно совершенно такъ, какъ сказалъ отецъ, я могу привести въ движеніе, чтобы то ни было, если только бревно довольно длинно».

Гриша остановился на нѣсколько мгновеній и потомъ прошепталъ, снова раздумывая: «хотя оно все тоже — хотя причина увеличенія силы одинакова во всѣхъ этихъ случаяхъ, однако, какъ различны они между собой».

Потомъ онъ досталъ кусочекъ мѣла въ одномъ изъ гнѣздъ голубятни и набросилъ грубыми чертами очерки всѣхъ этихъ различныхъ инструментовъ.



«Смотри! воскликнулъ онъ, продолжая говорить самъ съ собой, молотокъ вотъ такой—а подножка, вотъ какая — а вѣтвь, которой я сдвинулъ камень была, вотъ такая—«Они ни сколько не похожи другъ на друга», воскликнулъ онъ, разсматривая грубые рисунки сдѣланные имъ. Они всѣ упираются на различныхъ мѣстахъ. Вотъ! продолжалъ онъ, молотокъ повертывается на головкѣ и длинный конецъ, сказалъ онъ, указывая на линію означавшую ручку, не въ одномъ направленіи съ короткимъ концомъ, и онъ положилъ палецъ на кривой конецъ молотка, на то мѣсто, гдѣ начинались клещи.



«Теперь, вѣтвь, продолжалъ онъ, упираетъ на камнѣ, который я приставилъ къ самой скалѣ, а короткій и длинный ея концы были оба въ одной линіи.

Но подножка опять не похожа на молотокъ и вѣтвь, потому что ея точка опоры на концѣ при томъ не одномъ, а на обоихъ. А между тѣмъ, онѣ всѣ одинаковы — потому, что сила каждаго изъ нихъ зависитъ отъ длины бревна.

Гриша однако, былъ далеко не удовлетворенъ тѣмъ, что онъ узналъ. Онъ увидѣлъ, что онъ нисколько не ближе къ рѣшенію затруднявшаго его вопроса: какъ это выходитъ, что сила зависитъ отъ длины бревна?

Сѣвъ на скамью, онъ началъ думать о томъ, какія средства у него были подъ рукой, которыя помогли бы ему разъяснить себѣ эту тайну. Размышляя такимъ образомъ онъ размахивалъ ногами взадъ и впередъ.

Вдругъ онъ увидѣлъ вѣсы, висѣвшіе на противоположной стѣнѣ. Снимая ихъ поспѣшно съ крючка, онъ удивлялся тому, какъ онъ могъ пробыть тутъ такъ долго, не замѣтивъ ихъ. Ихъ то ему и надо было, онъ это зналъ, все время, какъ онъ былъ въ сараѣ и однако онъ до сихъ поръ не могъ вспомнить объ нихъ. «Теперь онъ могъ все выяснить; да, онъ могъ это сдѣлать! — Онъ былъ увѣренъ въ этомъ»! и мальчикъ чуть не запрыгалъ отъ радости.

Гриша такъ нетерпѣливо желалъ рѣшить эту задачу, что онъ кое какъ повѣсилъ вѣсы на гвоздь. Отъ этого все вышло только дольше; онъ долженъ былъ два или три раза подниматься на лѣстницу, пока ему удалось повѣсить вѣсы такъ, какъ слѣдовало. Сперва гвоздь не держался, потомъ веревка оказалась слишкомъ коротка—за тѣмъ все спуталось.

Наконецъ, однако, онъ немного успокоился и въ нѣсколько минутъ коромысло было надлежащимъ образомъ повѣшено. Тогда онъ положилъ на каждую чашку вѣсовъ по одинаковому вѣсу и въ восторгѣ увидѣлъ, что вѣсы вѣрны, обѣ чашки были въ равновѣсіи.

«Оно такъ и должно быть! воскликнулъ онъ. Весьма естественно, что одно не будетъ пересиливать другаго, когда обѣ стороны коромысла одинаковой длины, какъ здѣсь».

Чтобы удостовѣриться въ этомъ, онъ взялъ футовую линейку своего отца и смѣрилъ разстояніе отъ каждаго края до точки, на которой коромысло вертѣлось.

Я такъ и думалъ, произнесъ онъ, съ каждой стороны ровно по десяти дюймовъ.

«Теперь, значитъ, я все скоро узнаю, произнесъ онъ смѣясь, и въ то время, отвязывая веревку отъ вѣсовъ. Затѣмъ

онъ положилъ коромысло на скамью и провелъ мѣломъ, съ помощью линейки прямую линію вдоль коромысла; потомъ онъ раздѣлилъ линію на дюймы и отмѣтилъ ихъ мѣломъ, такимъ образомъ, какъ нарисовано.

Сдѣлавъ это, онъ повѣсилъ коромысло на прежнее мѣсто и подвѣсилъ его веревкою ровно у первой мѣтки отъ конца, такъ, что когда оно было повѣшено на балку оно висѣло все на одну сторону, такъ.

Гриша отошелъ на нѣсколько шаговъ, чтобы лучше видѣть вѣсы, но когда онъ увидѣлъ, что онѣ висѣли совершенно косо, онъ въ нетерпѣніи топнулъ ногой, проговоривъ про себя: «это никуда не годится. Я долженъ, какъ бы то ни было, добиться того, чтобы вѣсы висѣли прямо».

Тутъ онъ вспомнилъ, что у его отца былъ мѣшокъ съ пулями; онъ зналъ, гдѣ онъ ихъ видѣлъ; однимъ прыжкомъ очутился онъ около голубятни и, всунувъ руку въ одно изъ гнѣздъ, онъ вытащилъ оттуда маленькій холщевой мѣшокъ. Только что онъ это сдѣлалъ, какъ цѣлая куча тяжелыхъ пуль, лежавшихъ въ одномъ изъ угловъ, и за которыя онъ задѣлъ, посыпались къ его ногамъ.

«Это славно, проговорилъ онъ, нагибаясь, чтобы поднять ихъ, онѣ могутъ замѣнить золотники и фунты, и избавить меня отъ множества хлопотъ».

Гришѣ потребовалось не много времени, чтобы съ помощью пуль, привести вѣсы въ равновѣсіе. Взявъ мѣшокъ, онъ повѣсилъ его на короткій конецъ коромысла; сперва мѣшокъ былъ слишкомъ тяжелъ, потомъ слишкомъ легокъ, такъ, что ему пришлось нѣсколько разъ привязывать его выше и потомъ снова опускать; онъ то вынималъ нѣсколько пуль изъ мѣшка, то опять клалъ нѣсколько пуль туда. Подъ конецъ это занятіе до того раздражило нетерпѣливаго мальчика, что онъ съ трудомъ могъ стоять покойно на мѣстѣ, чтобы окончить опытъ.

Однако, наконецъ, вѣсы были уравновѣшены и Гриша—пальцы его зудѣли отъ восторга, потому что онъ былъ увѣренъ, что опытъ его удается—опустилъ одну пулю въ чашку, висѣвшую на болѣе длинномъ концѣ.

«И такъ, теперь, воскликнулъ онъ, смотря какъ чашка опускалась, я увижу сколько пуль перевѣситъ одна пуля».

Согласно съ этимъ, восхищенный мальчикъ, бросилъ снерва одну пулю въ чашку, висѣвшую на верхнемъ и болѣе короткомъ концѣ коромысла.

«А, воскликнулъ онъ, потирая руки отъ удовольствія, одна пуля не дѣлаетъ ни малѣйшей разницы, конечно. Я зналъ, что она не перевѣситъ это слишкомъ легко».

За тѣмъ, онъ боязливо опустилъ другую пулю — боязливо, потому, что онъ почти ожидалъ, что верхняя чаша опустится подъ увеличенной тяжестью.

«Нѣтъ, сказалъ онъ, она еще не падаетъ. Она подымаетъ 2 пули, изъ которыхъ каждая одного вѣсу съ ней. «Это вѣрно» и маленькій мальчикъ опять запрыгалъ отъ радости.

Послѣ этого онъ вытащилъ изъ кармана еще пулю и опустилъ и ее, какъ можно осторожнѣе, въ чашку, потому, что онъ былъ увѣренъ, что на этотъ разъ равновѣсіе потеряется.

Но когда онъ увидѣлъ, что вѣсы оставались все въ одномъ положеніи и что одна пуля перевѣшивала другія три, онъ захлопалъ въ ладоши и воскликнулъ: «я бы желалъ только одного, чтобѣ молодой кузнецъ могъ видѣть, что я открылъ».

«Хорошо, отъ новой пули она должна, какъ бы то ни было, опуститься», сказалъ онъ, когда его возбужденное состояніе почти прошло и онъ былъ на столько спокоенъ, что могъ продолжать опытъ. «Я не забочусь много о томъ, опустится ли чашка», кладя четвертую пулю въ нее.

«Она также спокойна какъ и прежде, прошепталъ онъ про себя; я въ самомъ дѣлѣ, думаю, что она выдержитъ еще одну. Да, она выдержитъ ее! продолжалъ онъ, кладя свой палецъ на чашку, чтобы удостовѣриться въ томъ, какая требовалась сила, чтобы заставить коромысло опуститься. Да, и я не удивлюсь если она выдержитъ еще двѣ».

Сказавъ это, Гриша опустилъ въ чашу пятую пулю и найдя, что коромысло даже не покачнулось, онъ уже смѣлѣе кинулъ шестую пулю.

«Я никогда не видѣлъ ничего подобнаго! Я думаю, что вѣсы заколдованы, произнесъ онъ, бросая еще одну пулю въ чашу.

«Съ этой выходитъ семь!» прошепталъ онъ, кивая головой и удивляясь неподвижности коромысла.

«Хорошо, ты получишь еще одну, старый товарищъ, если ты этого желаешь», сказалъ Гриша, смѣясь и разговаривая съ вѣсами. «У меня еще много пуль здѣсь, въ карманѣ». Но и эта еще не произвела никакого дѣйствія. Одна пуля перевѣшивала всѣ остальныя, восемь.

— «Да, я могу вамъ дать еще одну, если вы этого желаете».—«И еще одну».

Коромысло, однако, висѣло все также косо; чаша, вмѣщавшая 10 пуль, висѣла высоко на воздухѣ, въ то время какъ та, въ которой была только одна пуля, оставалась гораздо ниже.

«О! тутъ, что нибудь да не такъ! Коромысло, вѣроятно, крѣпко уперлось во что нибудь, я увѣренъ въ этомъ»; говоря это, пытливый мальчикъ—подошелъ къ вѣсамъ и попробовалъ еще разъ опустить верхнюю чашу.

«Нѣтъ», сказалъ онъ со смѣхомъ, найдя, что она опускается отъ давленія его руки, «тутъ ничего нѣтъ, надо только еще прибавить немного вѣсу вотъ и все», и онъ потеръ руки отъ радости. «Но эту трудность можно скоро преодолѣть» и онъ бросилъ еще одну пулю въ верхнюю чашу.

«Имѣю честь объявить, что это одинадцатая пуля», замѣтилъ онъ.

Двѣнадцать! считалъ онъ, выпустивъ еще одну пулю изъ руки. Тринадцать! Четырнадцать! Пятнадцать!

Гриша остановился еще разъ потому, что онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. «Если бы отецъ мнѣ сказалъ, что одна пуля перевѣситъ столько пуль, я право, думаю, что я бы ему не повѣрилъ», сказалъ мальчикъ про себя.

«Но скоро долженъ быть конецъ этому, и такъ я положу двѣ пули на этотъ разъ».

«Теперь, моя милая чашка, ты получила семнадцать пуль», продолжалъ онъ, бросая двѣ пули въ чашу и разговаривая съ вѣсами.

«И еще двѣ, это выходитъ девятнадцать». Другая пара пуль была прибавлена къ остальнымъ.

Но едва только вторая пара выскользнула изъ его пальцевъ, какъ верхняя чаша опустилась.

«Я положилъ слишкомъ много», воскликнулъ Гриша, увидѣвъ, что коромысло опустилось.

«Нѣтъ! я положилъ не слишкомъ много, прибавилъ онъ, когда коромысло опять поднялось и колебалось все меньше и меньше.

«Нѣтъ! — нѣтъ! — нѣтъ! прошепталъ онъ въ полголоса, въ то время какъ онъ наблюдалъ за тѣмъ, какъ пространство, которое коромысло пробѣгало, поднимаясь и опускаясь постепенно, уменьшалось, пока, наконецъ, обѣ чашки не пришли въ равновѣсіе, тогда Гриша началъ прыгать и плясать, не помня себя отъ радости.

Когда возбужденіе мальчика прошло, онъ вернулся къ вѣсамъ и отнялъ одну пулю отъ 19.

Къ удивленію его, одна пуля лежавшая въ чашкѣ, висѣвшей на длинномъ концѣ, перевѣсила всѣ 18 пуль бывшія въ другой чашкѣ.

Потомъ онъ положилъ назадъ, какъ можно осторожнѣе, 19 пулю, и найдя, что она привела коромысло въ совершенное равновѣсіе, онъ взялъ одну дробинку, вынутую имъ изъ мѣшка, и положилъ ее въ чашку, въ которой была одна пуля. Къ его неописанной радости одна пуля съ прибавленной къ ней дробинкой, перевѣсила остальныя 19.

«Не удивительно, послѣ этого, что простой сучекъ далъ мнѣ возможность сдвинуть огромный камень,» потому, что онъ былъ гораздо длиннѣе этого коромысла: отецъ сказалъ, что сила зависитъ отъ длины конца».

Какъ скоро мысль эта пришла Гришѣ въ голову, онъ тотчасъ началъ считать мѣтки, сдѣланныя имъ на коромыслѣ, съ каждой стороны веревки, на которой были повѣшены вѣсы, чтобы удостовѣриться на сколько одинъ конецъ коромысла длиннѣе другаго.

Къ его великой радости, онъ открылъ, что на длинномъ концѣ коромысла было намѣчено мѣломъ 19 дюймовъ и только одинъ дюймъ на короткомъ концѣ.

«А! теперь я вижу!» произнесъ онъ, «я все понимаю; одинъ конецъ въ 19 разъ длиннѣе другаго и поэтому онъ можетъ поднять вѣсъ въ 19 разъ тяжелѣйшій, чѣмъ его собственный. Да, это также очевидно, какъ день. На одной сторонѣ 19 дюймовъ

и только одинъ на другой, и въ этой чашкѣ 1 пуля, а въ другой 19».

Онъ остановился на минуту, чтобы поразмыслить, и тогда, вернувшись къ вѣсамъ, онъ сказалъ: «Я сейчасъ увижу, это ли причина дѣлу; я подвѣшу вѣсы на второмъ дюймѣ»; сказавъ это, Гриша крѣпко привязалъ веревку вокругъ второй мѣтки отъ конца.

Когда онъ это сдѣлалъ, онъ началъ ходить взадъ и впередъ по сараю, бормоча про себя: «теперь, съ одной стороны 2 мѣтки, а съ другой 18. Я бы хотѣлъ знать, съумѣю ли я найти какую тяжесть можетъ поднять длинный конецъ, на этотъ разъ. О! я знаю, воскликнулъ онъ, если я сосчитаю сколько разъ 2 дюйма содержатся въ 18 дюймахъ, намѣченныхъ на другомъ концѣ коромысла, я узнаю въ сколько разъ одинъ конецъ длиннѣе другаго. Ровно въ 9 разъ длиннѣе», произнесъ онъ. Сдѣлавъ это открытія, онъ засмѣялся отъ удовольствія—«по этому, одна пуля съ прибавленнымъ къ ней кусочкомъ, положенные въ чашку висящую на длинномъ концѣ, должна перевѣсить 9 пуль, лежащихъ въ другой чашкѣ».

«Теперь я увижу, правъ ли я»!

Гриша употребилъ не много времени на то, чтобы положить въ чашку, висѣвшую на короткомъ концѣ, девять пуль и тогда дрожащей рукой опустилъ онъ одну пулю въ противоположную чашку, уставя, въ тоже время, глаза на коромысло.

Когда пуля выскользнула изъ его пальцевъ, онъ съ восторгомъ увидѣлъ, что чашка опускалась, а другая, гдѣ было 9 пуль, постепенно подымалась.

«Да, я правъ! я правъ!» закричалъ онъ, «оно такъ, какъ я думалъ: чѣмъ одинъ конецъ коромысла длиннѣе другаго, тѣмъ большую тяжесть онъ поднимаетъ».

«Однакоже я бы желалъ попробовать еще разъ. О! я никогда во всю мою жизнь не былъ такъ счастливъ. Я много бы далъ, чтобы быть въ состояніи дѣлать каждый день открытія, подобныя этому. Хм! и я сдѣлалъ все это самъ, это-то мнѣ и нравится. Какъ отецъ будетъ радъ. Я бы хотѣлъ знать, что онъ скажетъ, когда онъ это узнаетъ. Онъ всегда намъ говорилъ, что мы *до тѣхъ поръ не можемъ знать, что мы въ состояніи сдѣлать, пока мы не попробуемъ;* я увѣренъ, что если бы я не

попробовалъ, я никогда бы не узналъ того, что я теперь знаю. Да, я попробую еще разъ, чтобы быть болѣе увѣреннымъ; я привяжу веревку вокругъ четвертой мѣтки съ конца и увижу, тогда, могу ли я отгадать сколько пуль одна пуля можетъ перевѣсить».

Передвинувъ веревку на означенную мѣтку, онъ сосчиталъ мѣтки на длинномъ концѣ.

Теперь 16 мѣтокъ на одной сторонѣ и 4 на другой, замѣтилъ мальчикъ. Затѣмъ, онъ сосчиталъ сколько разъ 4 мѣтки содержатся въ 16—считая такъ: 1, 2, 3, 4—одна четверка; 1, 2, 3, 4—двѣ четверки, и такъ далѣе, потому что маленькій мальчикъ не былъ силенъ въ ариѳметикѣ.

Окончивъ вычисленіе, онъ замѣтилъ, что одинъ конецъ коромысла былъ теперь только въ 4 раза длиннѣе другаго конца; слѣдовательно, малѣйшій кусочекъ, прибавленный къ одной пулѣ и положенный въ чашку висящую на длинномъ концѣ, перевѣситъ 4 пули находящіяся въ другой чашкѣ.

Сказано, сдѣлано; и мальчикъ былъ снова обрадованъ тѣмъ, что результатъ его опыта оказался именно такимъ, какимъ онъ его предвидѣлъ.

«Все тоже, какъ бы я ни пробовалъ»! вскричалъ онъ. «Ровно на сколько одинъ конецъ коромысла длиннѣе другаго, на столько тяжесть, которую онъ можетъ выдержать, больше. Я все понимаю теперь».

Тогда Гриша поскакалъ къ скамьѣ, и посидѣвъ на ней съ съ минуту или съ двѣ, раздумывая и безсознательно играя палкой, вставленной въ широкую головку деревяннаго винта отъ стараго столярнаго верстака, опять соскочилъ:

«Нѣтъ! я совсѣмъ этого не понимаю, нисколько»! вскричалъ онъ вдругъ, «какъ я глупъ»—Не смотря на то, что онъ былъ простой мальчикъ, онъ сознавалъ, хотя и не могъ этого высказать, что онъ нашелъ только правило, но не причину этого явленія.

«Почему одинъ конецъ бревна, продолжалъ онъ раздумывать, въ состояніи поднять большую тяжесть, единственно оттого, что онъ длиннѣе другаго? Это то я и хочу знать. Какъ глупо, что я себѣ вообразилъ, что я все узнаю въ минуту».

«Боже мой! Боже мой! я не вижу какъ я, когда либо, дойду

до этого», прибавилъ онъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія. «Я бы желалъ, чтобы здѣсь былъ кто-нибудь, кто помогъ бы мнѣ добиться до этого. Впрочемъ! я бы этого не хотѣлъ, оно такъ пріятно, послѣ того какъ сдѣлаешь открытіе, знать, что сдѣлалъ все это самъ, безъ малѣйшей посторонней помощи. О! нѣтъ, нѣтъ! Я все же еще разъ попробую. Отецъ говоритъ, что ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ пробовать самому. Но какъ приняться за это—вотъ, что меня затрудняетъ».

Мальчикъ впалъ снова въ задумчивость и подъ конецъ сдѣлавшись безпокойнымъ отъ сознанія, что онъ не могъ ничего придумать что помогло бы ему, онъ въ безпокойствіи началъ опять ходить взадъ и впередъ по сараю. Но все было напрасно.

Пройдя нѣсколько разъ, онъ остановился передъ вѣсами все еще висѣвшими на веревкѣ, нагруженными пулями, точно такъ, какъ онъ ихъ оставилъ, и ударилъ пальцемъ по коромыслу, отчего оно заколебалось. Мальчикъ стоялъ, внимательно наблюдая за колебаніями вѣсовъ; вдругъ онъ вскрикнулъ: «Смотри! на сколько размахъ дѣлаемый длиннымъ концемъ, когда оно подымается и опускается, больше размаха дѣлаемаго короткимъ концомъ. Одинъ конецъ въ 4 раза длиннѣе другаго», сказалъ онъ, «и сколько я могу судить, онъ пробѣгаетъ пространство въ 4 раза большее пространства пробѣгаемаго другимъ концемъ. Тутъ можетъ быть, что нибудь да есть!» раздумывалъ онъ.

«Я знаю, что я сдѣлаю; я узнаю на сколько, на самомъ дѣлѣ, пространство пробѣгаемое длиннымъ концемъ больше и, тогда увижу поможетъ ли это мнѣ».

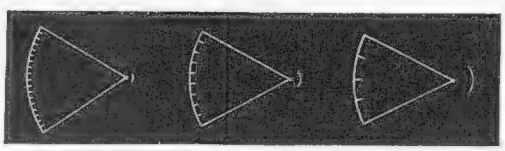
Тутъ явилось новое затрудненіе. Какъ это сдѣлать? Способовъ къ точному измѣренію пространства пробѣгаемаго коромысломъ, въ томъ положеніи, въ которомъ оно находилось, не было.

Сначала Гриша думалъ снять вѣсы и, снявъ чашки, положить коромысло на скамью и обозначить мѣломъ линіи, которыя оно двигаясь описывало. Но когда онъ отвязалъ веревку, его поразило, то, что если онъ даже и сдѣлаетъ это, ему будетъ невозможно заставить коромысло поворачиваться на-какой либо другой точкѣ, кромѣ середины, потому, что въ другомъ мѣстѣ не не было дыръ. Онъ придумалъ, что сдѣлать! Онъ легко могъ

сдѣлать коромысло изъ дерева. Тутъ въ углу было нѣсколько хорошихъ лучинокъ. Какъ скоро мысль эта пришла ему въ голову, нашъ мальчикъ, тотчасъ же сѣлъ за работу, чтобы исполнить свое намѣреніе и онъ живо смастерилъ деревянное коромысло, одинаковыхъ размѣровъ съ желѣзнымъ. Потомъ, намѣтивъ дюймы на всемъ коромыслѣ, точно такъ, какъ онъ намѣтилъ ихъ на металлическомъ коромыслѣ, онъ просверлилъ дыру у первой мѣтки отъ конца, потомъ у второй мѣтки и напослѣдокъ у четвертой.

Послѣ этого, онъ положилъ деревянное коромысло на скамью передъ собой и, воткнувъ маленькій гвоздь въ дыру, сдѣланную у первой мѣтки отъ конца, съ помощью мѣла, который онъ держалъ съ обоихъ концевъ, сталъ отмѣчать линіи описываемыя обоими концами коромысла, когда оно вертѣлось на гвоздѣ.

Потомъ онъ подвинулъ коромысло на другую часть скамьи, и, воткнувъ на этотъ разъ гвоздь во вторую дыру съ конца, онъ сдѣлалъ тоже. Подъ конецъ онъ повторилъ еще разъ это



же самое, но тогда центромъ уже служила 4 дыра. Когда работа была окончена, мѣловыя линіи были начерчены на скамьѣ, какъ здѣсь нарисовано, съ тою только разницею, что они были значительно длиннѣе и что на нихъ не было черточекъ, тогда Гриша остановился на минуту, чтобы разсмотрѣть различную длину кривыхъ линій. «Оно кажется такъ, какъ я думалъ, удостовѣримся въ этомъ». Сказавъ это, онъ взялъ веревку и, отрѣзавъ отъ нея кусокъ точно такой длины, какой была меньшая изъ кривыхъ линій первой фигуры, сталъ размѣрять сколько разъ она укладывалась въ болѣе широкой кривой линіи, отмѣчая на ней мѣломъ длину короткой линіи. «Все вѣрно! вскричалъ онъ, складывая число мѣловыхъ мѣтокъ. «Одинъ конецъ здѣсь ровно въ 19 разъ длиннѣе другаго и, слѣдовательно, онъ пробѣгаетъ, подымаясь и опускаясь, пространство ровно въ 19 разъ большее, чѣмъ короткій конецъ».

Смѣривъ потомъ вторую фигуру тѣмъ же простымъ способомъ, восхищенный мальчикъ нашелъ тоже отношеніе между длиной кривыхъ линій и длиной концовъ; одинъ конецъ коро-

мысла былъ въ 9 разъ длиннѣе другаго и пространство описываемое длиннымъ концомъ было, слѣдовательно, въ 9 разъ больше пространства описываемаго короткимъ концомъ.

Вымѣривъ третью фигуру, онъ нашелъ тоже, что и въ первыхъ, потому что, тутъ одна кривая линія была въ 4 раза длиннѣе другой и длина концовъ была въ такомъ же отношеніи. Гриша съ большимъ удовольствіемъ раздумывалъ о результатѣ своихъ трудовъ; «я открылъ, сегодня, двѣ удивительныя вещи—во первыхъ ту, что во сколько разъ одинъ конецъ длиннѣе другаго, ровно во столько разъ бо́льшую тяжесть онъ можетъ перевѣсить, а во вторыхъ ровно во столько разъ больше пространство, которое онъ пробѣгаетъ, подымаясь и опускаясь».

«Но», замѣтилъ онъ, подумавъ нѣсколько минутъ, «это все таки не причина того, что я желаю знать». «Дай-ка, я посмотрю», сказалъ онъ, напряженно устремивъ глаза на фигуры нарисованныя мѣломъ на скамьѣ, «если болѣе длинный конецъ пробѣгаетъ бо́льшее пространство, чѣмъ короткій конецъ и оба конца подымаются и опускаются одновременно, тогда одинъ конецъ долженъ двигаться скорѣе другаго. Да, навѣрное, онъ долженъ двигаться скорѣй — ровно на сколько одинъ конецъ длиннѣе другаго, на столько быстрѣе должна двигаться его тяжесть — это совершенно ясно».

«Но сдѣлаетъ ли это какую нибудь разницу, продолжалъ онъ. Можетъ ли тяжесть имѣть болѣе силы, единственно, потому, что она двигается быстрѣе? Это странно, если это такъ».

Потомъ Гриша снова повѣсилъ вѣсы, продолжая въ тоже время говорить. Но на этотъ разъ онъ привязалъ веревку подъ самый язычекъ, по серединѣ коромысла. Сдѣлавъ это, онъ положилъ по пулѣ въ каждую чашку и сталъ пристально смотрѣть на коромысло; ударивъ пальцемъ по немъ, отчего оно заколебалось, онъ сказалъ: «тутъ тяжесть одинакова и пространства пробѣгаемыя обоими концами при каждомъ наклонѣ одинаковы; поэтому, ясно, что одна пуля съ прибавленною къ ней малѣйшею частицею, падая на извѣстное пространство и въ извѣстное время, подыметъ другую пулю, одинаковой съ ней тяжести, также высоко и въ тоже время.

«Теперь, продолжалъ онъ, если одна пуля съ маленькимъ ку-

сочкомъ перевѣситъ 19 другихъ, то одна пуля двигалась въ 19 разъ дальше и въ 19 разъ скорѣе остальныхъ пуль; поэтому ясно, что, такъ какъ одна пуля подняла каждую изъ 19-ти, составляющую 19-тую часть пространства, которое она сама пробѣжала, то если мы сложимъ эти 19 частей, мы увидимъ, что всѣ 19 пуль должны были пробѣжать тоже пространство, которое, въ тоже время, пробѣжала одна пуля. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, сказалъ онъ, потому, что длинный конецъ опускался на 19 дюйм., между тѣмъ какъ короткій конецъ поднялся на одинъ дюймъ, оно такъ ясно, какъ только можетъ быть, что если каждая изъ 19-ти пуль была поднята на одинъ дюймъ, то всѣ 19 пуль вмѣстѣ, должны были пройти пространство въ 19 дюймовъ и это въ тоже время, какъ одна пуля пробѣжала тоже пространство сама по себѣ».

Гриша, однако, не былъ еще убѣжденъ, что онъ совершенно понялъ это дѣло, и мальчикъ кусалъ губы отъ смущенія, въ которое его приводила трудность задачи.

«Но если пространства описываемыя обоими концами равны, пробормоталъ онъ, все еще сомнѣваясь, то все таки не возможно доказать, чтобы и тяжесть была одинакова.»

Потомъ, подумавъ съ минуту, онъ воскликнулъ: «нѣтъ, это тоже не такъ, потому, что въ то время, какъ одна пуля пробѣгаетъ пространство въ 19 разъ большее и во все время какъ она падаетъ, она дѣйствуетъ на другія, то ясно, что тяжесть одной пули дѣйствуетъ, какъ-бы 19 разъ. Потому что, предположимъ, доказывалъ онъ себѣ, что концы коромысла оба одной длины и одна пуля съ маленькимъ кусочкомъ подняла 19 другихъ на пространство дюйма, по одной, вмѣсто того, чтобы поднять всѣ съ разу. Тогда, конечно, въ то время, какъ одна пуля подняла бы всѣ другія на одинъ дюймъ каждую, она не только упала бы на 19 отдѣльныхъ дюймъ, но также дѣйствовала бы какъ 19 отдѣльныхъ пуль; такъ что, когда одинъ конецъ коромысла въ 19 разъ длиннѣе другаго, тогда одна пуля дѣлаетъ тоже, но только разомъ, и слѣдовательно имѣетъ въ 19 разъ большую силу».

Распутавъ одинъ узелъ было уже легко покончить съ остальнымъ. Если одна пуля подняла 19 пуль, то было уже не трудно понять, что длинный конецъ коромысла двигался въ 19 разъ бы-

стрѣе и въ 19 разъ сильнѣе короткаго конца; слѣдовательно, вѣсъ повѣшанный на длинный конецъ имѣлъ силу поднять тяжесть въ 19 разъ большую, чѣмъ вѣсъ короткаго конца. Если одинъ конецъ вѣсовъ въ 4 раза длиннѣе другаго, то ясно, что длинный конецъ двигается въ 4 раза скорѣе и потому имѣетъ въ 4 раза больше силы, чѣмъ противоположный конецъ.

«И такъ!» произнесъ Гриша, «наконецъ я все понимаю». Несомнѣнно, что, чѣмъ быстрѣе движется тяжесть, тѣмъ болѣе она имѣетъ силы, такъ, что если бы можно было заставить легчайшее тѣло двигаться довольно скоро, то оно могло бы имѣть одинакую силу съ самымъ тяжелымъ тѣломъ, даже одна изъ этихъ дробинокъ, имѣла бы одинакую силу съ пушечнымъ ядромъ, если бы только она двигалась, на столько быстрѣе пушечнаго ядра, на сколько ядро было бы тяжелѣе дроби. О, да! не одна только тяжесть даетъ силу вещи. Какъ я былъ глупъ! нѣтъ, тяжесть вмѣстѣ съ быстротою движенія даетъ силу. Теперь я знаю, почему я былъ въ состояніи сдвинуть тотъ тяжелый камень. Моя тяжесть, находившаяся при концѣ бревна, двигалась на столько разъ скорѣе, на сколько разъ я былъ легче камня, вотъ и причина. Я помню, какъ отецъ однажды сказалъ, что одинъ великій человѣкъ, о которомъ онъ читалъ, объявилъ, что если бы онъ могъ найти мѣсто, на которое онъ могъ бы утвердить рычагъ, онъ поднялъ бы весь свѣтъ. Да, и онъ могъ бы это сдѣлать, навѣрное, онъ могъ бы даже поднять его перомъ, *если бы только*, какъ отецъ сказалъ сегодня утромъ, *другой конецъ бревна былъ бы довольно длиненъ*.

Подъ конецъ умъ мальчика былъ утомленъ до истощенія и онъ, для забавы, перешелъ къ токарному станку и привелъ въ движеніе подножку, радуясь, что онъ могъ такъ легко, по своему желанію, увеличить силу. Потомъ онъ завертѣлъ колесо какъ можно быстрѣе, изо всей силы, и сдѣлавъ это, онъ отошелъ на нѣкоторое разстояніе, чтобы посмотрѣть на быстроту движенія.

Когда колесо стало вертѣться медленнѣе, спицы становились болѣе и болѣе видны, Гриша, немного разсѣявшись, не могъ удержаться, чтобы не вернуться къ своимъ прежнимъ размышленіямъ.

— «Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что эти спицы ни что иное какъ рычаги. Я желалъ бы только узнать это и тогда на сегодня

довольно. О! я знаю какъ это сдѣлать, воскликнулъ онъ; теперь, когда я уже такъ много знаю, это легко.»

Гриша снялъ съ крючка шатунъ и ремень съ маховаго колеса, затѣмъ онъ пошелъ въ сосѣду, чтобы принести оттуда ленточную мѣрку, которую отецъ его употреблялъ, когда ему приходилось портняжничать.

Возвратившись скоро съ тесьмой, онъ снялъ мѣрку съ обода колеса, потомъ съ окружности вала. Послѣ этого, онъ сосчиталъ въ сколько разъ колесо было больше вальца и нашелъ, что оно въ 28 разъ больше.

— «Теперь, если я правъ, малѣйшій кусочекъ, прибавленный къ фунтовику, прикрѣпленному къ наружной сторонѣ колеса, будетъ въ состояніи поднять 28 фунтовъ привязанныхъ къ валу; потому, что въ то время, какъ валъ долженъ дѣлать одинъ оборотъ каждый разъ, колесо дѣлаетъ тоже, но тяжесть, прикрѣпленная къ ободу колеса, пройдетъ пространство въ 28 разъ большее, чѣмъ тяжесть привязанная къ валу.»

Привязавъ фунтовикъ къ одному концу веревки, онъ привязалъ другой конецъ къ ободу колеса, и потомъ, съ помощью здоровой веревки, онъ привязалъ къ валу 25 фунтовую гирю, которую онъ занялъ, на этотъ случай, у сосѣда ткача, жившаго не далеко оттуда. Затѣмъ прибавилъ незначительную тяжесть къ фунту, и тѣмъ придалъ ему достаточный перевѣсъ, чтобы привести колесо въ движеніе; къ радости Гриши болѣе тяжелый вѣсъ поднялся, между тѣмъ какъ болѣе легкій опустился.

«Это прекрасно!» воскликнулъ онъ, повторяя опытъ снова и снова. «Я могъ бы сказать, какая нужна сила, чтобы поднять какую либо тяжесть, если бы я только зналъ размѣръ колеса и вала или длину обѣихъ концевъ бревна.»

Не успѣлъ онъ это выговорить, какъ вскочилъ уже съ земли, на которой онъ стоялъ на колѣняхъ, наблюдая за оборотами колеса и воскликнулъ: «я знаю, что я сдѣлаю! я пойду къ колодцу—это именно то, что мнѣ нужно! тамъ есть колесо и валъ и я скоро узнаю сколько силы выигрывается чрезъ него.»

Колодезь, который Гриша разумѣлъ, находился на верху выгона. Онъ имѣлъ довольно живописный видъ. Срубъ его былъ не деревянный, а каменный и стѣны возвышались аршина на $1^1/_2$; внутри они были покрыты зеленой и влажной плѣсенью, между тѣмъ

какъ наружная его сторона, кромѣ того мѣста, гдѣ выступала широкая, лоснящаяся ручка, была въ половину скрыта травой и крапивою, и тамъ земля была, какъ бы, голая, а трава на не большое разстояніе истоптана ногами множества посѣтителей колодца. Надъ валомъ была маленькая крыша, защищавшая веревки отъ дождя; солома на этой крышѣ была мѣстами покрыта густымъ ярко-зеленымъ мохомъ. Колодезь славился далеко въ окрестности глубиной и чистотой своей воды, хотя, вода и казалась темною какъ чернила, когда смотрѣли черезъ край стѣнокъ внизъ, вдоль длинныхъ, темныхъ, отвѣсныхъ стѣнъ его.

Гриша, прійдя съ своей тесемочной или ленточной мѣркой, безъ труда смѣрилъ окружность вала на который заматывалась веревка, поддерживающая ведро, и затѣмъ длину колѣна рукоятки, послѣ этого, онъ начертилъ на землѣ кругъ, съ помощью той же мѣрки привязанной къ кусочку дерева, и, такимъ образомъ, онъ получилъ величину пространства, проходимаго рукояткою при каждомъ оборотѣ.

Потомъ, послѣ долгаго размышленія, онъ нашелъ во сколько разъ, кругъ описываемый рукоятью, при обращеніи ея, былъ больше круга описываемаго валомъ; и, такимъ образомъ, онъ наконецъ узналъ въ точности, на сколько легче человѣку поднять воду съ помощью колеса, чѣмъ безъ него, или во сколько разъ ведро съ водою дѣлается легче. Когда маленькій механикъ, окончилъ этотъ опытъ, силы его были совершенно истощены. Никогда еще въ жизни не приходилось ему такъ много думать, и теперь, когда его возбужденное состояніе прошло, и онъ разрѣшилъ загадку, которая такъ занимала его, онъ почувствовалъ себя такимъ усталымъ, какъ будто онъ прошелъ съ своимъ отцемъ на ярмарку въ городъ и назадъ.

Незамѣтно мальчикъ заснулъ около круга, который онъ начертилъ на землѣ; безсонная ночь проведенная имъ и умственная работа, которой онъ былъ занятъ все утро, совершенно обезсилили его; онъ уснулъ такъ сладко, что мы не рѣшились бы его тревожить.

Но старый Арапка, вернувшійся на выгонъ, гдѣ онъ часто бродилъ за стадомъ съ пастухомъ, почуялъ своего молодаго хозяина, распростертаго во весь ростъ на землѣ, и началъ, по своему обыкновенію, тереть свой носъ о щеки мальчика.

Гриша проснулся и увидѣвъ своего любимца около себя улыбнулся.

«Какъ, Арапка, это ты? Ты ли это, старый мошенникъ? Ужъ ты всегда меня разыщешь, всегда?» сказалъ онъ, вскочивъ на ноги и шаловливо треся собаку за голову; находясь еще подъ впечатлѣніемъ сдѣланныхъ имъ открытій, Гриша прибавилъ: «А, Арапка, ты и не воображаешь, какія я сдѣлалъ открытія; я бы желалъ, чтобы я могъ тебѣ все разсказать, старый товарищъ, потому, что тогда ты былъ бы также счастливъ, какъ я—я это знаю. Я открылъ способъ посредствомъ котораго ты можешь сдвинуть какую угодно тяжесть безъ малѣйшаго утомленія. Я тебѣ скажу, что я намѣренъ сдѣлать, старый товарищъ, когда я выросту и буду имѣть свои деньги, которыя я самъ пріобрѣту. Я намѣреваюсь сдѣлать большую мельницу и заставить тебя вертѣть ее; но бревно будетъ такъ длинно, что, ты будешь въ состояніи возить его вокругъ, почти не замѣчая этого. Тогда я буду богатъ; и тогда ты, дружище, будешь толстый-претолстый такой-же какъ болонка сосѣдней мызы. И мои карманы будутъ всегда наполнены кусками хлѣба и сахара для тебя, старый красавчикъ. А кто изорвалъ мое воскресное платье, въ послѣднее Рождество, пробуя достать сахаръ въ моемъ карманѣ? ты злая, старая скотина, ты». И мальчикъ ласкалъ своего любимца, въ тоже время упрекая его.

Идя медленно внизъ по выгону и разсказывая ему про множество прекрасныхъ вещей, которыя онъ хотѣлъ сдѣлать, когда онъ выдумаетъ эту самую большую машину, онъ услышалъ стукъ водяной мельницы ткача, бывшей внизу въ деревнѣ, и это родило въ его умѣ новый рядъ мыслей.

— «Много и много разъ прислонялся я къ этому маленькому мостику», пробормоталъ онъ въ то время, какъ воспоминанія роились въ его головѣ, «и видѣлъ, какъ вода стремилась внизъ по шлюзу съ плотины, обращаясь въ пѣну. Часто наблюдалъ я за тѣмъ, какъ большое, черное, блестящее колесо вертѣлось, между тѣмъ какъ промежутки между ступенями наполнялись одинъ за другимъ водой, которая спадая со ступеней блестѣла на солнцѣ тысячью цвѣтовъ—подобно хрустальнымъ висулькамъ на подсвѣчникѣ помѣщика. Рѣка внизу походила на мыльную пѣну похожую на падающій снѣгъ. О! я думаю, что это самый хоро-

шенькій видъ во всемъ свѣтѣ! воскликнулъ онъ. Я лежалъ по цѣлымъ часамъ на мосту и смотрѣлъ на маленькій водопадъ, вода котораго текла чрезъ плотину въ видѣ стеклянной полосы; на плакучую иву растущую на одной сторонѣ скалы, какъ ея тонкія вѣтви погружались въ воду и зеленое отраженіе ея виднѣлось внизу въ лужѣ. Я много разъ сидѣлъ и наблюдалъ за всѣмъ этимъ, и когда я слышалъ шумъ колесъ внутри мельницы, смѣшанный съ журчаніемъ водопада, я всегда удивлялся тому, что нѣсколько ведеръ воды могли имѣть такую силу. Но теперь, это для меня также ясно, какъ день. Поднять ведро воды для меня слишкомъ тяжело. Какова же должна быть сила десяти или двѣнадцати постояннно работающихъ ведеръ воды, напирающихъ на край колеса, которое также высоко, какъ наша хижина? Ему должно быть все возможно. Оно могло бы вырывать дубы также легко, какъ я могу вытащить тростникъ изъ болота.»

— «Я все это понимаю—я все понимаю! прибавилъ онъ; теперь я пойду домой, но я не скажу ни слова никому про свои открытія, пока я не запишу всего и тогда я покажу все отцу. Я желалъ бы знать, что онъ скажетъ, когда увидитъ мое сочиненіе—найдетъ ли онъ, что я также уменъ, какъ онъ былъ въ мои лѣта? Я слышалъ, какъ онъ говорилъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать самъ свои бумажные змѣи и разныя другія вещи. Если онъ будетъ очень доволенъ, то я попрошу его научить меня точить, и тогда я могу дѣлать множество колесъ и попробую сдѣлать для себя много разныхъ машинъ. О, да, я увѣренъ, что онъ это сдѣлаетъ, если я попрошу, потому что онъ такъ добръ къ намъ, да, очень добръ къ намъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ наша бѣдная мать умерла. Онъ не такой, какъ отецъ кузнеца, Василій Степановъ, который всегда приходитъ домой ночью пьяный и бьетъ своего сына, такъ, что по всей деревнѣ слышны его крики.»

«Нѣтъ, отецъ совершенно другой! Когда онъ приходитъ съ работы, онъ учитъ насъ, потому что, какъ онъ говоритъ, онъ далъ бы все, если бы имѣлъ кого нибудь, кто могъ его учить, въ его молодости. Я бы желалъ знать, будетъ ли онъ также радъ на этотъ разъ, какъ тогда, когда онъ узналъ, что я самъ выучился читать. Онъ говорилъ, что я слишкомъ молодъ и что совершенно безполезно надоѣдать мнѣ такими вещами прежде

времени—ха! ха! ха! но я бѣгалъ къ старому дьячку и просилъ его научить меня азбукѣ. О, да; я желалъ бы знать, будетъ ли отецъ также доволенъ теперь, какъ былъ тогда?»

Рано, на другой день, Гриша былъ занятъ приготовленіемъ къ выполненію своего плана. Сломавъ свою маленькую глиняную копилку, въ которой онъ сберегалъ свои деньги, онъ вынулъ оттуда новый пятиалтынный, данный ему помѣщикомъ, когда онъ снесъ къ нему въ домъ пуделя, игрушку его сына, починенную отцомъ. На эти деньги и еще на три копѣйки подаренныя ему когда то отцомъ, мальчикъ купилъ тетрадь и новое перо въ деревенской лавочкѣ, въ которой были и свѣчи, и мелочной товаръ, и желѣзный товаръ, и письменныя принадлежности, однимъ словомъ все въ чемъ нуждалось окрестное населеніе.

Послѣ этого, онъ заперся въ своей маленькой комнатѣ и началъ писать отчетъ (на свой собственный ребячій ладъ) многихъ опытовъ сдѣланныхъ имъ; для большей ясности онъ нарисовалъ грубыми чертами рычагъ, колесо и валъ, указывая направленіе силы въ каждомъ механическомъ инструментѣ.

Эта работа заняла нѣсколько дней у мальчика и много опытовъ пришлось ему сдѣлать, чтобы усовершенствовать свое описаніе. Но когда онъ его кончилъ, оно было, быть можетъ, величайшимъ чудомъ когда либо выработаннымъ дѣтскимъ геніемъ, хотя Гриша самъ этого не зналъ.

Но все же, какъ мальчикъ ни былъ восхищенъ своимъ маленькимъ сочиненіемъ, онъ боялся показать его отцу и откладывалъ день за день, хотя онъ и намѣревался каждое утро показать вечеромъ, послѣ окончанія его работы.

Наконецъ, однажды вечеромъ, когда Гриша сидѣлъ, вертя тетрадку въ рукахъ, отецъ его, замѣтивъ тревожное состояніе мальчика, хотѣлъ узнать, что онъ тамъ мнетъ въ рукахъ.

Гриша не умѣлъ хитрить, это было не въ его натурѣ, и потому онъ сказалъ ему, что это была только маленькая книжка, которую онъ написалъ и бросился къ отцу на шею, обвивъ ее руками; взволнованный мальчикъ спряталъ голову и, цѣлуя отца, признался ему, что онъ желалъ, чтобы папа просмотрѣлъ тетрадку, но не хотѣлъ тревожить его.

Отецъ, въ свою очередь, обнялъ своего сына и Гриша съ большею довѣренностію положилъ свертокъ бумаги въ руку своего отца.

— «Хмъ!» воскликнулъ добрый старикъ, почти смѣясь отъ гордости, въ то время, какъ онъ пробѣгалъ страницы и разсматривалъ почеркъ въ малѣйшихъ подробностяхъ, приговаривая— «да, Гриша, это очень мило написано для тебя, въ самомъ дѣлѣ! Буквы довольно красивы, и если ты только потрудишься, у тебя скоро будетъ хорошій почеркъ».

— «Но—я... я... но я желалъ, чтобы ты просмотрѣлъ не почеркъ, папа,» произнесъ, заикаясь сконфуженный мальчикъ; «я.... я....я хотѣлъ, чтобы ты прочиталъ то, что написано.»

— «О,» сказалъ отецъ, «я вижу, это все написано про рычаги и механическія силы, но я усталъ теперь, милый Гриша, я просмотрю это въ другой разъ. Съ какой книги списалъ ты это?»

Гриша покраснѣлъ до ушей,—«я не списалъ это ни изъ какой книги, папа,» отвѣчалъ мальчикъ, «я написалъ все это изъ моей головы.»

Иванъ Егоровъ выпрямился на своемъ стулѣ, и смотря сурово въ лицо своего мальчика, онъ сказалъ:—«Григорій! ты еще никогда не обманывалъ меня!»

Маленькій мальчикъ потерялъ весь страхъ въ одну минуту, и оскорбленный подозрѣніемъ отца, онъ, въ свою очередь, гордо посмотрѣлъ на него, говоря—«и теперь я не лгу!»

Храбрость мальчика, однако, продолжалась съ минуту, и бѣдный Гриша залился слезами, спрятавъ голову на плечо отца— «О, папа, добрый папа! ты говорилъ мнѣ, что я не долженъ сомнѣваться въ твоихъ словахъ, а почему же ты сомнѣваешься въ моихъ? Ты никогда не дѣлалъ этого прежде!» и маленькій мальчикъ громко рыдалъ.

Старикъ прижалъ мальчика къ своей груди, и лаская его, нѣжно проговорилъ «я былъ не правъ, мой мальчикъ, я былъ не правъ! Но, теперь, вытри глаза и скажи мнѣ о чемъ тутъ написано.»

Тогда Гриша разсказалъ отцу, какъ его слова: *если бы бревно было только довольно длинно*», такъ овладѣли его умомъ, что онъ не могъ быть покоенъ, пока не открылъ почему бо́льшая длина бревна могла дать бо́льшую силу.

Къ безконечной радости мальчика, отецъ его, когда разсказъ былъ оконченъ, не смотря на то, что онъ усталъ (Гриша это зналъ) открылъ тетрадь и прочелъ каждую страницу сверху до низу. Гри-

ша во все это время не спускалъ глазъ съ добраго старика и наблюдалъ за каждой улыбкой и одобрительнымъ кивкомъ головы, между тѣмъ кровь волновалась его въ жилахъ.

— «Очень хорошо, Гриша! очень хорошо написано, право! воскликнулъ отецъ треня его по головѣ, когда онъ кончилъ свое чтеніе; и это было бы удивительнымъ открытіемъ, если бы никто не сдѣлалъ его прежде тебя».

— «Сдѣлалъ прежде меня!» повторилъ Гриша, слова эти поразили его подобно выстрѣлу.

— «Да, мальчикъ! если сходишь въ сосѣднее село къ учителю и попросишь у него позволенія просмотрѣть его большую книгу, которую я имѣлъ обыкновеніе читать, ты найдешь тамъ все это напечатаннымъ и еще гораздо больше этого».

Какъ скоро слова эти были произнесены его отцемъ, и Гриша узналъ что не онъ первый, какъ онъ себѣ воображалъ, сдѣлалъ всѣ эти открытія, онъ опустился на стулъ, почти убитый нравственно.

(Продолженіе будетъ).

СОЛНЦЕ.

Какъ далеко до солнца? и какъ велико оно?

Днемъ не видно звѣздъ; а почему не видно? потому что яркій свѣтъ солнца омрачаетъ ихъ, дѣлаетъ невидимыми. Но если днемъ запереть въ комнатѣ двери и закрыть окна такъ, чтобы непроходилъ въ нее ни одинъ лучъ дня, а была бы темнота совершенная, да изъ этой темной комнаты продѣлать малѣйшую дырочку, сквозь которую, приложивъ къ ней глазъ, можно было бы видѣть небо; то сквозь такую дырочку можно и въ ясный полдень видѣть на небѣ звѣзды какъ ночью.

Древнѣйшія государства находились въ теплыхъ странахъ, гдѣ солнце свѣтитъ и ярко, и жарко; люди жили въ домахъ и землянкахъ, которые устроивались такъ, чтобы въ нихъ было защитно отъ зноя дневнаго; а стеколъ въ то время никто не зналъ и дома часто строились безъ оконъ. Вотъ изъ такихъ-то домовъ въ какую нибудь малѣйшую щелочку и не трудно было замѣтить, что видимое небо бываетъ и днемъ также усѣяно звѣздами, какъ и ночью; мы же этихъ звѣздъ обыкновенно не видимъ потому только, что яркій свѣтъ дневнаго свѣтила омрачаетъ ихъ.

Долго люди должны были внимательно наблюдать небо, чтобы замѣтить тотъ порядокъ, въ какомъ свѣтила небесныя являются на видимомъ небѣ. Такимъ наблюдателямъ стало ясно и несомнѣнно, что большая часть свѣтилъ небесныхъ постоянно остаются каждое на своемъ мѣстѣ, а только немногія какъ будто бродятъ по небу, за что и названы «бродягами», а по гречески *планетами*. Въ древности планетами назывались: солнце,

луна и пять звѣздъ, постоянно перемѣняющихъ свое мѣсто въ небѣ; эти пять звѣздъ названы такъ: Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ.

Въ древности считали семь планетъ, и потому принято было дѣлить время на седьмицы и называть ихъ по именамъ этихъ планетъ. Одинъ день назывался днемъ солнца—dies Solis, Sonntag; первый за нимъ—понедѣльникъ—днемъ луны—dies Lun, Lundi, Montag; вторый за нимъ—вторникъ—днемъ Марса—mardi, Dinstag (Odinstag), dies martis; третій—середа—днемъ Меркурія—mercredi, dies Mercurii; четвертый—четвергъ—днемъ Юпитера, dies Jovis, Jeudi, Donnerstag; пятый—пятница—днемъ Венеры, dies Veneris, Vendredi, Freitag; шестый—суббота—днемъ Сатурна, dies Saturni, Saturday, Samedi, Samstag.

Всѣ прочія видимыя свѣтила небесныя названы *неподвижными звѣздами*; до новѣйшихъ временъ они и считались неподвижными, потому что находятся въ такомъ отдаленіи отъ насъ, что намъ, людямъ, очень трудно было замѣтить ихъ собственное движеніе. Теперь уже мы знаемъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего неподвижнаго: опредѣлены направленія и скорости движеній многихъ звѣздъ, изъ числа называвшихся прежде неподвижными. Каждая такая звѣзда служитъ солнцемъ для своего міра.

Уже древніе «звѣздочеты» (по гречески «астрономы») составляли чертежъ звѣзднаго неба и въ немъ распредѣляли звѣзды по такъ называемымъ *созвѣздіямъ*. Черезъ двѣнадцать такихъ созвѣздій проводили черту, указывающую годовой видимый путь солнца по звѣздному небу. Эту черту назвали *эклиптикой*, что значитъ «помрачительницей», потому что тутъ звѣзды однѣ за другими, каждая въ свою очередь, въ опредѣленную пору года померкаютъ передъ солнцемъ, какъ бы помрачаются имъ.

Видимый путь солнца по звѣздному небу былъ опредѣленъ людьми за долго до Рождества Христова, быть можетъ за долго и до Моисея; но узнать истинную отдаленность земли отъ солнца было не легко, древность незнала этого и немогла знать! Только теперь, когда науки развились и ученые пользуются хорошими инструментами, только теперь стало возможно измѣрить и узнать съ большою точностію разстояніе отъ земли до солнца. Первое такое опредѣленіе сдѣлано съ небольшимъ за триста лѣтъ до нашего времени. Съ тѣхъ поръ это первона-

чальное опредѣленіе мало по малу улучшалось трудами многихъ ученыхъ и теперь мы положительно знаемъ, что *среднее разстояніе* отъ земли до солнца составляетъ около ста сорока милліоновъ верстъ = 140,400,000.

Земля въ своемъ годовомъ облетѣ кругомъ солнца бываетъ то ближе къ нему, то дальше. Ближе всего она бываетъ именно 10-го (21-го) декабря, что называется: находится въ *перигеліи:* тогда между землею и солнцемъ—сто тридцать восемъ съ четвертью милліоновъ верстъ. Въ дальнѣйшемъ разстояніи отъ солнца, что называется въ своемъ *афеліи* (правильнѣе было бы произносить *апогеліи*), земля бываетъ каждый годъ 10-го іюня (1-го іюля) и тогда разстояніе между землею и солнцемъ—слишкомъ сто сорокъ три милліона верстъ.

Вы, мои молодые читатели, теперь еще не въ силахъ сами провѣрить это измѣреніе. Довольно, если вы ясно поймете и представите себѣ такое огромное разстояніе; а чтобы облегчить вамъ это—попрошу васъ внимательнѣе читать далѣе.

Вы уже знаете *) изъ статьи «Часъ и Градусъ», что поперечникъ земнаго шара содержитъ въ себѣ двѣнадцать тысячъ (12,000) верстъ; недавно **) вы узнали, что отъ земли до луны разстояніе въ тридцать разъ больше (до 362,600 верстъ); теперь запомните, что отъ земли до солнца въ 384 или почти въ четыреста разъ далѣе, нежели до луны, слѣдовательно отъ земли до солнца разстояніе равное почти двѣнадцати тысячамъ земныхъ поперечниковъ, или круглымъ числомъ сто сорокъ милліоновъ верстъ. Чтобы проѣхать такое разстояніе, ѣдучи безостановочно все со скоростію по 40 верстъ въ часъ, нужно бы ѣхать не менѣе четырехсотъ лѣтъ.

Вотъ какъ далеко отъ земли до солнца! А все же оно представляется намъ кружкомъ иногда меньшимъ, чаще немного только большимъ, нежели луна: средняя кажущаяся величина солнца—тридцать двѣ минуты, одна и четыре пятыхъ секунды градуса мѣрительнаго круга; наибольшая—слишкомъ тридцать двѣ минуты съ половиной, наименьшая—тридцать одна минута и десять секундъ. На дугѣ небеснаго круга отъ горизонта до зенита помѣстилось бы сто шестьдесятъ шесть такихъ круж-

*) Семья и Школа № 1.
**) Семья и Школа № 5.

ковъ, какимъ представляется солнце въ концѣ декабря, сто семдесятъ шесть такихъ, какимъ оно видно съ земли въ концѣ іюня, или сто семдесятъ одинъ такихъ, какъ средняя величина солнца, усматриваемая съ земли въ мартѣ, когда начинается астрономическій годъ, и въ сентябрѣ, когда начинали годы по старинному допетровскому лѣтосчисленію.

Земля, носясь кругомъ солнца, бываетъ то ближе къ нему, то дальше отъ него; отъ того солнце и кажется намъ то большимъ, то меньшимъ; какъ же оно велико въ дѣйствительности, когда представляется намъ такимъ большимъ, не смотря на огромное разстояніе между имъ и нами?

Астрономы измѣрили и теперь заподлинно извѣстно, что поперечникъ солнца длиною 1,300,000—одинъ милліонъ триста тысячъ верстъ; это во сто восемь разъ (108) длиннѣе поперечника земнаго шара. Чтобы объѣхать солнце по его экватору нужно было бы безостановочно ѣхать двѣнадцать лѣтъ со скоростію по сорока верстъ въ каждый часъ времени.

Какъ велика квадратная поверхность солнца? Въ одинадцать тысячъ шестьсотъ шестьдесятъ шесть (11,666) разъ болѣе всей поверхности земнаго шара, слѣдовательно слишкомъ сто восемь билліоновъ квадратныхъ географическихъ миль: 108,032,993,000 квад. м. Это для насъ такое непривычное, необыкновенное число! Гораздо явственнѣе будетъ представляться вамъ величина солнца сравнительно съ землею, если вы сдѣлаете вотъ что:

Возьмите кружокъ величиною въ двѣ копѣйки новаго чекана, т. е. ровно въ одинъ дюймъ поперечникомъ; этотъ кружокъ будетъ у насъ представлять земной шаръ—всю нашу планету землю.

Сдѣлайте другой кружокъ поперечникомъ во сто восемь дюймовъ, т. е. ровно девять футовъ. Этотъ кружокъ будетъ у насъ представлять солнце. Посмотрите какъ малъ дюймовый кружокъ сравнительно съ тѣмъ, котораго девяти-футовой поперечникъ во сто восемь разъ болѣе! Поверхность меньшаго въ три четверти квадратнаго дюйма, а поверхность большаго въ 11,664 разъ болѣе—$63^{9}/_{14}$ квадратныхъ футовъ, или одинадцать и четыре пятыхъ квадратныхъ аршинъ—$11^{4}/_{5}$ □ арш.—Такъ мала земля сравнительно съ солнцемъ! *).

*) Можно хоть на стѣнѣ начертить круги солнца и земли—по даннымъ здѣсь размѣрамъ: уже и такой чертежъ будетъ для многихъ вразумителенъ.

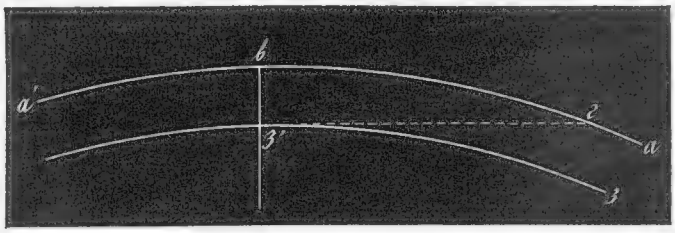
Возьмите нитку длиною въ тридцать дюймовъ; или въ аршинъ съ вершкомъ; прикрѣпите одинъ конецъ этой нитки къ тому кружочку дюймаго поперечника, а другой къ кружочку еще почти въ трое меньшему поперечникомъ—въ родѣ маленькихъ пуговочекъ при манишкахъ; этотъ малѣйшій кружочекъ будетъ намъ представлять луну—въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ кругъ сто восьми дюймаго діаметра, т. е. почти двѣнадцати аршинной поверхности представляетъ собою *дискъ* (т. е. кружокъ) солнца. Помѣстите на этомъ дискѣ оба кружочка, представляющіе у васъ луну и землю, на разстояніи тридцати дюймовъ одинъ отъ другаго—и увидите—какъ, въ отношеніи къ солнцу, мало даже такое разстояніе, какое отдѣляетъ луну отъ земли.

Отъ земли до солнца почти въ четыреста разъ далѣе, нежели до луны. И на этомъ пространствѣ такой кружокъ какъ солнце помѣстился бы не болѣе ста восьми разъ. — $\left(\frac{140,400,000}{1,300,000} = 108\right)$. *).

Нашъ большой кругъ—108-ми дюймоваго поперечника, т. е. почти двѣнадцати аршинной поверхности, устроенъ такъ, чтобы возможно было поставить его, гдѣ угодно. Выберемъ такое мѣсто—на какой нибудь возвышенности, гдѣ бы на этотъ кругъ удобно было смотрѣть издали и видѣть его возлѣ луны или солнца. Если, отошедши отъ этого круга почти на 411 аршинъ или почти на 139 саженей, помѣрять его посредствомъ астролябіи, то и онъ, подобно солнцу, покажется немногимъ болѣе половины градуса.

При такомъ наглядномъ сравненіи не должно забывать двухъ обстоятельствъ, а именно: 1) и солнце, и луна кажутся большими, находясь у горизонта и меньшими повыше въ небѣ; это происходитъ единственно отъ свойствъ нашей атмосферы. Воздухъ жидкость, чѣмъ больше толщина прозрачной жидкости, черезъ которую виденъ предметъ, тѣмъ большимъ онъ кажется; а на сколько толщина атмосферы болѣе въ горизонтальномъ направленіи, нежели въ вертикальномъ, о томъ легко заключить изъ прилагаемаго чертежа. На немъ *zз* представляетъ дугу поверхно-

*) *Прим.* 108=девять дюжинъ; поперечникъ солнца во сто восемъ разъ болѣе земли и помѣщается сто восемь разъ на пространствѣ между солнцемъ и землею.



сти земнаго шара; *аа* — верхнюю сторону атмосферы; *3в* толщину атмосферы по вертикальному направленію, т. е. прямо вверхъ, *3г* — толщину той же атмосферы по горизонтальному направленію, т. е. вдоль земной поверхности, вдоль уровня воды. Очевидно, что *3г* гораздо болѣе, нежели *3в*; 2) По свойству нашего зрѣнія — свѣтлые предметы вдали кажутся большими, нежели темные; это увеличеніе особенно сильно для близорукихъ, но не свободны отъ него, хотя въ меньшей степени, дальнозоркіе. Въ слѣдствіе этихъ обоихъ обстоятельствъ и солнце, и луна должны представляться намъ большими, нежели нашъ кружокъ сто восьми дюймоваго поперечника, отставленный на сто тридцать девять саженей. Чтобы онъ казался такимъ же, нужно подойти къ нему поближе, а насколько? смотря по глазамъ наблюдателя.

И еще одно важное *примѣчаніе*. На солнце прямо смотрѣть нельзя—глазамъ больно; а можно смотрѣть на солнце черезъ закопченое стекло.

Чтобы съ большою точностью измѣрить разстояніе между землею и солнцемъ и слѣдовательно знать не только кажущуюся, но и дѣйствительную величину солнца,—пользуются для того различными способами, но изъ нихъ самый надежный представляетъ прохожденіе планеты Венеры между землею и солнцемъ, притомъ такое, чтобы съ земли казалось будто темный кружокъ планеты Венеры проходитъ по свѣтлому диску солнца. Такое прохожденіе бываетъ въ каждое столѣтіе два раза и притомъ всегда—или въ іюлѣ, или въ декабрѣ мѣсяцѣ, по новому календарному стилю. Въ прошломъ восемнадцатомъ столѣтіи оба такія прохожденія Венеры были въ іюлѣ—одно въ 1761 г., другое въ 1769 году. Въ текущемъ девятнадцатомъ столѣтіи такія прохожденія будутъ: 8-го декабря (26-го ноября) 1874 г. и 6-го декабря 1882 года. Астрономы теперь уже готовятся наблюдать эти прохожденія—съ полною увѣренностію, что тогда возможно будетъ гораздо точнѣе нынѣшняго опредѣлить и дѣйствительную величину солнца и разстояніе между солнцемъ и землею.

2) Солнце—властелинъ своего міра.

Современникъ нашего Петра Великаго англійскій ученый, профессоръ университета Исаакъ *Ньютонъ* (Newton) объяснилъ всемірный законъ *тяготѣнія* *). Всякая матерія притягиваетъ къ себѣ другую. *Сила* этого *взаимнаго притяженія соразмѣрна массамъ*, т. е. количествамъ матеріи и *обратно пропорціональна* (соразмѣрна) *квадратамъ разстояній*, т. е. одна и таже масса притягиваетъ въ четверо сильнѣе на разстояніи вдвое ближайшемъ и въ четверо слабѣе на разстояніи вдвое дальнѣйшемъ. На разстояніи втрое большемъ, притягательная сила въ девятеро слабѣе и т. д. $4^2 = 16$; $5^2 = 25$ и пр.

На основаніи этого вѣчнаго и повсемѣстнаго міроваго закона, понятаго и объясненнаго Ньютономъ, нѣмецкій ученый, тоже математикъ и профессоръ университета, *Кеплеръ*, изъяснилъ законы, которымъ слѣдуютъ планеты и кометы въ своихъ движеніяхъ кругомъ солнца. Въ силу этихъ законовъ—чѣмъ ближе планета къ солнцу, тѣмъ быстрѣе движется она, а чѣмъ дальше, тѣмъ медленнѣе. И земля, въ теченіе года облетая кругомъ солнца, движется быстрѣе въ декабрѣ, когда она ближе къ солнцу и медленнѣе въ іюнѣ, когда она далѣе отъ него. Средняя скорость движенія земли вокругъ солнца составляетъ по двадцати восьми верстъ въ одну секунду времени. Ближайшая къ солнцу планета Меркурій движется кругомъ солнца со скоростію сорока пяти верстъ въ одну секунду времени; а наиболѣе удаленная планета Нептунъ со скоростію пяти верстъ въ одну секунду времени.

Эта скорость движеній зависитъ только отъ притягательной силы солнца, да отъ разстоянія, на какомъ притягиваемый предметъ находится отъ солнца. По ночамъ иногда, каждый годъ въ одни и тѣ же мѣсяцы и числа, бываютъ видны такъ назы-

*) Солнце—такой обширный предметъ для изученія, что въ журнальной статьѣ невозможно обнять его вполнѣ; поэтому ограничимся однимъ существеннѣйшимъ. При изложеніи будемъ пользоваться прекраснымъ сочиненіемъ *о Солнцѣ*, которое англійскій ученый Ричардъ *Проктеръ* издалъ въ нынѣшнемъ 1871 г. въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ: *The Sun—by Proctor*. Заимствуемъ изъ этого сочиненія прилагаемые рисунки и чертежи, а также и нѣкоторыя подробности изложенія.

ваемыя *падающія звѣзды*. Это—груды желѣзистыхъ камней, иногда по величинѣ не уступающія величайшимъ изъ горъ на землѣ. Такихъ камней находится безчисленное множество. Всѣ они вмѣстѣ составляютъ какъ бы широкій поясъ вокругъ солнца. Земля, въ своемъ годичномъ полетѣ, два раза проносится черезъ этотъ каменный поясъ, и тогда то многіе изъ этихъ камней—цѣлыя тысячи ихъ, приближаясь къ землѣ, разгорячаются и разрываются на части, которыя нерѣдко падаютъ на землю; осколки эти извѣстны подъ именемъ *аэролитовъ*. Вотъ эти аэролиты, находясь отъ солнца почти въ такомъ же разстояніи, какъ и нашъ земной шаръ, носятся кругомъ солнца почти съ такою же скоростію, какъ и земля, т. е. со скоростію двадцати восьми верстъ въ каждую секунду времени.

Луна, какъ вы уже знаете, носится вмѣстѣ съ землею кругомъ солнца, разумѣется, съ такою же среднею скоростію, какъ и земля; но въ тоже время она облетаетъ и кругомъ земли. Это движеніе луны кругомъ земли зависитъ отъ притягательной силы земнаго шара; и это даетъ намъ возможность сравнивать притягательную силу нашей планеты земли съ притягательною силою солнца. Луна почти въ четыреста разъ — точнѣе — въ триста восемдесятъ четыре раза—ближе къ землѣ, нежели къ солнцу; а пролетаетъ она въ каждую секунду времени: кругомъ земли—почти по одной верстѣ—въ среднемъ разстояніи отъ земли по 478 саженей, дальше отъ земли менѣе, ближе къ землѣ болѣе; и въ тоже время кругомъ солнца луна, вмѣстѣ съ землею, пролетаетъ по двадцати восьми верстъ—въ каждую секунду времени. Слѣдовательно—луна кругомъ солнца движется слишкомъ въ двадцать восемь, почти въ двадцать девять разъ быстрѣе, нежели кругомъ земли.

Если то число, во сколько разъ луна вмѣстѣ съ землею кругомъ солнца летитъ быстрѣе, нежели она же кругомъ земли, помножить само на себя, что̀ называется взять въ квадратѣ, да помножить это произведеніе (этотъ квадратъ) на то число во сколько разъ отъ земли далѣе до солнца, нежели до луны, то въ произведеніи получится—во сколько разовъ солнце притягиваетъ къ себѣ сильнѣе, нежели земля. Луна летитъ кругомъ солнца въ $28^2/_3$ разъ быстрѣе, нежели кругомъ земли и от-

стоитъ отъ солнца въ триста восемдесятъ четыре раза далѣе, нежели отъ земли.

$$384 \times 28^2/_3 \times 28^2/_3 = 315.000.$$

Это же отношеніе съ большею точностью опредѣляется математически такъ: притягательная сила солнца на столько болѣе притягательной силы земли, на сколько разстояніе отъ земли до солнца, раздѣленное на годъ времени, болѣе нежели разстояніе отъ земли до луны, раздѣленное на время, употребляемое луною для облета кругомъ земли. Тѣ числа, изъ которыхъ состоитъ эта задача уже сами по себѣ очень велики, да притомъ еще слѣдуетъ брать разстояніе въ кубѣ, т. е. каждое число два раза помноживъ само на себя, а времена въ квадратѣ, т. е каждое число помноживъ само на себя.

$$\frac{138.240.000^{\ 3}}{365^1/_4{}^{\ 2}} : \frac{360.000^{\ 3}}{27^1/_3{}^{\ 2}} = 315.000.$$

Эта задача можетъ быть значительно упрощена, если мы назовемъ единицею разстояніе отъ земли до луны; тогда задача выразится такъ:

$$\frac{384^{\ 3}}{365^1/_4{}^{\ 2}} : \frac{1^{\ 3}}{27^1/_3{}^{\ 2}} = 315.000.$$

Окончательный выводъ: *масса солнца въ триста пятнадцать тысячъ разъ болѣе, нежели масса земли.* Это значитъ, что солнце вѣситъ въ 315,000 разъ болѣе земли, или: на одинаковомъ разстояніи солнце притягиваетъ къ себѣ въ 315,000 разъ сильнѣе, нежели земля.

Силу, потребную для того, чтобы поднять что нибудь, измѣряютъ вѣсомъ; такъ напр. для того, чтобъ на чашкѣ вѣсовъ приподнять кусокъ чего нибудь, кладутъ на другую чашку гирю и если эта гиря вѣситъ фунтъ, когда обѣ чашки въ равновѣсіи, то говорится, что тотъ взвѣшиваемый предметъ вѣситъ одинъ фунтъ. Вмѣсто гирь можно употреблять пружину, какъ и дѣлается иногда; если взять такую пружину, которая способна подымать одинъ фунтъ, то и эта пружина подыметъ одинъ фунтъ тяжести точно также, какъ и фунтовая гирька. Но если этотъ же предметъ да подымать на поверхности солнца, то потребовалась бы сила въ триста пятнадцать тысячъ разъ большая!

Притягательная сила на солнцѣ дѣлаетъ тоже, что и на

землѣ, и вездѣ во вселенной: она держитъ вмѣстѣ, въ видѣ шара, сплюснутаго у полюсовъ, всѣ тѣ вещества, изъ которыхъ состоитъ солнце, не даетъ имъ разлетаться: если бы не было притягательной силы, то и земля отъ одного своего вращенія на оси давно бы разлетѣлась въ пространствѣ, да тоже самое было бы и съ солнцемъ.

Основное условіе всякаго существованія заключается въ равновѣсіи между силами притягательною и разбрасывающею (центробѣжною). Когда такое равновѣсіе нарушено, тогда нѣтъ болѣе и жизни! На солнцѣ нашемъ, также какъ и на землѣ, притягательною силою уравновѣшивается разбрасывающая; значитъ—солнце по своему живетъ. На какой степени развитія находится теперь жизнь солнца мы, земные люди, теперь уже можемъ знать и знаемъ; я надѣюсь поразсказать вамъ про это и думаю, что вамъ будетъ занимательно узнать про нынѣшнюю жизнь солнца, нѣсколько подобную той, какая была и на землѣ въ тѣ давно минувшія времена, когда еще на землѣ не было ни людей, ни животныхъ, ни растеній, ни даже воды,—когда земля повиновалась только первому слову Создателя «да будетъ свѣтъ»! когда второе слово еще ей не было сказано, пока не настала на то пора.

Зная притягательную силу міроваго тѣла (а таково между прочимъ и солнце) и его объемъ, возможно вычислить его *плотность* и выразить ее подобно тому, какъ выражается *удѣльный вѣсъ* предметовъ на землѣ *).

Изъ прежней главы уже вы знаете, что поперечникъ солнца во сто восемь разъ болѣе земнаго и, что слѣдовательно, поверхность солнца болѣе земной на квадратъ сто восьми (108×108), а вся толща или масса болѣе земной на кубъ сто восьми ($108 \times 108 \times 108$).

Теперь мы знаемъ, что солнце притягиваетъ къ себѣ, и слѣдовательно—вѣситъ въ 315,000 разъ болѣе земли; изъ этого слѣ-

*) Удѣльный вѣсъ напр. тянутаго желѣза полагается въ $7^3/_4$, или $7{,}_{75}$; это значитъ: желѣзо въ $7^3/_4$ разъ плотнѣе чистой воды, или—въ одномъ объемѣ съ водою взвѣситъ въ $7^3/_4$ разъ болѣе воды, или — нужно $7^3/_4$ объемовъ воды, чтобы получить вѣсъ равный одному такому же объему желѣза. *Удѣльный* вѣсъ значитъ *сравнительный*. Земные предметы по удѣльному вѣсу сравниваются съ чистою водою.

дуетъ, что плотность солнца въ четверо менѣе, нежели земли: если бы солнце было также плотно какъ земля, то при своемъ нынѣшнемъ размѣрѣ оно притягивало бы въ четверо сильнѣе, то есть въ 1,260,000 разъ сильнѣе земли.

Удѣльный вѣсъ солнца немногимъ болѣе удѣльнаго вѣса морской воды, сходенъ съ удѣльнымъ вѣсомъ бураго каменнаго угля, или чернаго американскаго дерева. Плотность земнаго шара въ его цѣлости составляетъ $5^1/_2$; а $5{,}_5 : 4 = 1^1/_3$, т. е. плотность солнца $1^1/_3$.

Если бы солнце своею плотностью не уступало землѣ, т. е. если бы оно вѣсило въ четверо болѣе и значитъ притягивало бы къ себѣ въ четверо сильнѣе, а земля находилась бы на такомъ же разстояніи отъ солнца, какъ и теперь, то пришлось бы ей одно изъ двухъ: или совершать свой годовой облетъ кругомъ солнца несравненно быстрѣе нынѣшняго, или упасть на солнце, подобно тому, какъ аэролиты падаютъ иногда на землю.

Если бы наоборотъ — притягательная сила солнца вдругъ сдѣлалась на половину меньшею, то землѣ нашей пришлось бы одно изъ двухъ: или замедлить свой летъ—употреблять вдвое болѣе времени на свой годичный облетъ кругомъ солнца, или разстаться на всегда со своимъ солнцемъ, унестись въ тѣ обширныя холодныя пространства, по которымъ она летитъ и теперь, но неодинокая, а вмѣстѣ со своимъ солнышкомъ, которое и свѣтитъ ей, и грѣетъ, и живитъ.

Но прочно Божіе творенье! Масса солнца не можетъ ни уменьшиться, ни замѣтно увеличиться; а слѣдовательно и земля, и всѣ планеты должны еще въ теченіе долгаго ряда тысячелѣтій также вращаться кругомъ своего солнца, какъ они уже вращались въ теченіе многихъ минувшихъ тысячелѣтій, т. е. неизмѣнно точно такъ же, какъ и теперь.

Ст. Барановскій.

(Продолженіе будетъ).

ЛЮБИМЫЙ БАРАШЕКЪ.

(Къ этому слѣдуетъ крашеная картина).

Здѣсь, на картинкѣ съ овцей и барашкомъ, за этими деревьями вдали стоитъ красивая деревня. Овцы и барашки видные впереди направо, кажутся такими маленькими, потому что они очень далеки отъ насъ; они пасутся на лугахъ этой деревни впереди направо. Двое изъ нихъ, стоящіе поближе къ намъ и барашекъ, шею котораго маленькій мальчикъ Ваня обвилъ своей рукой, находятся на небольшой лужайкѣ, окаймленной невысокимъ валомъ; на этомъ валу сидитъ ребенокъ, кормящій овецъ. Дѣвочка, которая держитъ ребенка и мальчикъ, смотрящій черезъ его плечо, живутъ въ той деревнѣ. Они пришли узнать о здоровьи Ванинаго отца и посмотрѣть на его любимаго барашка. Вы конечно замѣчаете, что Ваня очень тихъ и печаленъ? Это очень понятно, потому что съ отцемъ его случилось несчастье: онъ цѣлыя недѣли не могъ работать и теперь долженъ будетъ продать своихъ двухъ овецъ и Ванинаго любимаго барашка, чтобы внести во время плату за свой участокъ земли. На картинкѣ не видно ни его избы, ни прилегающаго къ ней огорода, вообще ничего кромѣ небольшой лужайки, находящейся позади избы, и гдѣ теперь мы видимъ мальчика, ласкающаго своего любимаго барашка.

Дѣвочка эта служитъ у богатаго крестьянина, но она не много работаетъ, а больше смотритъ за дѣтьми и только кормитъ птицъ на птичьемъ дворѣ, потому что у богатаго крестьянина есть еще и большія, сильныя работницы, которыя жнутъ, коровъ доятъ, моютъ овецъ, стряпаютъ, стираютъ, чистятъ, бьютъ

масло и дѣлаютъ сыръ въ молочной. У этой дѣвочки очень доброе сердце и два мальчика, пришедшіе съ нею черезъ поле, ее очень любятъ; много веселыхъ дѣтскихъ игръ затѣваютъ они вмѣстѣ.

«Такъ отецъ твой еще не можетъ поправиться», говоритъ она Ванѣ, «и онъ продастъ твоего любимаго барашка, чтобы заплатить свой долгъ». «Это мнѣ очень жаль, Ваня; я бы желала быть богатой барыней: тогда бы не продали твоего барашка; но я простая, простая, бѣдная дѣвушка и получаю всего только свой обѣдъ, да два рубля въ мѣсяцъ».

У Вани на глазахъ навернулись слезы, онъ еще крѣпче обнялъ барашка и сказалъ: «Онъ меня гораздо больше любитъ, чѣмъ наша собака, потому что она отъ меня все только бѣгаетъ и лаетъ на все, что ни увидитъ. Онъ-же всюду за мною слѣдуетъ, цалуетъ мнѣ лицо и руки, а когда я притворюсь что хочу убѣжать и спрячусь гдѣ нибудь, онъ всюду ищетъ меня и блѣетъ такъ-же, какъ онъ блѣялъ, когда былъ еще совсѣмъ маленькій и звалъ свою матку. Отецъ сказалъ мнѣ, чтобы я не плакалъ, что онъ надѣется скоро выздоровѣть и, что будущую весну, у меня будетъ другой любимый барашекъ, котораго онъ не продастъ, пока тотъ не выростетъ и не сдѣлается большой, жирной овцой. Но я не могу не плакать и у меня никогда не будетъ барашка, котораго-бы я любилъ какъ этаго; не такъ ли»?

И онъ прижалъ барашка еще ближе къ себѣ и такъ нѣжно посмотрѣлъ на него сказавъ: «не такъ-ли»? что тотъ отвѣчалъ: «Бее—е...», будто желая сказать: «нѣтъ, никогда». Потомъ, барашекъ легъ на траву и положилъ свою хорошенькую головку на руку мальчика.

«Знаешь что, Ваня», сказалъ мальчикъ, стоявшій у дерева за своимъ маленькимъ братомъ, «я дамъ тебѣ однаго изъ моихъ барашковъ, которыхъ отецъ подарилъ мнѣ и позволилъ дѣлать съ ними, что я хочу. Твой отецъ можетъ продать моего барашка, потому что онъ еще больше твоего, а твой любимецъ все таки останется у тебя. Пойдемъ, Паша, помоги мнѣ привесть его сюда и заставить перепрыгнуть черезъ валъ; тогда ты больше не будешъ плакать, не правда-ли, Ваня?

«Нѣтъ», отвѣчалъ Ваня и еще пуще заплакалъ, потому что доброта богатаго крестьянскаго сына почти столько-же тронула

его сердце, сколько и горе, которое онъ почувствовалъ, узнавъ что ему прійдется разстатся съ своимъ любимцемъ. Теперь онъ пришелъ проститься съ нимъ, потому что съ вечерней прохладой долженъ будетъ явиться и мясникъ, чтобы взять барашка съ маткой и еще другую жирную овцу.

Паша, была не по лѣтамъ сильная дѣвочка; она подхватила маленькаго мальчика, сидѣвшаго на валу и кормившаго овецъ, и, держа его на рукахъ, побѣжала помогать Васѣ стащить барашка съ поля, на которомъ онъ пасся, въ то небольшое огороженное пространство, гдѣ его долженъ былъ найти мясникъ, когда пріѣдетъ ввечеру. Не легко было имъ это сдѣлать, потому что этого барашка не любили и не баловали такъ какъ Ванинаго, и онъ былъ менѣе ручной, у Васи-же было еще много другихъ любимцевъ, о которыхъ онъ больше заботился, чѣмъ о своихъ барашкахъ.

Когда барашка согнали съ поля и заставили перескочить черезъ валъ на лужайку, гдѣ Ваня все еще сидѣлъ, лаская своего любимца, тогда и только тогда, плутовка Паша сказала: «Какъ-же ты отдашъ своего барашка безъ спросу, Вася, не лучше ли было тебѣ сперва спросить объ этомъ отца»?

«На что же мнѣ просить позволенья, когда отецъ далъ мнѣ ихъ, чтобы я сдѣлалъ съ ними, что хочу—продалъ-бы или подарилъ, или все, что вздумается»? Возразилъ Вася, и на красивомъ лицѣ его появилось выраженіе гордости, заставившее Пашу покраснѣть и почувствовать, что она не имѣла никакого права вмѣшиваться, хотя она сама и поощрила его, и помогла ему въ этомъ дѣлѣ, загнавъ вмѣстѣ съ нимъ барашка на лужайку.

«Я буду караулить мясника сегодня вечеромъ», сказалъ Вася, «и какъ только увижу его бѣлую лошадь, когда онъ поѣдетъ мимо нашихъ воротъ, я пойду прямо черезъ поле и буду здѣсь раньше его, Ваня, чтобы помочь ему вывести овецъ и барашка, а твоего мы привяжемъ къ яблонѣ, пока мясникъ не уѣдетъ. Не говори ничего твоимъ родителямъ раньше того».

Ваня обѣщалъ молчать и отправился домой вмѣстѣ со своимъ барашкомъ, который шелъ за нимъ слѣдомъ, между тѣмъ какъ Васинъ барашекъ, уже вполнѣ осмотрѣвшись и почувствовавъ себя какъ дома, беззаботно сталъ пощипывать кустикъ бѣлаго клевера, росшій въ одномъ изъ уголковъ лужайки.

Ванинъ отецъ былъ работящій и трудолюбивый человѣкъ; но такъ какъ онъ былъ одинъ работникъ въ своемъ семействѣ, то ему трудно было зарабатывать столько денегъ, чтобы платить всѣ свои повинности и кромѣ того еще сберегать что нибудь на случай болѣзни или какого нибудь непредвидѣннаго происшествія, какъ это случилось съ нимъ теперь: лошадь вдругъ осадила, когда онъ хотѣлъ затворить калитку и колесо телѣги переѣхало ему по ногѣ. Онъ не могъ работать нѣсколько недѣль, и хотя добрые люди ему и помогали, однако онъ зналъ, что никто за него не заплатитъ его повинностей, а чтобы сдѣлать это, ему необходимо было продать своихъ овецъ и Ванинаго любимаго барашка мяснику. Ванинъ отецъ былъ очень добръ, потому что барашекъ, войдя въ избу, тотчасъ подошелъ къ нему, и онъ глубоко вздохнулъ, гладя его хорошенькую головку: ему было почти столько же жаль маленькаго барашка, сколько и Ванѣ.

Нѣмое животное рѣдко подойдетъ само къ человѣку, который не одинаково ласковъ со всѣми созданіями. Они будто знаютъ, кто любитъ ихъ, а кто нѣтъ. Собаки, болѣе другихъ животныхъ, кажутся одаренными способностью распознавать добрыхъ и злыхъ людей. Иногда чужой мальчикъ потреплетъ собаку и она замашетъ хвостомъ, а другой только ее погладитъ, а ужъ она ворчитъ. Я всегда люблю того мальчика больше, къ которому собаки ласкаются. Барашекъ положилъ голову на колѣно своего хозяина; тотъ гладилъ его, закрывъ глаза, какъ будто ему было больно смотрѣть на это милое животное, съ которымъ необходимость принуждала его разстаться. Потомъ, барашекъ, блѣя, подошелъ къ Ваниной матери, чтобы и она его замѣтила. Нагнувшись, чтобы поласкать его, она съ трудомъ удерживала слезы, готовыя брызнуть у нея изъ глазъ. Ваня не выдавалъ своей тайны, и ни слова не сказалъ о барашкѣ, подаренномъ ему его другомъ Васей.

Вмѣсто того, чтобы прибѣжать прямо по полю, Вася, Паша и маленькій братецъ пріѣхали вечеромъ вмѣстѣ съ мясникомъ въ его телѣжкѣ, такъ какъ ему надо было по дорогѣ заѣхать къ Васиному отцу, чтобы купить у него нѣсколько жирныхъ телятъ. Паша попросила его прокатить дѣтей, потому что она очень безпокоилась объ Ваниномъ барашкѣ и говорила Васѣ:

«Я не буду спокойна на его счетъ, пока не увижу, что мясникъ уѣхалъ безъ него».

Ванинъ отецъ былъ еще слишкомъ хромъ, чтобы помочь мяснику укладывать овецъ въ телѣгу, такъ что Паша съ Васей вывели ихъ изъ за вала, пока Ваня смотрѣлъ за маленькимъ братцемъ, который сидѣлъ на травѣ, обвивъ своими ручонками шею барашка и цаловалъ его, приговаривая: «Пай, пай», потому что онъ еще не умѣлъ говорить, какъ большіе.

«Это не тотъ барашекъ, котораго я торговалъ недѣлю тому назадъ», сказалъ мясникъ, готовясь поднять его на телѣгу, «право, онъ сталъ четырьмя или пятью фунтами тяжелѣе. Отдайте Ванѣ этотъ полтинникъ; пусть возметъ его себѣ. Этотъ барашекъ гораздо тучнѣе, чѣмъ я думалъ». Оглянувшись и не видя мальчика, онъ отдалъ деньги Пашѣ. Заплативъ ей за барашка и за овецъ, онъ уѣхалъ, а бѣдныя, нѣмыя животныя лежали такъ смирно и казалось были такъ счастливы въ телѣгѣ, какъ дѣти, когда ихъ везутъ кататься. Совсѣмъ иными показались бы они намъ въ сараѣ возлѣ бойни, гдѣ уже столькихъ овецъ перерѣзали.

Овечки и барашекъ, катившіеся по красивой деревенской дорогѣ въ телѣжкѣ мясника, никакъ не могли думать, что ихъ везутъ на убой; точно такъ же какъ и вы никогда не угадаете и недумаете о томъ, что съ вами можетъ случиться какое нибудь ужасное происшествіе во время прогулки.

Мясникъ только что успѣлъ уѣхать, какъ Паша побѣжала на лужайку, хлопая въ ладоши и восклицая: «Теперь все хорошо, Ваня, онъ уѣхалъ!» Потомъ она нагнулась и поцаловала хорошенькаго барашка, который началъ лизать ея темныя, загорѣвшія щеки, какъ бы желая выразить ей свою благодарность за тѣ нѣсколько добрыхъ словъ, сказанныхъ ею, которыя спасли его отъ ножа мясника.

Когда дѣти возвратились домой черезъ поле и поужинали домашнимъ чернымъ хлѣбомъ съ густымъ парнымъ молокомъ, Вася пошелъ къ отцу и сталъ у него между колѣнами, такъ какъ богатый крестьянинъ сидѣлъ въ это время, съ трубкою въ зубахъ, за стаканомъ пива своей собственной варки. Вася былъ довольно догладивъ и зналъ, что отецъ его всегда бываетъ въ хорошемъ расположеніи духа, когда вечеромъ, по окончаніи

дневныхъ работъ, покуриваетъ свою трубку и попиваетъ пиво. И такъ, пока Паша стояла, слѣдя за каждымъ его движеніемъ, и отъ нетерпѣнія покусывала конецъ своего синяго передника, желая, чтобы все это скорѣе кончилось, Вася поднялъ къ отцу свое открытое, честное личико и сказалъ: «Послушай, Папа, я отдалъ сегодня Ванѣ Павлову однаго изъ моихъ барашковъ, чтобы онъ продалъ его мяснику вмѣсто своего любимца, съ которымъ ему такъ трудно разстаться; онъ его такъ любитъ, и такъ объ немъ плакалъ, а мясникъ непремѣнно увезъ бы его вечеромъ въ своей телѣжкѣ, если бы я не далъ ему своего, потому что ты знаешь, Ванинъ отецъ болѣнъ и не можетъ работать, а долженъ былъ продать своихъ двухъ овецъ и...

«И Ванинаго любимца тоже», добавилъ отецъ, перебивая Васю и все не переставая гладить его по головкѣ; «что-жъ Вася, это былъ твой собственный барашекъ и ты могъ сдѣлать съ нимъ, что хотѣлъ; но Ванинъ отецъ долженъ былъ бы дать мнѣ знать, что онъ продалъ твоего барашка, вмѣсто своего».

«Позвольте сказать», вмѣшалась Паша, поспѣшая на помощь, «онъ совсѣмъ не знаетъ, что мясникъ увезъ не Ванинаго барашка. Вася вывелъ со мной своего барашка, а того мы привязали къ яблонѣ на лужайкѣ, потому что Ванюша такъ плакалъ цѣлый день, что намъ всѣмъ стало очень жаль его.»

«Я былъ увѣренъ что это не обошлось безъ тебя, Паша,» сказалъ богатый крестьянинъ, ласково посмотрѣвъ на свою маленькую служанку, потому что онъ зналъ, какъ она любила его милыхъ дѣтей. «А тебя, Вася,» обратился онъ строго къ сыну, сдвинувъ брови, тогда какъ пріятная улыбка играла на его губахъ, ясно показывая, что сдвинувъ брови, онъ только дѣлалъ видъ будто разсердился, «вотъ какъ я накажу». Паша видѣла улыбку своего хозяина и знала, что все хорошо и, что никакого наказанія не будетъ, но Васенька немного струсилъ. «Такъ какъ ты отдалъ однаго изъ твоихъ барашковъ изъ своего удовольствія, то ты долженъ отдать и другаго для моего удовольствія. Отведи его завтра къ Павлову на лужайку и возми съ собой и матку, потому что ягненокъ можетъ въ ней нуждаться. Такимъ образомъ, когда барашекъ выростетъ большой, у Павлова, кромѣ Ванинаго любимца, будутъ опять двѣ овцы. Теперь поцалуй меня, прочитай свою молитву съ Пашей и иди спать».

«Ахъ, я такъ рада этому»! воскликнула Паша, хлопая въ ладоши, и на глазахъ ея навернулись слезы, когда она подошла, чтобы отвести Васю.

«Я въ этомъ увѣренъ, Паша,» сказалъ хозяинъ, поцаловавъ тоже и служанку, ну теперь идите съ Богомъ. И пять минутъ спустя, онъ уже разсматривалъ свою большую книгу, гдѣ у него былъ записанъ весь его скотъ, соображая сколько у него жирныхъ бычковъ, поросятъ, телятъ, овецъ и барашковъ готово для продажи. Онъ столько же думалъ теперь о томъ, что ему стоила овца, которую онъ велѣлъ отвести завтра къ храмому земледѣльцу, сколько о второмъ стаканѣ пива, который онъ приказалъ работнику нацѣдить себѣ изъ бочки.

Хотя Паша и была дочь бѣдняго крестьянина и получала, какъ она сама говорила, всего только свой обѣдъ, да два рубля въ мѣсяцъ, однако она была умная дѣвочка и думала, что Ванины родители могутъ быть очень озабочены, узнавъ, что Васинъ барашекъ былъ проданъ, вмѣсто Ванинаго; поэтому она, прежде чѣмъ идти спать, побѣжала, какъ только могла шибче, къ избѣ Павлова, чтобы сказать имъ все о барашкѣ, котораго она завтра съ Васей должна будетъ привести къ нимъ утромъ на лужайку, и какъ ея добрый хозяинъ былъ доволенъ тѣмъ, что Вася сдѣлалъ.

Ваня спдѣлъ на низенькой тростниковой скамеечкѣ, положивъ голову на колѣни матери, и крѣпко спалъ. Одна рука его покоилась на спинѣ любимаго барашка, свернувшагося передъ огнемъ. Когда Паша передала имъ всѣ свои хорошія вѣсти, она такъ-же быстро пустилась въ обратный путь, тѣмъ болѣе, что летучія мыши уже летали въ воздухѣ, хватая насѣкомыхъ, и ей послышалось кукуканье кукушки съ однаго изъ деревьевъ, отѣнявшихъ дорогу, по которой она бѣжала.

Въ этотъ прекрасный вечеръ, когда весна уже сливалась съ лѣтомъ, никто въ нашей живописной деревенькѣ не засыпалъ съ такою покойной совѣстью и такимъ счастливымъ сердцемъ, какъ Паша, потому что она сознавала, что ея сочувствіе къ Ваниному горю, по поводу разставанія съ его любимымъ барашкомъ, сообщилось тоже и сердцу Васи, и что не скажи она тѣхъ немногихъ словъ, приведенныхъ въ началѣ нашего разсказа, бѣдный барашекъ стоялъ бы теперь подъ навѣсомъ бойни,

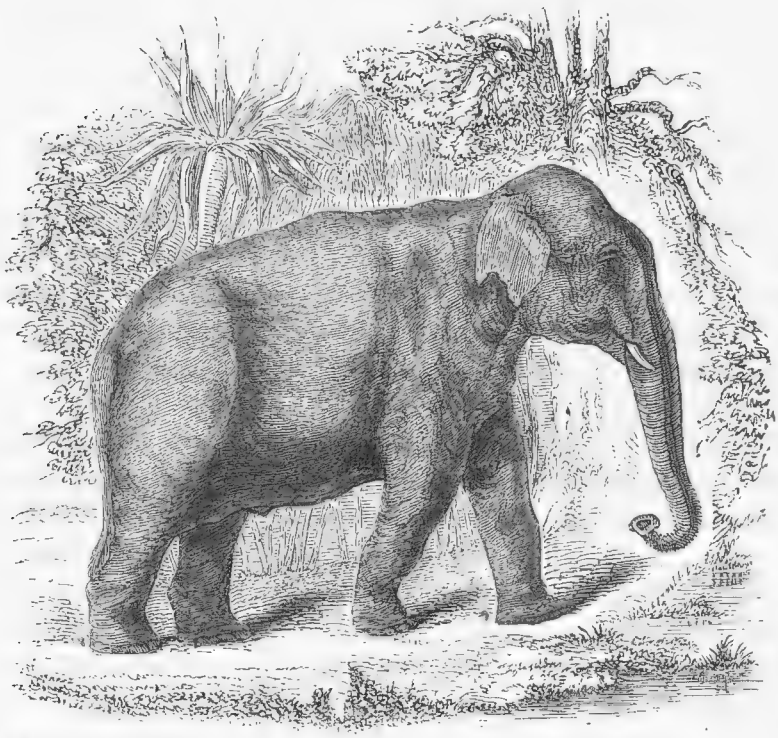
гдѣ уже вѣрно висятъ теперь барашки и овцы, ѣхавшіе въ той же телѣгѣ. Бѣдныя, хорошенькія созданія!

А мясникъ? Вѣдь онъ человѣкъ добрый! какъ можетъ онъ ихъ убивать?

Паша уже засыпала, все стараясь распутать, что было грѣшнѣе—убивать барашка или овцу, и искренно желая, чтобы баранина съ мятной подливкой не была бы такъ вкусна.

ДИКІЙ СЛОНЪ.

(Съ англійскаго).



Слонъ самый большой звѣрь изъ живущихъ на землѣ, на сушѣ; у него самый большой носъ и самые большіе зубы; гордый силою и самонадѣянный онъ всѣмъ пренебрегаетъ, не обращаетъ ни на что вниманія—всѣ меньше его, всѣ слабѣе его.

Когда онъ идетъ по густому лѣсу, то давитъ и ломаетъ всѣ молодыя деревья и кустарникъ; онъ не выбираетъ дороги. Вотъ

онъ приближается къ деревнѣ; тутъ стоитъ молодая пальмовая роща; жители этой деревни нѣсколько лѣтъ уже любуются ею и радуются, что деревья хорошо ростутъ. Но слонъ своимъ длиннымъ носомъ—хоботомъ—обламываетъ вершины пальмъ, съ ихъ конечными почками; хрупъ, хрустъ—обламываетъ и съѣдаетъ ихъ, а деревья рости болѣе не будутъ.

Онъ идетъ далѣе и видитъ поле засѣянное рисомъ. Люди здѣсь трудомъ вспахали землю, много работали, чтобы оросить поле, потомъ засѣяли его и радовались, видя что рисъ хорошо колосился и былъ многозернитъ. Слону до этого нѣтъ дѣла: своимъ длиннымъ хоботомъ онъ свертываетъ цѣлыя снопы лучшихъ колосьевъ, срываетъ ихъ и съѣдаетъ; его толстыя ступни ломаютъ и втискиваютъ въ сырую землю остальное. Караульщикъ рисоваго поля кричитъ изъ всѣхъ силъ, чтобы испугать слона, но тотъ и вниманія не обращаетъ на этотъ крикъ—у него вѣдь самые большіе зубы, и самый длинный хоботъ, по этому онъ хозяинъ этого поля.

Подлѣ рисоваго поля, люди насадили густую бамбуковую рощу. Изъ крѣпкихъ длинныхъ стеблей бамбука они разсчитываютъ построить себѣ новыя хижины. Изъ этого же бамбука они надѣлаютъ себѣ посуды, ящиковъ, корзинокъ и вдоволь всякой домашней утвари. Но вотъ пришелъ господинъ Хоботникъ—идетъ и все ломаетъ—только раздается хрустъ; ѣсть бамбука онъ не можетъ—это слишкомъ для него жестко. Трахъ, трахъ—пробирается слонъ дальше и ломаетъ все на пути.

Подлѣ расположенъ фруктовый садъ; деревья одни въ цвѣту, у другихъ вѣтви гнутся отъ множества плодовъ. Слонъ сытъ, ему дѣлать болѣе нечего какъ опустошить садъ; онъ своими сильными бивнями обламываетъ вѣтви попадающіеся на пути и хоботомъ взбрасываетъ ихъ высоко и вдаль—онъ по своему играетъ для развлеченія. Ему нѣтъ дѣла до того, что онъ портитъ и уничтожаетъ многолѣтніе труды другихъ—ему было бы только себѣ хорошо;—вѣдь онъ сильнѣе всѣхъ.

Но всему есть свой предѣлъ; каждый, будь у него и вдвое длиннѣе хоботъ и въ четверо болѣе силъ, получитъ должное воздаяніе.

Въ кустарникѣ свиснула пуля охотника, прямо сквозь ухо въ голову надменнаго истребителя и живая громадина, покачавшись

рухнула мертвая на землю обливаясь кровью. Съ крикомъ радости и удовольствія выскакиваетъ изъ кустарника старъ и малъ, окружаютъ слона, отрѣзаютъ хоботъ, чтобы изжарить его какъ лакомое блюдо; кожу снимаютъ себѣ на щиты, окорока тащутъ въ деревню, чтобы коптить. А зубы выламываютъ и продаютъ торговцу слоновой кости, чтобы наши токари приготовили дѣтямъ хорошенькія вещицы, которыя дѣти не будутъ ломать, а будутъ беречь.

Ю. С.

ОДѢВАЮЩАЯСЯ КУКОЛКА.

Двѣ куколки, нарисованныя одна спереди, другая сзади, слѣдуетъ вырѣзать акуратно по краямъ ихъ контуровъ; потомъ обѣ бѣлыя стороны склеить совершенно гладко, кромѣ полукруглыхъ подставокъ; послѣднія слѣдуетъ отогнуть въ разныя стороны и обѣ наклеить на цѣльный кружокъ, вырѣзанный изъ папки такой величины, чтобы оба полукружка плотно его закрывали.

За тѣмъ слѣдуетъ точно также акуратно вырѣзать и оба рисунка платья, нарисованнаго здѣсь вдвойнѣ сзади и спереди. Вырѣзывая платья надо вмѣстѣ съ ними вырѣзать и тѣ язычки, которыя находятся по сторонамъ, потомъ подогнуть ихъ къ внутренней бѣлой сторонѣ и, намазавъ внѣшнюю сторону клейстеромъ, приклеить къ задней половинкѣ платья, такъ чтобы платья не были склеены ни у шеи, ни у подола. Такія платья надѣваются на куколку черезъ голову.

Куколка можетъ имѣть и большой гардеробъ. Не трудно и самимъ сдѣлать, по выкройкѣ даваемыхъ платьевъ, другія изъ бѣлой бумаги, которую каждая дѣвочка можетъ раскрасить какъ ей нравится, хотя бы напримѣръ такого цвѣта, какъ то платье, въ которомъ она ходитъ.

КАЗАЧЕКЪ (ПАЯЦЪ).

Старшіе братья или сестры могутъ приготовить маленькимъ, неумѣющимъ еще акуратно работать, нарисованнаго здѣсь казачка.

Вырѣзавъ всѣ части казачка по контурамъ, надо ихъ скрѣпить нитками, но такъ, чтобы каждая часть была подвижна. Для этого, протянувъ нитку съ большимъ узелкомъ одинъ разъ, завязываютъ новый узелокъ какъ можно ближе къ бумагѣ, чтобы нитки между бумажками вовсе не было видно. Когда всѣ суставы срѣплены — тогда къ краямъ лопатокъ и къ верхнимъ концамъ бедеръ прикрѣпляются нитки, которыя и связываются всѣ вмѣстѣ, какъ показано на образцѣ нарисованномъ въ сторонѣ въ маломъ видѣ.

Дергая сильнѣе или слабѣе за веревочку приводятъ руки и ноги въ разнообразныя движенія, которыя очень занимаютъ маленькихъ дѣтей.

Ю. С.

1.

Мама сказала, что этотъ кусочекъ будетъ мнѣ, и куда то ушла; такъ я достану его самъ. — Ахъ какъ далеко! Подожди Дружокъ— надо придумать что-нибудь.

НАДЕЖДА.

2.

«Тяжелъ трудъ, но сладки плоды!» такъ говоритъ всегда Папа. Только тебѣ Дружокъ все достается даромъ — на этотъ разъ ты получишь очень, очень маленькій кусочекъ!

ТРУДЪ.

3.

Сейчасъ достану! Еще не много надо потянуться—вотъ, вотъ, достаю уже пальцемъ, но.....

УСИЛІЕ.

4.

Скамья подвернулась—Володя растянулся, а Дружокъ не теряетъ времени.

РЕЗУЛЬТАТЪ.